

RESPUBLICA LITERARIA

№1 2022

Respublica Literaria

2022. Т. 3. № 1.

Учредитель:

Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук

Founder:

Institute of Philosophy and Law of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Редакция:

Главный редактор - Абрамова М. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Заместитель главного редактора - Хлебалин А. В.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Секретарь – Персидская О. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)

Редакционный совет:

Вольф М. Н. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Лазаревич А. А. (Институт философии, Минск,
Республика Беларусь)
Аязбекова С. Ш. (МГУ, Нур-Султан, Казахстан)
Синеокая Ю. В. (ИФ РАН, Москва, Россия)
Толстых В. Л. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Целищев В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Шаронова С. А. (РУДН, Москва, Россия)
Liberska H. (Университет г. Быдгощ им. Казимира
Великого, Быдгощ, Польша)
Campbell C. (Техаский университет в Остине, США)

Редакционная коллегия:

Аблажей А.М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Афонасин Е.В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Борисов Е. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Григоричев К. В. (ИГУ, Иркутск, Россия)
Зазулина М. Р. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Зыков С. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Костина Е. Ю. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Костюк В. Г. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Куликов С. Б. (ТГПУ, Томск, Россия)
Лбова Е. М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Мадюкова С. А. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Петров В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Попков Ю. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Санжениаков А. А. (ИФПР СО РАН, Новосибирск,
Россия)
Сторожук А.Ю. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Ярулин И. Ф. (Тихоокеанский университет, Хабаровск,
Россия)
Ячин С. Е. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Dr. David C. Lewis (Yunnan University, China; University
of Cambridge, England)
Farnika M. (Университет Зелена Гура, Зелена Гура,
Польша)

Editorial council:

Chief editor-M. A. Abramova
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Vice chief editor-A.V. Khlebalin
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Editor – Persidskaya O. A.
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)

Editorial Board:

Volf M. N. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Lazarevich A. A.
(Institute of philosophy, Minsk, Republic of Belarus)
Ayazbekova S. Sh. (MSU, Nur-Sultan, Kazakhstan)
Sineokaya Yu. V. (IP RAS, Moscow, Russia)
Tolstykh V. L. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Tselishchev V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sharonova S. A. (Peoples ' Friendship University
of Russia, Moscow, Russia)
Liberska H. (University of Bydgoszcz.
Casimir The Great, Bydgoszcz, Poland)
Campbell K. (University of Texas at Austin, USA)

Editorial Board:

Ablazhey A. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Afonasin E. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Borisov E. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Grigorichev K. V. (ISU, Irkutsk, Russia)
Zazulina M. R. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Zykov S. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Kostina E. Yu. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Kostyuk V. G. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Kulikov S. B. (TSPU, Tomsk, Russia)
Lbova E. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Madyukova S. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Petrov V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Popkov Yu. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sanzhenakov A. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Storozhuk A. Yu. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Yarulin I. F. (Pacific National University,
Khabarovsk, Russia)
Yachin S. E. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Dr. David C. Lewis (Yunnan University, China;
University of Cambridge, England)
Farnika M. (Zielona góra University,
Zielona góra, Poland)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Аникина А. Б. «Долг памяти» как запрет на историю.....	5
Афонасин Е. В., Суворкина Т.М. Анонимный античный трактат «О доблести» (Peri aretes) в свете современных правовых дискуссий о гражданских свободах	20
Бердаус С. В. Развитие концепции интенциональности в дискурсе современной психологии	28
Ковальчук К. С. «Двойные речи» (Dissoi logoi). Часть 2.....	38
Косарев А. В. Исторический поворот в аналитической философии и неопрагматизм	46

СОЦИОЛОГИЯ

Ардальянова А. Ю., Земцова А. Е., Купряшкин И. В. Цифровизация городского пространства: от идеи к повседневной практике жителей г. Владивосток.....	54
Винокурова А. В., Яковлев А. И. Региональные столицы Дальнего Востока: уехать нельзя остаться (где поставим запятую?).....	67

ОБЗОР

Трошкина И. Н. Традиции и инновации в реализации государственной языковой политики Российской Федерации в сфере образования и науки.....	81
Хлебалин А. В. Определяя векторы и осмысляя траектории: конференция, приуроченная к 80-летию В.В. Целищева.....	92

CONTENTS

PHILOSOPHY

Anikina A. B. Obligated Memory as a Prohibition on History.....	5
Afonasin E. V., Suvorkina T. M. The Anonymous Ancient Treatise “On Excellence (Peri Aretes)” in Light of Contemporary Legal Debates on Civil Liberties	20
Berdaus S. V. Developing the Concept of Intentionality in the Discourse of Modern Psychology	28
Kovalchuk X. S. Pairs of Arguments (Dissoi logoi). Part 2.	38
Kosarev A. V. A Historical Turn in Analytical Philosophy and Neopragmatism.....	46

SOCIOLOGY

Ardalyanova A. Yu., Zemtsova A. E., Kupryashkin I. V. Digitalization of Urban Space: from Idea to Everyday Practice of Vladivostok Residents.....	54
Vinokurova A. V., Yakovlev A. I. The Regional Capitals of the Far East: go away can not be stay (Where should we put a Comma?).....	67

REVIEW

Troshkina I. N. Traditions and Innovations in the Implementation of the State Language Policy of the Russian Federation in the Field of Education and Science	81
Khlebalin A. V. Determinating Vectors and Considering Trajectories: Conference Dedicated to the 80th Anniversary of V. V. Tselishchev.....	92

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1 (165.5)

«ДОЛГ ПАМЯТИ» КАК ЗАПРЕТ НА ИСТОРИЮ*

А. Б. Аникина

Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)
lieda27@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены противоречия между двумя формами обращения к прошлому – историей и памятью. На основе анализа концепции классика XX в. Поля Рикёра показано, как память из свидетельства о пережитом опыте может превратиться в подмену прошлого в виде «памяти-долга». Идея «памяти-долга» рассмотрена на примере идеологемы победы в российской политике памяти, которая заслоняет собой опыт горя и разрушений, пережитых народом-победителем. Показано, что «память-долг» только представляется памятью, заставляя тем самым относиться серьезно к ее образам, однако она не опирается на реальный опыт, который необходим для выживания, как отдельных индивидов, так и обществ в целом.

Ключевые слова: П. Рикёр, политика памяти, припоминание, мемориальный поворот, злоупотребления памятью.

Для цитирования: Аникина, А. Б. (2022). «Долг памяти» как запрет на историю. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 1. С. 5-19. DOI: 10.47850/RL.2022.3.1.5-19.

OBLIGATED MEMORY AS A PROHIBITION ON HISTORY*

A. B. Anikina

Novosibirsk State University (Novosibirsk)
lieda27@gmail.com

Abstract. The article deals with the contradictions of two forms of dealing with the past – history and memory. Based on the analysis of the concept of the 20th century classic Paul Ricoeur, it is shown how memory can turn from a testimonial of experience into a substitution of the past in the form of a “obligated memory”. The idea of “obligated memory” is considered on the example of the ideologeme of victory in the Russian politics of memory, which obscures the experience of grief and destruction suffered by the victorious people. It is shown that “obligated memory” only seems to be memory, thereby forcing one to take its images seriously, but it does not rely on real experience, which is necessary for the survival as of individuals so of societies as a whole.

Keywords: politics of memory, P. Ricoeur, recollection, memorial turn, Abusively Controlled Memory.

For citation: Anikina, A. B. (2022). Obligated Memory as a Prohibition on History. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 1, pp. 5-19. DOI: 10.47850/RL.2022.3.1.5-19.

---

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00801 «Концепция тройственного мимесиса П. Рикёра как основание верифицируемости исторических нарративов».

* The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No 20-011-00801 “The Concept of the Tripartite Mimesis of P. Ricoeur as the Basis for Verification of Historical Narratives”.

История вышла из лоно памяти и долгое время рассматривалась как ее продолжение, начиная с «отца истории» Геродота, который взялся за стило, чтобы «великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в безвестности» [Геродот, 1972, с. 11]. Но за истекшие с тех пор столетия история, так сказать, «повзрослела» и обрела независимость от памяти. Французский философ Поль Рикёр в своих работах неоднократно подчеркивал, как опасно смешивать функции истории и памяти, настаивая на необходимости сохранения баланса между ними [подробнее о памяти и истории в концепции Рикёра см.: Аникина, 2021]. В своем труде «Память, история, забвение» Рикёр пытается разрешить этот «постоянно возобновляемый спор между соперничающими претензиями истории и памяти на то, чтобы охватить всю область, открываемую позади настоящего в процессе репрезентации прошлого» [Рикёр, 2004, с. 190]. Для этого важно выяснить, где, в какой сфере лежит опасность их подмены друг другом, где особенно важно развести эти две формы обращения к прошлому, и как сохранить независимость каждой из них.

Несмотря на тесную взаимосвязь истории и памяти, последняя может выступать и как соперница или даже враг истории. Это связано с многообразием феноменов памяти, среди которых значительная часть находится не в рефлексивной области, а в области привычки или того, что Рикёр называл произвольным воскрешением в памяти. Это противопоставление зачастую ускользает от внимания субъектов воспоминаний, и произвольно возникающие картины прошедших событий имеют тенденцию восприниматься как единственно возможный образ прошлого. История также нередко стремится подменить собой память на том основании, что последняя не выдерживает критической проверки.

История как опора ненадежной памяти

Ключевая установка Рикёра о доверии памяти далеко не у всех исследователей находит поддержку. Подчеркивается недостоверность памяти, ее обусловленность принадлежностью индивида к той или иной социальной группе, подверженность манипуляциям. Поэтому многие исследователи рассматривают память как то, что должно быть уточнено или даже преодолено с помощью критической методологии истории. Степень недоверия к памяти при таком подходе варьируется, определяя радикальность отрицания ее роли для истории.

Одними из первых среди историков в надежности памяти усомнились основатели школы Анналов. Так, Люсьен Февр писал: «Постараемся отделаться от иллюзий. Человек не помнит прошлого – он постоянно воссоздает его ... Он исходит из настоящего – и только сквозь его призму познает и истолковывает прошлое» [Февр, 1991, с. 21]. Марк Блок предостерегал от наивного доверия свидетельствам, разделяя их на намеренные, «сознательно предназначенные для осведомления читателей» [Блок, 1986, с. 37], и ненамеренные следы деятельности, подчиненные только целям этой деятельности. Эти вторые он считает для историка более предпочтительными, хотя и столь же несвободными от фальсификаций и ошибок. Но и те, и другие обретают свою ценность только под критическим взглядом историка.

Так что в первой половине XX в. история, лишь недавно утвердившаяся в своем статусе научной дисциплины, действовала как бы против памяти. Субъективная, индивидуальная, обманчивая природа последней противоречила требованиям объективных наук, изучающих

общие закономерности. Хотя история и вынуждена была опираться на память, последняя оставалась не более чем свидетельством, нуждающимся в проверке, критической оценке и интерпретации историка. Историк был тем, кто решал, должен ли сохраниться тот или иной факт в истории сообщества. Все остальные факты были частным делом памяти отдельных групп: «История была областью коллективного, память же – индивидуального» [Нора, 2005, с. 203].

Во второй половине XX в. критика субъективности памяти вообще и исторических свидетельств в частности привела к отдельным выступлениям против какой-либо надежности следов прошлого. Кроме того, исследования в области автобиографической памяти показывают, насколько высока манипулятивность этого вида памяти и его зависимость от текущих обстоятельств. Люди, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, «теряют» позитивные воспоминания о прошлом, происходит обеднение прошлого [Нуркова, Василевская, 2003]. С другой стороны, имеет место то, чему психологи дали название «эффект розовых очков», заключающийся в том, что со временем сглаживаются негативные впечатления, и субъекты склонны придавать событиям более позитивный смысл [Нуркова, 2008]. Все это, безусловно, говорит о том, что память нуждается во внешнем контроле, если хоть в каком-либо отношении нам важно иметь достоверные представления о прошлом.

Х. Уайт и Ф. Анкерсмит были убеждены, что свидетельства не могут указывать на прошлое, но лишь на другие интерпретации прошлого. Многие историки сегодня также продолжают линию критики памяти как того, что должно быть преодолено с помощью критического инструментария историка. По мнению А. Мегилла, память не заслуживает того доверия, какое ей оказывает Рикёр. Мегилл прямо пишет: «Память – область мрака, ей нельзя доверять» [Мегилл, с. 168]. Он исходит из того, что возможно построение объективной истории, но памяти различных социальных групп, отстаивающих каждая свою версию событий, не допускают какого-либо согласия между ними. Следовательно, соотнесение истории с памятью какой-либо из этих социальных групп компрометирует историю как науку.

В случае конфликтов между группами споры не могут быть разрешены на основе обращения к памяти о том, с чего все началось и кто виноват: одна группа «помнит» одним образом, другая – другим. Апелляции к прошлому положению дел являются нерелевантными любым актуальным реальным проблемам: «... “память” одновременно и подстрекает к таким конфликтам, и является признаком неспособности вовлеченных в него людей справиться с причинами конфликта в той конкретной ситуации, в которой они живут» [Там же, с. 102].

Мегилл, в отличие от Рикёра, исходит из того, что память не является критической или рефлексивной способностью, что особенно отчетливо проявляется, когда воспоминания различных групп вступают друг с другом в противоречие. Поскольку непосредственно на уровне памяти конфликт «чья память достовернее» не может быть разрешен, то необходимое решение противоречия между конфликтующими «воспоминаниями» может быть найдено только на другом уровне, где действуют не мнемонические критерии, а, например, критерии исторической достоверности. Мегилл переносит акцент с аффирмативной функции историка на критическую составляющую его деятельности. В итоге он приходит к убеждению, что «история, скорее, должна элиминировать память и заменить ее чем-то другим, что не так привязано к потребностям настоящего» [Там же, с. 101].

На опасность раздробления истории, начинающей слишком усердно ориентироваться на память, обращал внимание и Пьер Нора, посвятивший свои исследования способу функционирования памяти и практикам поминовения в обществе. «То, что называют во Франции “национальной памятью”, – не что иное, как захват, опровержение, затопление основной исторической памяти видоизменяющими ее воспоминаниями отдельных групп» [Нора, 2005, с. 131]. Он также призывает историю противостоять памяти, особенно в виде «долга памяти», хотя и не отрицает претензии памяти на верность.

Даже такой беглый анализ показывает, что увязывание вместе истории и памяти глубоко проблематично. Тем не менее, важно подчеркнуть, что Рикёр не пытался ликвидировать это противоречие в своей концепции, но исходил из признания его неустранимости. Кроме того, можно привести еще несколько аргументов в пользу того, что критика памяти не может серьезно поколебать концепцию Рикёра.

Во-первых, в отличие от многих критиков памяти, Рикёр исходил из презумпции достоверности памяти, которую современные когнитивные науки скорее подтверждают [см.: Кандель, 2012], хотя и открывая при этом различные способы ее искажения. По словам Л. П. Репиной: «Некоторые исследователи исходят из того, что “индивидуальная память нерепрезентативна”. Эта оценка нуждается в корректировке, так как не учитывает сложного состава памяти индивида» [Репина, 2006, с. 31]. Индивидуальная память неоднородна, состоит из различных компонентов, которые можно отнести как к персональной, так и к социокультурной сферам. По убеждению Рикёра, как бы ни была память социально и культурно детерминирована, «вопреки всем ловушкам воображения, можно утверждать, что специфическая потребность в истине имплицитна нацеленности на прошлую вещь» [Ricoeur, 2000, p. 66]. Эта потребность в истине и делает память необходимым компонентом познания.

Во-вторых, многие критики памяти (тот же Мегилл) склонны употреблять понятие памяти недифференцированно, не учитывая различных процессов, которые составляют феномен воспоминания. Рикёр же четко разводит нерелексивируемые автоматизмы и память-разыскание, рефлексивную, требующую усилий [см.: Аникина, 2021]. Столкнувшись с «конфликтом воспоминаний», субъекты могут предпринять усилия по разысканию подтверждения или уточнения для своей памяти. Правда, для этого у них должна быть соответствующая установка на умиротворение, а не на конфликт. Таким образом, Мегилл и Нора порицают в первую очередь нерелексивное использование памяти.

Идеи о неустранимости памяти придерживается и видный отечественный исследователь этой проблематики Л. П. Репина. По ее мнению, между историей и памятью нет непреодолимого разрыва. История находится в постоянном диалоге с памятью, проверяя ее аргументы и утверждения на соответствие фактам, но «было бы ошибкой представлять, что в результате этого расследования, выудив из исторической памяти “достоверные” факты, проверив ее аргументы и реконструировав закодированный в ней опыт – т. е., превратив ее в историю, – мы покончили с памятью» [Репина, 2006. с. 42].

Так или иначе, Рикёр решительно выступает против лишения памяти статуса матрицы истории и низведения ее до простой области исторических исследований (история памяти). Он критикует подобные взгляды за то, что «проблематика присутствия того, кто отсутствует в репрезентации прошлого так же, как и всецело основанный на вере характер самого

свидетельства очевидца (я там был, верьте мне или не верьте) с самого начала упускаются из виду» [Рикёр, 2004. с. 541]. Это приводит к тому, что в истории теряется субъект, в том числе и коллективный, и конструируется такое прошлое, «о котором никто не мог бы вспомнить» [Там же].

Память как соперница истории

Памяти в свою очередь приходилось «отстаивать свое место» и бороться с унифицирующим воздействием истории, стремившимся объединить все народы в один нарратив (марксистский, шпенглеровский, прогрессистский и пр.), дав им общую судьбу, цель и прошлое с одинаковыми для всех этапами развития. Противостоя подобной унификации, стала пробуждаться память неевропейских народов и меньшинств. В то же время через 10–20 лет после Второй мировой войны память получила иной толчок к усилению своего влияния в европейском обществе.

Общим фоном для усиления значения свидетельства и памяти стало, во-первых, вовлечение все большего количества людей непосредственно в орбиту исторических событий, а во-вторых, увеличение продолжительности жизни самих свидетелей. Сначала после ужасов войны и шока концлагерей европейское общество пыталось скорее вытеснить страшные картины из коллективного сознания. Но по прошествии времени необходимость осмыслить произошедшее взяла верх. Показательна, например, судьба книги итальянского писателя Примо Леви «Человек ли это?» [Леви, 2001], основанная на его личном опыте заключения в концлагере. Автор написал ее «по горячим следам» в 1946 г. Издать ее удалось небольшим тиражом в маленьком издательстве в 1947 г. Тогда книга не получила какого-либо серьезного отклика и не была воспринята обществом. Однако уже в 1957 г. книгу все-таки приняло издательство «Эйнауди», она получила мировую известность и вызвала широкий резонанс. Вероятно, именно потому, что время, которое «все лечит», несколько понизило порог эмоциональности отношения к этим событиям, в результате чего многие свидетели смогли хотя бы начать говорить об этом.

Вскоре применительно к недавнему прошлому стало доминировать такое отношение, которое можно охарактеризовать как «долг памяти». Образно его можно выразить словами стихотворения Примо Леви, предпосланного им книге «Человек ли это?»:

«Представьте, что все это было:
Заповедую вам эти строки,
Запечатлейте их в сердце,
Твердите их дома, на улице,
Спать ложась, просыпаясь.
Повторяйте их вашим детям» [Там же, с. 10].

Западное общество как будто последовало наказу Примо Леви, причем с чрезвычайным усердием. Необходимость помнить, чтобы больше такого не повторилось, постепенно трансформировалась в просто необходимость помнить – в «долг памяти». Выразительными примерами могут служить ряд архивов воспоминаний людей, пострадавших от Холокоста:

аудио (затем и видео) архив музея Йад-Вашем в Израиле, архив Йельского Университета и др. Процессом сбора воспоминаний занялись не только специализированные организации (научные и музейные), но и представители массовой культуры, или просто энтузиасты¹.

Подобные коллекции свидетельств зачастую выходят за рамки того, что необходимо историкам для реконструкции событий прошлого, преследуя скорее цель сохранения воспоминаний как самостоятельной ценности. По утверждению Мегилла «в них стали видеть нечто подобное священным реликвиям». О сакрализации темы Холокоста и превращении практик сбора воспоминаний и мероприятий, посвященных памяти жертв, в ритуалы писал американский историк П. Новик [Novick, 1999].

Падение Берлинской стены и исчезновение Советского Союза дало еще один толчок к «обретению памяти» в Восточной Европе, примером чего может стать ажиотаж вокруг открытия архивов Штази в бывшей ГДР. «Крах диктатур Латинской Америки, конец апартеида в Южной Африке и создание там Комиссии истины и примирения (Truth and Reconciliation Commission) стали вехами подлинной глобализации памяти; сведение счетов с прошлым проходило повсюду в очень различных и в то же время сопоставимых формах» [Нора, 2005, с. 132].

«Сведение счетов с прошлым» нашло свое отражение и в процессах над нацистскими преступниками, и в лоббировании различными национальными сообществами различных «законов о признании»². Таким образом, покинув пределы истории, память вышла даже в область права – феномен, который еще не получил достаточного осмысления. Если судебные процессы над преступлениями нацизма еще находятся на полпути между правом и собственно памятью-свидетельством, требующей верности и доверия, то принятие законов, и особенно так называемых «охранных законов» – это уже пример памяти, ставшей привычкой, памяти воскрешающей, лишенной дистанции, а значит и диалектики присутствия того, что отсутствует.

Нора видит причины «всемирного торжества памяти» в сочетании двух крупных исторических явлений, характерных для современной эпохи. Первый феномен Нора называет «ускорением времени», второй – демократизацией истории. Под первым имеются в виду чрезвычайно быстрые изменения, происходящие в обществе, что приводит к тому, что жизненный опыт даже одного поколения обесценивается уже в течение его жизни. Становится неясно, что из прошлого может пригодиться, и чего при таких темпах изменений ждать от будущего. Эта невозможность предугадать будущее, и заставляет людей, по мнению Нора, «благоговейно и неразборчиво собирать любые видимые знаки и материальные следы» [Там же].

Под демократизацией истории Нора понимает предоставление права на место в истории тем, кто раньше был его лишен, начиная от всех неевропейских народов и женщин до маргинальных сообществ. Первоначально пробуждение памяти этих групп носило характер демократичного протеста, протеста, в том числе и против истории, которая во все времена находилась в руках элит. Обретение собственного прошлого для различного рода

---

¹ Примером могут служить видеоархив кинорежиссера Стивена Спилберга или книги воспоминаний блокадников в России. Автору довелось поучаствовать в создании одной такой книги – «900 блокадных дней» (Новосибирск: ГПНТБ, 2004), собирая интервью блокадников, живших тогда в Новосибирске.

² Например, законы о признании геноцида армян, принятые парламентами многих стран.

меньшинств стало условием утверждения их идентичности. И первоначально это обретение происходило на почве живой памяти их представителей: мы помним себя, отцов, мы (или они) страдали, мы оказались в какой-то ситуации и хотим понять, почему? Таким образом, по мнению Нора, изначально в расширении прав памяти доминировал позитивный призыв к эмансипации и равенству.

То значение, какое придавалось лично пережитым страданиям привело к новому явлению, к пересмотру отношения к памяти: «Что в ней ново ... так это претензия на истину более «истинную», чем истина истории: истину живой памяти о пережитом» [Там же, с. 135]. Неожиданным образом в результате утверждения этой претензии «позитивный принцип эмансипации и освобождения, одушевлявший ее [сакрализацию памяти], оборачивается своей противоположностью и превращается в форму замкнутости, мотив исключения и орудие войны» [Там же]. В своей статье Пьер Нора приходит к заключению, что вопрос о причинах такого изменения положения является одной из важнейших проблем, требующих осмысления.

Искусная/искусственная память

Объяснение этой инверсии позитивной роли памяти можно найти в концепции Рикёра о злоупотреблении памятью. Именно из-за основополагающего значения памяти для истории, ее неверное употребление влечет за собой такие серьезные последствия. В книге «Память. История. Забвение» Рикёр артикулирует разные способы злоупотребления памятью, разделяя естественную и искусную (искусственную, *artificielle*³) память. Разделение естественной и искусственной памяти Рикёр строит на противопоставлении двух модальностей работы с памятью: припоминание (*remémoration*) – как разыскание воспоминания и запоминание (*mémorisation*) – как заучивание наизусть, то есть искусная память. Разница между ними состоит в том, что от запоминания в первую очередь требуется легкость воспроизведения, что является добродетелью хорошей памяти. Но для Рикёра эта легкость, самопроизвольность вызывания в памяти есть повод для подозрения, так как это признак памяти-привычки, которая облегчает нам существование в настоящем, и на физиологическом уровне она соотносится с имплицитной памятью, которая «служит проводником в устоявшейся повседневной деятельности, не контролируемой сознанием» [Кандель, 2012, с. 404]. Однако при адаптации к новым обстоятельствам от нее часто приходится отказываться, а та самая легкость воспроизведения становится серьезным препятствием для усвоения новых моделей.

---

³ Французское слово *artificiel* (ж.р. *artificielle*) имеет значения: 1) искусственный; 2) сделанный, наигранный. Однако латинское слово *artificiosus*, с которым связано *artificiel*, в первую очередь переводится как «искусный, умелый», но также имеет значение «искусственный». В своем разборе ошибок использования памяти Рикёр отталкивается от книги Ф. Йейтс «Искусство памяти» (*The Art of Memory*), которая в свою очередь отсылает к трактату «*Ad Herennium*», где говорится об искусной (*artificiosa*), в смысле хорошо натренированной памяти. Ввиду того, что в русском языке слова искусный и искусственный не являются омонимами, то переводчику, очевидно, пришлось выбирать, сохранить ли при переводе *artificielle* противопоставление естественный/искусственный или подчеркнуть отсылку к искусству памяти, как набору техник для ее тренировки. Вслед за переводчиком книги «Память, история, забвение», мы предпочитаем использовать перевод «искусная память», делая соответствующую оговорку.

Если говорить о запоминании, которое Рикёр соотносит с искусной памятью, то тут он выделяет три уровня усложнения: от обучения в физиологическом смысле (вроде экспериментов по выработке условного рефлекса) к заучиванию наизусть (например, учениками в школе), и затем к заучиванию наизусть больших объемов информации с помощью мнемотехник (в качестве примера приводится *Ars memoriae* эпохи Возрождения).

Важным в отношении памяти как запоминания является возможность присутствия некоего внешнего фактора, обуславливающего необходимость заучивания, который может направлять обучение. На самом простом уровне живое существо овладевает новыми для него формами поведения, но это может происходить в естественных условиях или в условиях эксперимента, когда хозяином положения является экспериментатор, определяющий условия, цели и задачи обучения и критерии успеха. То же самое касается и следующего уровня заучивания, где требуется уже большая степень участия и самостоятельности обучающегося, но все еще присутствует элемент руководства и искусственности ситуаций (так школьное обучение контролируется учителем). Профессionalам разного рода, от музыкантов до юристов, также приходится заучивать наизусть большие объемы информации для своей работы. На этих двух уровнях условия диктует не столько экспериментатор или педагог, сколько сама задача обучения и материал, который необходимо запомнить. То есть задача запоминания имеет прагматичный характер, обусловленный стремлением получить определенный результат. Однако если идти дальше в стремлении запоминать, то прагматизм утрачивается, а запоминание превращается в самоцель.

Третий уровень искусной памяти отличается от двух предыдущих тем, что здесь обучающийся сам сознательно руководит своим обучением. Для Рикёра важно это обстоятельство – отсутствие взаимодействия с другим. Именно этот критерий позволяет отделить третий уровень от предыдущих двух, а не объем информации для запоминания. Именно одинокий разум склонен к злоупотреблению искусной памятью.

Другой важной чертой третьего уровня является стремление к абсолютному запоминанию, что приводит к отрицанию забвения. Отрицание забвения чревато двумя основными проблемами: сохранением в памяти того, что мешает жить и сковыванием воображения, заменяемого на повторение реальности. И то, и другое стоит на пути нормального человеческого существования, поскольку человек, вечно находящийся в плену пережитых кошмаров, теряет волю и способность жить, а лишенный воображения теряет способность создавать новое.

Третья проблема такой чрезмерной памяти состоит в «соединении мнемотехники и оккультной тайны» [Рикёр, 2004, с. 98], которое происходит в результате преувеличения роли памяти как силы, дающей власть. Это возвеличивание памяти имеет давнюю традицию, начиная с провозглашения в античности деяний тренированной памяти «почти божественными», и далее через средневековые традиции искусной памяти как части риторики (одного из семи свободных искусств) к *Ars memoriae* эпохи Возрождения. Искусственное запоминание, находящееся как бы полностью в управлении самого субъекта памяти, игнорирует то, что Рикёр называет «принудительным характером следов», то есть независимость памяти. Способность памяти запечатлевать воспринятое независимо желания субъекта восприятия и позволяет ей быть когнитивным инструментом. Отрицание этого «принудительного характера следов» приводит к тому, что Рикёр, вслед

за Ф. Йейтс, называет «алхимией воображения». Представление о том, что искусная память есть божественная сила, дает иллюзию власти над вещами и уверенность, что носитель этой власти может сам решать, что он должен помнить. Отрицая несовершенство сохранения следов и их принудительный характер, искусная память отдает приоритет запоминанию перед припоминанием. Но заставить себя запомнить можно абсолютно все, что угодно: и Библию, и Велесову книгу, и династии королей Средиземья⁴. Произвольный характер запоминания как искусства приводит к тому, что этот вид памяти полностью контролируется ее носителем, перечеркивая идею сохранения реального опыта.

В силу всех перечисленных недостатков – непосредственность извлечения информации, автономность запоминающего, отрицание забвения, произвольный характер запоминания – искусная память превращается в искусственную, замкнутую на саму себя, а не связывающую воспоминание с прошлым опытом. Как нам представляется, коллективная историческая память так же может быть устроена как по модели естественной, рефлексивной, так и по модели искусной памяти, в последнем случае она становится опасна для общества, преобладание такого типа памяти в отношении прошлого отрицает саму сущность исторической науки.

Кроме того, Рикёр разбирает и ошибки естественной памяти, памяти как воспоминания: это задержанная память (травмированная, которая в силу тяжести воспоминаний вытесняет пережитое), манипулируемая память и память-долг. Как нам представляется, разделение на естественную и искусственную память имеет значение скорее для целей анализа проблемы. Если мы обращаемся к реальным феноменам, то видим сочетание уровней и проблем, особенно если мы сопоставим искусную память и концепцию «память-долг». Именно это сочетание в конечном итоге и оборачивается для памяти тем, на что сетовал Пьер Нора: «замкнутостью, мотивом исключения и орудием войны».

У естественной памяти есть определенная функция: сохранять опыт прошлого для принятия адекватных решений в настоящем. Применительно к сообществу есть еще задача поддержания коллективных идентичностей: сохранение определенных представлений, памятных событий и важных имен. Эту задачу берет на себя государство. Государство может действовать совместно с обществом и составляющими его разными группами, совместно с научным сообществом. Однако часто государство стремится выполнять эту функцию единолично. Тогда на уровне государственной политики и возникает опасность замыкания друг на друга памяти-долга и «алхимии воображения»: принятие решений происходит на уровне одного актора, произвольный характер решений о том, что релевантно, а что нет, приоритет запоминания над осмыслением, над рефлексивным процессом разыскания правды о прошлом, непосредственность содержания памяти, в том смысле, что тем, кто пытается руководить процессом, «точно известно», что нужно помнить.

На примере мемориальной политики в России⁵ мы видим, что именно это и происходит. С одной стороны, сегодня и в России можно говорить о сакрализации памяти о войне, однако в центре этой памяти находятся не все невинные жертвы нацизма, а именно павшие в бою за свободу Родины («Какою ценой завоевано счастье, – пожалуйста,

⁴ Вымышленный мир из книг Дж. Р. Р. Толкиена.

⁵ Безусловно, это свойственно многим другим государствам. Не только авторитарные, но и демократические государства пытались реализовывать политику памяти-долга, где-то более жестко и добиваясь большего воздействия, где-то наталкиваясь на противодействие со стороны общества.

помните!»)⁶. Как и в случае с памятью европейских стран имеет место сакрализация жертвы, однако в западной культуре оно изначально было направлено на признание и искупление вины (за то, что «прогрессивное человечество» допустило зверства нацистов), а в советской – на маскировку вины и оправдание существующей ситуации (миллионы погибших, как во время войны, так и до нее – это необходимая патриотическая жертва).

Сегодня мы видим усиление той же риторики, но с перенесением акцента с возвеличивания жертвенности и потерь на героизм. Но если потери и жертвы – это реальное содержание народной исторической памяти, на которое может опираться не только оправдание прошлого, но и желание никогда больше не повторять такого ужаса, то продвигаемая сегодня бравадная идеология победы не имеет отношения к реальному историческому опыту народа. Об этом сегодня говорят достаточно много [см. также: Малинова, 2015, с. 115-127; Бордюгов, 2010, с. 229-235], в качестве примера можно привести высказывание историка Н. Соколова: «Эти символы [основные атрибуты празднования – георгиевская лента, ветераны, парад Победы] ни в какой степени не являются памятью. Более того, это указание на место забвения, это такой шрам, след – здесь было что-то важное, но мы об этом теперь ничего не помним и даже узнавать не желаем. Там внутри должен был быть опыт победы, опыт войны ...» [Соколов, Медведев, Мовчан, 2015].

С идеологией победы тесно связано «отсечение» реальной исторической памяти народа о довоенном периоде советской истории. Исследования показывают поразительную вещь: сталинскую эпоху многие россияне в 1990 и в 2007 гг. одинаково воспринимают как «золотой век», сталинизм для них предстает хорошо организованным обществом сознательных тружеников [Хапаева, 2007, с. 120]. Подавляющее большинство опрошенных считали, что «при Сталине в стране была прочная трудовая дисциплина», и что «люди добросовестно работали». Треть опрошенных считали, что в «стране царя атмосфера радости и оптимизма». При этом более 90 % опрошенных были осведомлены о репрессиях, проводимых в это время в стране, 63,5 % понимали, что речь шла о десятках миллионов жертв, а 62 % считали репрессии ничем не оправданными [Там же].

Как видно из исследования Д. Хапаевой, при почти полном осознании факта репрессий, память о перенесенных страданиях и унижениях в массовом историческом сознании артикулируется весьма незначительно⁷, не являясь ресурсом, к которому можно было бы обратиться сегодня и извлечь какой-либо опыт. Нежелание государства открывать архивы поддерживает эту ситуацию. Происходит сакрализация того, что никак не связано с какой бы то ни было реальной памятью – личной, семейной, народной, исторической. На месте исторической памяти государство конструирует свою, официальную версию памяти, исходя из которой должна выстраиваться история.

⁶ Из поэмы Р. Рождественского «Реквием», написанной в 1962 г. Стоит отметить, что Рождественский, так же, как и Примо Леви, в очень схожей риторике призывал помнить:

Детям своим расскажите о них, чтоб запомнили!

Детям детей расскажите о них, чтобы тоже запомнили!

Во все времена бессмертной Земли, помните!

К мерцающим звездам ведя корабли – о погибших помните ...

⁷ Безусловно, в публичном поле есть множество проявлений памяти о репрессиях, но для такого масштабного и значительного исторического явления их явно недостаточно.

Таким образом, можно предположить, что в России на данный момент также имеет место замыкание долга памяти на «алхимию воображения», когда «воображение, освободившееся от служения прошлому, заняло место памяти». Об этом сегодня говорят и публицисты, и историки: «... совершенно очевидно, что у нас есть достаточно серьезная проблема с исторической памятью, есть достаточно серьезная проблема и необходимость десталинизации общества, то есть необходимость завершения той задачи, перед которой страна как минимум вставала дважды – в конце 50-х – начале 60-х годов и в конце 80-х – начале 90-х годов» [Красильников, 2016].

Может быть, эта память не хуже, и даже лучше, чем настоящая? Если она как бы дает нам позитивное прошлое, то может помочь выстроить позитивное будущее? Именно на это, кажется, и рассчитывают те, кто последовательно проводит политику вытеснения из массового сознания реальной исторической памяти, заменяя ее торжественной официальной историей. Однако такая позиция в отношении памяти отрицает «было» прошлого, перечеркивает идею памяти как хранилища реально пережитого опыта, который только один позволяет ориентироваться в реальном мире.

Рассуждая в том же ключе в эссе «Истина и политика», Ханна Арендт также отмечает, что, хотя у государства есть мощные механизмы информационного давления, способные убедить кого угодно в чем угодно, такие действия разрушают саму основу существования государства и жизненного мира в целом: «Уговоры и насилие могут разрушить истину, но не могут ее заменить» [Арендт, 2014, с. 383], в том смысле, что только представление об истинных фактах может дать человеку реальную почву, опираясь на которую, он может действовать.

Сопоставление Рикёром истории и памяти направлено на то, чтобы продемонстрировать, как именно естественная память укоренена в жизненном мире, и почему, несмотря на возможности манипуляций, память сохраняет претензию на верность. Можно спорить о том, что считать истинными фактами. Как пишет Арендт: «В понятийном отношении истиной можно назвать то, чего мы не можем изменить; в метафорическом отношении истина – это земля, на которой мы стоим, и небо, распростершееся над нами» [Там же, с. 389]. Для Рикёра истина начинается с принудительности следов, в каком бы значении мы ни использовали это слово, применительно ли к человеческому восприятию или остаткам прошлого.

Рассматривая взаимоотношения памяти и истории, Рикёр стремится не впасть ни в одну из крайностей: ни в порицание памяти, как способности к адекватной репрезентации прошлого, ни в принижение истории перед лицом воспоминаний очевидцев. Рикёр утверждает симметричность двух составляющих одного процесса осмысления прошлого: историзация памяти, то есть рассмотрение памяти как феномена культуры инициирует процесс, «в котором история осуществляет свою корректирующую истинностную функцию в отношении памяти, постоянно выполняющей по отношению к ней свою функцию матрицы» [Рикёр, 2004, с. 546-547]. В этом двусоставном процессе – залог достоверности познания прошлого.

И история, и память, поскольку обе обращены к прошлому, не могут определить первенство между собой. Но именно это диалектическое противостояние позволяет избежать двух опасных крайностей: «того *hybris* [высокомерия], которыми были бы, с одной

стороны, претензия истории на низведение памяти в ранг одного из ее объектов, а с другой стороны – претензия коллективной памяти на подчинение истории путем злоупотребления памятью, каковым могут стать мемориальные церемонии, навязываемые политической властью или группами давления» [Там же, с. 547].

Позиция Рикёра состоит в том, что хотя история может (и должна) дополнять, уточнять или даже опровергать свидетельства памяти относительно прошлого, но она не в состоянии упразднить память как один из способов обращения к прошлому. Причина этому кроется, с одной стороны, в онтологии: «Потому что, как нам кажется, память остается хранительницей высшей конститутивной диалектики прошлости прошлого, то есть отношения между “больше не”, подчеркивающим характер завершенности, упраздненности, преодоленности, и “было”, говорящем об изначальном и в этом смысле нерушимом характере» [Там же, с. 690]. С другой же стороны, причина неустрашимости памяти кроется в этике: память децентрирует исторического субъекта, она позволяет увидеть прошлое в разнообразии и в итоге расширяет коллективный исторический опыт. При сохранении корректирующей роли истории память сохраняет этот освобождающий, демократизирующий, антирепрессивный импульс, о котором писал П. Нора.

Очевидно, что соперничество между памятью и историей, между верностью одной и истинностью другой не может быть разрешено раз и навсегда. Ревностно исполняя каждая свою функцию, обе они предъявляют права на первенство. Этот спор не может быть выигран с помощью только эпистемологических процедур. Рикёр переносит его на другую сцену – сцену, принадлежащую читателю истории, которая вместе с тем является и сценой рассудительного гражданина. «Получатель исторического текста должен и лично, и в плане публичной дискуссии поддерживать равновесие между историей и памятью» [Рикёр, 2004, с. 691]. Эта роль возлагается на читателя истории потому, что он вместе с тем является и действующим лицом истории, несущим ответственность за последствия.

Список литературы/ References

Аникина, А. Б. (2021). Память как матрица истории в концепции Поля Рикёра. *Идеи и идеалы*. Т. 13. № 2-2. С. 351-368.

Anikina, A. B. (2021). Memory as a Matrix of History in the Concept of Paul Ricoeur. *Ideas and ideals*. Vol. 13. no. 2-2. pp. 351-368. (In Russ.)

Арендт, Х. (2014). *Между прошлым и будущим*. М. Изд-во Института Гайдара.

Arendt, H. (2014). *Between Past and Future*. Moscow. (In Russ.)

Балабан, П. М. (2014). Хранение памяти. *Постнаука*. [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.ru/video/27845> (дата обращения: 13.02.2022).

Balaban, P. M. (2014). Memory Storage. *Postnauka*. [Online]. Available at: <https://postnauka.ru/video/27845> (Accessed: 13 February 2022). (In Russ.)

Блок, М. (1986). *Апология истории или ремесло историка*. М. Наука.

Bloch, M. (1986). *The Historian's Craft*. Moscow. (In Russ.)

Бордюгов, Г. А. (2010). *Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти*. М. АИРО-XXI.

Bordyugov, G. A. (2010). *October. Stalin. Victory. The Cult of Anniversaries in the Space of Memory*. Moscow. (In Russ.)

Геродот. (1972). *История*. Л. Наука.

Herodotus (1972). *The Histories*. Leningrad. (In Russ.)

Кандель, Э. (2012). *В поисках памяти. Возникновение новой науки о человеческой психике*. М. Астрель: CORPUS.

Kandel, E. (2012). *In Search of Memory: The Emergence of a New Science of Mind*. Moscow. (In Russ.)

Красильников, С. А. (2016). Право на «первородство»: историк против конъюнктуры. *Гегтер*. [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/17807> (дата обращения: 13.02.2022).

Krasilnikov, S. A. (2016). The right to “primogeniture”: the historian against the conjuncture. *Gefter*. [Online]. Available at: <http://gefter.ru/archive/17807> (Accessed: 13 February 2022).

Леви, П. (2001). *Человек ли это?* М. Текст.

Levi, P. (2001). *If This Is a Man?* Moscow. (In Russ.)

Малинова, О. Ю. (2012). Использование прошлого в российской официальной символической политике (на примере анализа ежегодных президентских посланий). *Историческая политика в 21 веке*. М. НЛЮ.

Malinova, O. Yu. (2012). The Use of the Past in Russian Official Symbolic Policy (based on the analysis of annual Presidential messages). *History politics in the 21st century*. Moscow. (In Russ.)

Малинова, О. Ю. (2015). *Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности*. М. Политическая энциклопедия.

Malinova, O. Yu. (2015). *The Actual Past: Symbolic Politics of the Ruling Elite and the Dilemma of Russian Identity*. Moscow. (In Russ.)

Мегилл, А. (2007). *Историческая эпистемология*. М. «Канон+», РООИ «Реабилитация».

Megill, A. (2007). *Historical Knowledge, Historical Error: A Contemporary Guide to Practice*. Moscow. (In Russ.)

Нора, П. (2005). Всемирное торжество памяти. *Неприкосновенный запас*. № 2. С. 202-208.

Nora, P. (2005). The Global Triumph of Memory. *Неприкосновенный Запас*. no. 2. pp. 202-208. (In Russ.)

Нуркова В. В., Василевская, К. Н. (2003). Автобиографическая память в трудной жизненной ситуации: новые феномены. *Вопросы психологии*. № 5. С. 93-103.

Nurkova, V. V., Vasilevskaya, K. N. (2003). The Autobiographical Memory in a Difficult Life Situation: the New Phenomena. *Voprosy Psikhologii*. no. 5. pp. 93-103. (In Russ.)

Нуркова, В. В. (2008). Доверчивая память: Как информация включается в систему автобиографических знаний. *Когнитивные исследования*. Под ред. В. Д. Соловьева и Т. В. Черниговской. М. С. 87-102.

Nurkova, V. V. (2008). Trustful memory: How Information is Included in the System of Autobiographical memory. In Solovieva, V. D. and Chernihiv, T. V. (eds.) *Cognitive Studies*. Moscow. pp. 87-102. (In Russ.)

Репина, Л. П. (2006). Память и историописание. *История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени*. Ред. Л. П. Репина. М. Круг. С. 19-46.

Repina, L. P. (2006). Memory and historiography. In Repina, L. P. (ed.) *History and memory: the historical culture of Europe before the Beginning of Modern Time*. Moscow. pp. 19-46 (In Russ.)

Рикёр, П. (2004). *Память, история, забвение*. М. Изд-во гуманитарной литературы. 728 с.

Ricoeur, P. (2004). *Memory, History, Fogetting*. Moscow. 728 p. (In Russ.)

Соколов, Н. П., Медведев, С. А., Мовчан, А. А. (2015). Украденная победа. Радио «Свобода», Выпуск передачи «Археология». *Radio Liberty*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svoboda.org/a/26996634.html> (дата обращения: 13.02.2022).

Sokolov, N. P., Medvedev, S. A., Movchan, A. A. (2015). Stolen Victory. Release of the broadcast «Archeology». *Radio Liberty*. [Online]. Available at: <http://www.svoboda.org/a/26996634.html> (Accessed: 13 February 2022). (In Russ.)

Февр, Л. (1991). *Бои за историю*. М. Наука. 635 с.

Febvre, L. (1991). *Fights in the history*. Moscow. 635 p. (In Russ.)

Хапаева, Д. (2007). Очарованные сталинизмом: массовое историческое сознание в преддверии выборов. *Неприкосновенный запас*. № 5(55). С. 48-59.

Khapaeva, D. (2007). Fascinated by Stalinism: Mass Historical Consciousness in the Run-up to Elections. *Neprikosnovennyy Zapas*. no. 5(55). pp. 48-59. (In Russ.)

Novick, P. (1999). *The Holocaust in American Life*. Boston.

Ricoeur, P. (2000). *La mémoire, l'histoire, l'oubli*. Paris. Seuil.

Yates, F. A. (1966). *The Art of Memory*. London. Routledge and Kegan Paul.

Сведения об авторе / Information about the author

Аникина Александра Борисовна – кандидат философских наук, преподаватель Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Пирогова, 1, e-mail: lieda27@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5713-3168>.

Статья поступила в редакцию: 10.12.2021

После доработки: 15.02.2022

Принята к публикации: 28.02.2022

Anikina Alexandra – Candidate of Philosophy, Lecturer at Novosibirsk State University, Novosibirsk, Pirogova str., 1, e-mail: lieda27@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5713-3168>.

The paper was submitted: 10.12.2021

Received after reworking: 15.02.2022

Accepted for publication: 28.02.2022

УДК 1 (091)

**АНОНИМНЫЙ АНТИЧНЫЙ ТРАКТАТ «О ДОБЛЕСТИ» (PERI ARETES)
В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОВЫХ ДИСКУССИЙ
О ГРАЖДАНСКИХ СВОБОДАХ***

Е. В. Афонасин, Т. М. Суворкина

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
afonasin@post.nsu.ru

Аннотация. Череда олигархических переворотов конца пятого века (от олигархического переворота Четырехсот 411 г. до переворота Тридцати 404 г.) актуализировала в афинском обществе вопрос о фундаментальном значении преодоления этих тираний для восстановления демократии. Политический трактат неизвестного автора, получивший название *Anonymus Iamblichii*, представляет интерес именно в этой связи, особенно, будучи рассмотрен в контексте современных правовых теорий, касающихся гражданских свобод. Нам представляется, что это уникальное сочинение в защиту демократии лучше всего прочитывается в пифагорейском контексте в контрасте с софистами и Платоном.

Ключевые слова: демократия, античные политические теории, *Anonymus Iamblichii*, пифагореизм.

Для цитирования: Афонасин, Е. В., Суворкина, Т. М. (2022). Анонимный античный трактат «О доблести» (Peri aretes) в свете современных правовых дискуссий о гражданских свободах. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 1. С. 20-27. DOI: 10.47850/RL.2022.3.1.20-27.

**THE ANONYMOUS ANCIENT TREATISE “ON EXCELLENCE (PERI ARETES)”
IN LIGHT OF CONTEMPORARY LEGAL DEBATES
ON CIVIL LIBERTIES***

E. V. Afonasin, T. M. Suvorkina

Institute of philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
afonasin@post.nsu.ru

Abstract. The series of oligarchic coups of the late fifth century (from the oligarchic coup of the Four Hundred in 411 BCE to the coup of the Thirty in 404 BCE) actualized in Athenian society the question of the fundamental importance of overcoming these tyrannies for the restoration of democracy. A political treatise by an unknown author called *Anonymus Iamblichii* is of interest precisely in this regard, especially when considered in the context of contemporary legal theories concerning civil liberties. It seems to us that this unique work in defense of democracy is best understood in the Pythagorean context as contrasted with the Sophists and Plato.

Keywords: democracy, ancient political theories, *Anonymus Iamblichii*, Pythagoreanism.

For citation: Afonasin, E. V., Suvorkina, T. M. (2022). The Anonymous Ancient Treatise “On Excellence (Peri Aretes)” in Light of Contemporary Legal Debates on Civil Liberties. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 1. pp. 20-27. DOI: 10.47850/RL.2022.3.1.20-27.

* Работа выполнена при поддержке РФФ, проект № 19-8-00128 «Античная эпистемология: элеаты, софисты, Платон в новых интерпретациях».

* This work was supported by the Russian Science Foundation, project No 19-8-00128 “Ancient Epistemology: Eleatics, Sophists, and Plato in New Interpretations”.

νόμῳ καὶ ἀρχόντι καὶ τῷ σοφωτέρῳ εἶκειν κόσμιον.
(Stob. 3.1.45 = Democritus DK 68 B 47)¹

Свобода самовыражения и сознательного гражданского выбора присущи человеку по природе, поэтому уважение к ним является признаком свободного общества. Напротив, всякая тирания стремится утвердиться в первую очередь за счет ограничения этих свобод. Так было не раз прежде, так происходит и ныне. Один из крупнейших юристов современности Джон Ролз [в сб.: Dworkin, 1977, p. 89 ff] проницательно описывает роль гражданских свобод в истории развития правового сознания, в частности, специально выделяя ситуацию осознанного выбора или отказа выбирать (conscientious refusal), а также более радикальное средство их утверждения – гражданское неповиновение (civil disobedience). Последнее – это более общее правовое явление, обычно формулируемое в смысле знаменитой позиции Генри Торо [Bedau, 1961]. В первом же случае речь, как правило, идет о сознательной позиции в отношении того или иного персонального распоряжения, часто административного характера. Таковым был отказ ранних христиан выполнять определенные обряды, предписываемые римскими должностными лицами, или же отказ пацифиста участвовать в несправедливой войне. Кроме того, в отличие от акта гражданского неповиновения, сознательный отказ не представляет собой публичного акта, обращенного ко всему обществу с целью продемонстрировать определенную политическую позицию. Именно с этой целью Сократ, как известно, отказался покидать Афины и потребовал исполнения судебного приговора. Классический пример сознательного отказа – также история, рассказываемая о Сократе Ксенофонтом (*Воспоминания* 1.1.18, ср. также, Платон, *Апология* 32). Ученик великого философа рассказывает, что, в целом, Сократ предпочитал общаться с людьми индивидуально и не любил публичных действий, однако, как все афинские граждане, он должен был время от времени принимать участие в работе городского совета, что и случилось в 406/5 г., когда афинский флот, несмотря на победу в морском сражении при Аргинусских островах, понес тяжелые людские потери, так что командующие им стратеги были обвинены афинянами в преступном неокказании помощи погибающим согражданам, причем коллективно и без должного разбирательства. Сократ, как сообщают наши источники, лишь один отказался участвовать в этих незаконных действиях. «Думаешь, я прожил бы столько лет, если бы действовал официально и поддерживал то, что справедливо?» (*Апология* 32e). Аналогичным образом, когда во времена Тридцати тиранов Сократу и еще четверем гражданам было предписано явиться в Толос на афинской Агоре с целью ареста некоего Леонта, он уклонился от исполнения приказания и незаметно ушел домой («и, наверное, был бы наказан за это, если бы этот режим в скором времени не был свергнут», *Апология* 32c).

Анонимный текст «О законе и справедливости», приписываемый древнему пифагорейцу Архиту Тарентскому и скорее всего происходящий, как показывают Филип Горки и Рэнсом Джонсон [Horky, Johnson, 2020, p. 458] из какого-то перипатетического

¹ Это выражение, должно быть, означает: «Благопристойно уступить закону, архонту и более сведущему». Однако, учитывая значение κόσμιον, которое может указывать на знаки отличия или знаки достоинства соответствующего лица, облеченного властью, вроде звезды шерифа, полицейской формы или царских регалий, можно предположить, что автор изречения призывает подчиниться закону, правителю или более сведущему человеку в силу присущих им одним способностей, тем самым «законное» переводя в сферу «естественного».

сочинения биографического жанра, возможно, принадлежащего ученику Аристотеля Аристоксену (который также был родом из Тарента), занимает примечательное место в античной политической теории хотя бы потому, что с опорой на пифагорейскую идею о том, что право относится к душе человека и его образу жизни так же, как гармонический строй (ἁρμονία) к слуху и пению, убедительно доказывает, что одушевленный закон (правитель) и неодушевленный (писаное право) в некотором смысле взаимно согласованы, причем право первично, так как лишь при его посредстве законен правитель, даже если он правит единолично, подданный свободен, а все сообщество ведет счастливую жизнь (фр. 1 Thesleff, ap. Stob. 4.1.135). Эта математическая метафора, сравнивающая пропорциональность гармонии с «правильностью» закона, представляет собой, как показывает исследование, один из самых ранних примеров защиты народовластия. Примечательно, что далее, рассуждая о справедливом распределении благ, автор трактата не только спорит с традиционным со времен Платона и Аристотеля (см., например: *Политика* 1317a) представлением о том, что распределение при демократическом правлении носит «уравнивающий» характер (арифметическая пропорция), а при олигархическом – «распределяющий» (геометрическая пропорция), но и вводит новый тип распределения в соответствии с гармонической пропорцией, которое, по его представлению, согласуется с упорядоченным движением всего космоса и его планетарным строем, а поэтому позволяет устранить всякую несправедливость в распределении благ (фр. 2 и 4e Thesleff, ap. Stob. 4.1.138). Эта метафора отлично иллюстрирует «пифагорейский» подход к организации социальной жизни, кем бы в действительности не был автор трактата.

Действительно, учитывая контекст политических дискуссий того времени, в особенности платонизм с его установкой на элитарность политической власти, а также, несколько ранее, агрессивную риторику софистов, можно сделать вывод, что свобода связывалась скорее с произволом отдельного лица, нежели каким-либо правом. Вспомним, например, знаменитые рассуждения Фрасимаха о справедливости как чем-то полезном сильному (Платон, *Государство* 338c), либо не менее запоминающееся положение о том, что «благородный нрав» превышает любого закона, так как «справедливость сама может оказаться тираном» (как пишет один из Тридцати тиранов Критий в своей сатировой драме *Сизиф*², фр. 25 DK). Вспомним также слова софиста и члена тиранического правительства Четырехсот Антифонта, утверждающего, что «многое из того, что справедливо по закону, враждебно природе» (фр. 38, 112, P.Оху 1364, col. 2) [Афонасин, 2021]³.

У Псевдо-Архита ключевым понятием становится не произвол, а свобода: подданный свободен (ὁ ἀρχόμενος ἐλεύθερος), так как таким образом понятый νόμος представляет собой отнюдь не «закон», ограничивающий свободу, но некоторое присущее человеку право, обеспечиваемое естественной гармонией между душевной организацией и образом жизни, словом и делом, которое, конечно же, не может оказаться чем-то враждебным природе, как не может навредить природе строй ее же собственных планет!

Кто же прав, Критий или Архит? Эта дилемма находится в центре современных дискуссий о природе права, отчетливо выраженных, например, величайшим правоведом современности Гербертом Хартом, который, критикуя позитивистскую правовую доктрину, согласно коей право есть совокупность принуждающих приказов суверена, отмечает,

² Если только это не цитата из Еврипида.

³ Сюжет этот подробно обсуждается в литературе [из совсем недавних работ см., например: Thomas, 2021].

что право, – даже если на минуту представить, что оно сводится к совокупности правил, – в действительности состоит из таких правил, которые предоставляют определенные права частным лицам. Лишь затем эти правила подкрепляются различными средствами обеспечения этих прав, в том числе «угрозами», сформулированными в виде санкций [Харт, 2007, с. 46-49 и др.]. В основе позитивного законодательства лежит естественное право, однако вопрос в том, как понимать естественное? Полезной стартовой позицией может оказаться, как представляется, идея «минимального содержания естественного права» [Харт, 2007, с. 194 ff], к которой мы еще вернемся.

Еще один интересный аспект теории Архита – признание важности психологической составляющей права. Величайшей и важнейшей формой наказания, по его мнению, должно стать бесчестие (ἀτιμία), тогда как другие формы наказания, такие как штрафы, в действительности лишь способствуют развитию таких пороков, как жадность (φρ.4с). Если вновь вернуться к Антифону, который утверждает, что, если нарушитель закона остался незамеченным, то он избежит позора и наказания, тогда как нарушив законы природы – не избежит (φр. 38, 112, Р.Оху 1364, col. 2) [Афонасин, 2021], мы увидим, что для Архита основное значение имеет то, что современные юристы называют «внутренней формой права» [Харт, 2007, с. 93], тогда как для Антифона – лишь внешний его аспект. Сравним также утверждение Аристотеля, согласно которому народ воздерживается от позорных действий лишь из страха перед наказаниями, с ними ассоциированными, а вовсе не потому, что они позорны сами по себе (*Никомахова этика* 1179b). Очевидно, автор нашего трактата в большей мере, нежели Стагирит, верит в благородство человеческой природы и присущий человеку здравый смысл.

Жанр «наставлений» очень скучный. Мысль не развивается, аргументация не убеждает, даже если перед нами знаменитый «Протрептик» Аристотеля. Однако если мы вдруг сталкиваемся с неизвестным автором, который в контексте одного из таких «наставлений» ратует за демократию на фоне всеобщего увлечения «благородной» тиранией, то на него невозможно не обратить внимание. Речь идет о сочинении неизвестного автора, которое ныне принято называть трактатом «О доблести» [Норку, 2020]. Выдержки из него дошли до нас в составе «Протрептика» неоплатоника Ямвлиха⁴.

Представляется, что, учитывая содержание текста, естественно датировать его классическим периодом, условно говоря, временем старших софистов и Сократа [Норку, 2020, р. 263], и основная проблема, обсуждаемая неизвестным автором, вполне созвучна эпохе. Речь, разумеется, идет о тирании, точнее, о роли закона в ее преодолении. Сюжет, конечно, лучше всего известен благодаря *Горгию* (483b4–c5) Платона, где развивается популярное

⁴ Ямвлих и сам не был чужд политической теории [O'Meara, 1993, 1989 и 2003; Dillon, Polleichtner, 2009; Ямвлих, 2020b]. Это компилятивное сочинение в значительном мере состоит из выдержек из литературы классического периода. Последовательность цитат, в целом, такова: фрагменты пифагорейца Архита (глава 1), пифагорейские Золотые стихи (главы 2–4), выдержки из диалогов Платона, *Евтидема*, *Законов*, *Государства*, *Клитофрона* и *Алкивиада I* (глава 5); выдержки из *Протрептика* Аристотеля (главы 5–12), вновь выдержки из Платона (*Федон*, *Тезет*, *Государство VII*, *Горгий*, *Апология*, *Менексен*, *Законы II*, распределенные по главам 13–19), интересующий нас Анонимус Иамвлихи (глава 20) и, наконец интерпретация различных пифагорейских символов (глава 21). Подробную таблицу составил [Норку, 2020, р. 264]. Подбор материала показывает, что Аноним должен принадлежать классическому периоду. Некоторые авторы датируют его временем Демокрита и Протагора, некоторые склонны видеть в нем продукт пост-платоновской эпохи [Cole, 1961; Thomas, 2021; Norquy, 2020]. [Издания и переводы: Des Places, 1989; Johnson, 1988; Ямвлих, 2020a.]

представление о том, что, по сути, позорное (αἰσχρόν) и несправедливое (ἄδικον)⁵ придумали маленькие и слабые люди для того, чтобы как-то ограничить притязания тех, кто в силах получить большую долю (δυνατοὶ πλέον ἔχειν), даже если эти последние получают ее благодаря своим способностям. В этих фразах так и слышится голос Ницше, вместе с Платоном осуждающий пороки народовластия.

Речь в трактате идет об ἀρετή, ее сущности, формах выражения и способах достижения, что конечно же перекликается с знаменитой ницшеанской концепцией «генеалогии морали». Доблесть сродни совершенству, совершенство же лишено зависти и, тем более, таких ее земных манифестаций, как жадность. Она источник доверия (πίστις), утрата которого, как детально показывает автор трактата, есть основа многих человеческих бед. Недоверие и недостаток социального взаимодействия заставляют людей копить деньги, интриговать, вмешиваться в чужие дела вместо того, чтобы заботиться о своих. Они ложатся спать, не зная, что принесет им завтрашний день и просыпаются в страхе, не веря в благую судьбу, не будучи в силах достойно переносить тяготы и утраты, неизбежные в человеческой жизни. Забывая о добре, они тут же вспоминают все злое и порочное. Всеобщая утрата доверия подтачивает изнутри законность и право, что неизбежно приводит к тому, что на смену власти закона приходит произвол тирана (фр. 8 DK, pp. 102.26 sq. Pistelli). Итак, беззаконие (ἀνομία) – это источник всякой тирании. Сам по себе этот вывод достаточно очевиден, но в данном случае интересен исходный посыл неизвестного автора трактата, достаточно уникальный в античной литературе: источник беззакония – это утрата доверия (πίστις) и недостаток социального взаимодействия (ἐπιμιξία). Некоторые полагают, что справедливое социальное устройство разрушается тираном, способным отнять индивидуальную свободу, но это не так, – утверждает автор трактата. Напротив, неуважение к праву, лишаящее человека свободы, порождает тиранию. Механизм, который представляет наш автор, сродни тому, что красноречиво изображает Платон в восьмой книге *Государства* (557а сл.): казалось бы, – пишет философ, – этот строй наилучший, «словно цветастая ткань цветами испещрен он разнообразными нравами». Но проблема в том, что при таком строе совершенно не обязательно принимать участие в управлении и подчиняться, если ты этого не желаешь, или воевать, когда другие воюют. Неизвестный автор трактата «О добродетели» также считает, что важнейшее достоинство народовластия в том, что человек при этом строе не обязан заниматься политикой (πράγματα), ему достаточно собственных забот (ἔργα), то есть, перекладывая на современный лад, при демократическом строе нет обязательной для всех идеологии (фр. 7 DK, Iambl., Prot. 101.17 sq.). Но далее, по мнению Платона, стремление к свободе и губит демократию, порождая тиранию, «когда во главе государства оказываются дурные виночерпии, то оно не только опьяняется победой в неразбавленном виде, но и своих должностных лиц карает, если те недостаточно уступчивы и ограничивают кому-либо полную свободу» (562с). С этим утверждением неизвестный автор также согласился бы, однако ему важны акценты, и они полностью меняют смысл политической теории, им развиваемой. «Аноним Ямвлиха» стоит на страже демократии: он признает, что взаимное недоверие, пренебрежение к законам, порча нравов, корысть и другие человеческие пороки, не имеющие ничего общего с лучшим человеческим качеством, – доблестью, приводят к внутренним раздорам и в конечном итоге заканчиваются тем, что право и справедливость «покидают» (ἐκλίπη) людей, создавая правовой вакуум, заполняемый беззаконием и тиранией.

⁵ Или, может, вместе с Джоном Ролзом, нечестное (unfair).

Однако этот тиран не бессмертный супергерой, «выточенный из камня», так что ему лишь ненадолго удастся лишить людей их прав: что он может один против всех? Рано или поздно право и справедливость возьмут свое: против тирана восстанет сама природа (фр. 8 DK). Исследователи согласны с тем, что подобное признание «естественности» и неизбежной стабильности народовластия уникально в литературе V–IV вв. до н. э. Единственная параллель, возможно, – пифагорейский политический трактат, приписываемый Архиту [Horky, 2020, p. 288].

«Примерное равенство» людей (хотя они и отличаются друг от друга физической силой, ловкостью и интеллектуальными способностями) лежит в основе человеческого существования и, по мнению Герберта Харта, наряду с такими факторами, как «уязвимость людей», «ограниченность ресурсов» и «ограниченность понимания и силы воли», является одним из условий того, что составляет «минимальное содержание естественного права» [Харт, 2007, с. 194]. Действительно, – пишет он, – «весьма важный факт для понимания различных форм права и морали состоит в том, что ни один индивид не настолько сильнее остальных, чтобы быть в состоянии, не прибегая к сотрудничеству, доминировать над остальными или подчинить их на более чем краткое время ... Этот факт примерного равенства более чем какой-либо другой делает очевидной необходимость системы взаимной сдержанности и компромиссов, лежащей в основе и правовых, и моральных обязанностей. Общественная жизнь с ее правилами, требующими таких уступок, иногда утомительна, но она, во всяком случае, менее отвратительна, менее груба и менее коротка для таких примерно равных существ, чем это было бы при несдерживаемой агрессии. Конечно, ... всегда найдутся те, кто пожелает злоупотреблять ею, одновременно и живя под ее защитой, и нарушая ее ограничения».

Далее он отмечает, что «принципиальную важность факта приблизительного равенства» можно эффективно распространить и на изучение факторов международной жизни, так как он дает лучше понять природу и эволюцию международного права.

Мы не знаем, кто был автором трактата «О доблести». Однако, этот текст явно заслуживает внимательного к себе отношения хотя бы потому, что развиваемая в нем политическая теория оказывается удивительно созвучной современности.

Список литературы / References

Афонасин, Е. В. (2021). *Греческие софисты*. СПб.

Afonasin, E. V. (2021). *The Greek Sophists*. St. Petersburg. (In Russ.)

Харт, Г. (2007). *Понятие права*. Пер. под ред. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева. СПб.

Hart, H. (2007). *The Concept of Law*. Afonasin, E. and Moiseev, S. (transl.). St. Petersburg. (In Russ.)

Ямвлих. (2020а). *Собрание творений в 4-х томах. Т. 3. Пифагорейское предание*. Пер. с древнегреч. К. Наполи, Т. Сидаша. СПб.

Iamblichus. (2020a). *Collected Works in Four Vols. Vol. 3. The Pythagorean Tradition*. Napoli, K., Sidash, T. M. (transl.). St. Petersburg. (In Russ.)

Ямвлих. (2020б). *Собрание творений в 4-х томах. Т. 4. Толкования*. Пер. с древнегреч. Е. В. Афонасина, Р. В. Светлова, Л. И. Щеголевой. СПб.

Iamblichus. (2020b). *Collected Works in Four Vols. Vol. 3. Interpretations*. Afonasin, E. V., Svetlov, R. V., Shchegoleva, L. I. (transl.). St. Petersburg. (In Russ.)

Bedau, H. A. (1961). Civil Disobedience. *The Journal of Philosophy*. Vol. 58. pp. 653-665.

Cole, Jr., Andrew, Th. (1961). The Anonymus Iamblichi and His Place in Greek Political Theory. *Harvard Studies in Classical Philology*. Vol. 65. pp. 127-163.

Des Places, E. (transl.). (1989). Iamblichus. *Protreptique*. Paris. Les Belles Lettres.

Dillon, J., Polleichtner, W. (transl.). (2009). Iamblichus of Chalcis. *Letters*. Atlanta. Society of Biblical Literature.

Dworkin, R. M. (ed.). (1977). *The Philosophy of Law*. Oxford.

Horky, Ph., Johnson, M. R. (2020). On Law and Justice: Attributed to Archytas of Tarentum. In Wolfsdorf, D. C. (ed.). *Early Greek Ethics*. Oxford University Press pp. 455-490.

Horky, Ph. (2020). Anonymus Iamblichi, On Excellence (Peri Aretes): A Lost Defense of Democracy. In Wolfsdorf, D. C. (ed.). *Early Greek Ethics*. Oxford University Press. pp. 262-292.

Johnson, T. (transl.). (1988). Iamblichus. *The Exhortation to Philosophy*. Grand Rapids. Phanes Press.

O'Meara, D. J. (1989). *Pythagoras Revived*. Oxford. Clarendon Press.

O'Meara, D. J. (1993). Aspects of Political Philosophy in Iamblichus. In Blumenthal, H. J. & Clark. (eds.). *The Divine Iamblichus: Philosopher and Man of Gods*. Bristol. Bristol Classical Press. pp. 65-73.

O'Meara, D. J. (2003). *Platonopolis*. Oxford. Clarendon Press.

Thomas, Ch. C. S. (2021). *Liberty, Democracy, and the Temptations to Tyranny in the Dialogues of Plato*. Macon. Mercer University Press.

Сведения об авторах / Information about the authors

Афонасин Евгений Васильевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: afonasin@post.nsu.ru

Суворкина Татьяна Михайловна – аспирантка Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: in1642p@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 09.12.2021

После доработки: 20.12.2021

Принята к публикации: 21.02.2022

Afonasin Evgeny – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva str., 8, e-mail: afonasin@gmail.com

Suvorkina Tatiana – Graduate Student of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva str. 8, e-mail: in1642p@mail.ru

The paper was submitted: 09.12.2021

Received after reworking: 20.12.2021

Accepted for publication: 21.02.2022

УДК 1(091)

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ*

С. В. Бердаус

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
s.berdaus@yandex.ru

Аннотация. Основной проблемный фон статьи – характер, перспективы и обязательства, связанные с заимствованием психологией философских концепций и идей. Высказаны резоны для ознакомительных интервенций в психологию со стороны философии. Представлена экзemplификация такой интервенции в виде анализа психологических подходов к толкованию концепции интенциональности Э. Гуссерля. Отдельно проанализирована интерпретация интенциональности, принадлежащая Р. Мэю. Выдвинуты предположения о том, что его версия концепции интенциональности задействует имплицитные коннотации феноменологической трактовки интенциональности с теорией влечения З. Фрейда.

Ключевые слова: Гуссерль, интенциональность, феноменология, Ролло Мэй, экзистенциальный анализ, психоанализ, сознание, бессознательное, симультанный анализ.

Для цитирования: Бердаус, С. В. (2022). Развитие концепции интенциональности в дискурсе современной психологии. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 1. С. 28-37. DOI: 10.47850/RL.2022.3.1.28-37.

DEVELOPING THE CONCEPT OF INTENTIONALITY IN THE DISCOURSE OF MODERN PSYCHOLOGY*

S. V. Berdaus

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
s.berdaus@yandex.ru

Abstract. The main problematic background of the article is the nature, prospects and obligations associated with the borrowing of philosophical concepts and ideas by psychology. Reasons are expressed for introductory interventions in psychology from the side of philosophy. An exemplification of such an intervention is presented in the form of an analysis of psychological approaches to the interpretation of E. Husserl's concept of intentionality. R. May's interpretation of intentionality is considered in more detail. It is suggested that his version of the concept of intentionality uses the implicit connotations of the phenomenological interpretation of intentionality with Freud's theory of drive.

Keywords: Husserl, intentionality, phenomenology, Rollo May, existential analysis, psychoanalysis, consciousness, unconsciousness, simultaneous analysis.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00911 «Предпосылки формирования феноменологической философии и перспективы феноменологического метода»

* The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-011-00911 «Preconditions for the formation of phenomenological philosophy and prospects for the phenomenological method»

For citation: Berdaus, S. V. (2022). Developing the Concept of Intentionality in the Discourse of Modern Psychology. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 1. pp. 28-37. DOI: 10.47850/RL.2022.3.1.28-37

Проблематизация аффинитета психологии к философии

При всем разнообразии форм и проявлений корпус современной психологии можно разделить на два блока. Первый тяготеет к естественнонаучному формату развития (психологические направления, базирующиеся на бихевиоральных, нейрофизиологических и т. п. подходах). Второй разворачивается в противоположном направлении, отказываясь искать субстрат сознания, мыслить в категориях и условиях картезианского дуализма, прибегать к естественнонаучной методологии и т. д. Речь идет о широком поле направлений, очерчиваемых психоанализом, гештальтпсихологией, гуманистической и экзистенциальной психологией и множеством субнаправлений, и различных форм интеграций. Среди ключевых характеристик второго блока особое внимание следует обратить на достаточно энергичное заимствование идей и концепций из философии, из которой психология собственно и берет свое начало.

Оставляя аргументы и предпочтения в оценке недостатков и преимуществ этих двух блоков психологии за рамками настоящей статьи, мы сосредоточимся только на вопросе, касающемся заимствований философских концепций. Вопрос представляется амбивалентным. С одной стороны, он может показаться поверхностным, надуманным и даже избитым. Философия и психология, особенно в изводе второго блока, сущностно близки. Сепарация произошла по научным меркам совсем недавно – сто с небольшим лет назад. В этом плане обращение психологии к философии вполне уместно. Однако, с другой стороны, чисто интуитивно напрашивается целый ряд вопросов, которые хочется озвучить. Есть ли какой-то регламент этих заимствований? Есть ли у ученого-психолога какие-то обязательства перед философией, когда он привлекает в свои концепции философские идеи? Допустимо ли заимствование какой-то идеи, вырванной из контекста философской системы в целом? Необходимо ли со стороны философии осуществлять рефлексию или что-то вроде ревизии производимых психологией заимствований или же это принципиально не входит в компетенции философии? И еще целый ряд подобных вопросов.

Очевидно, что ответить на эти вопросы разом, по списку, невозможно. Представляется единственно правильным в настоящий момент, когда психология продолжает свое стремительное лавинообразное развитие, а философия, будучи в поисках себя, своей актуальности, притормозила исполнение некоторых своих неотъемлемых функций, хотя бы удерживать эти вопросы в напряженном внимании и отдавать себе отчет в важности и необходимости ответа на них. В данной статье мы будем придерживаться следующих принципов. Несмотря на историческую и предметную общность философии и психологии, мы проводим различие между ними по критерию четкости внутренней телеологии. В философии, осмелимся предположить, эта телеология задана коррелятивностью кардинальных идей – истины, блага и красоты. Мышление философа обусловлено этими тремя координатами, они составляют пространство его мысли. Какова телеология психологии? И в этом вопросе, на наш взгляд, нет нужды уточнять практической или теоретической психологии его задают. И тот и другой подраздел психологии ответят,

что цель – контролируемая возможность принести облегчение человеку, находящемуся в негативном состоянии. Будет ли эта цель достигаться хотя бы отдаленно относительно философских координат – это уже другой самостоятельный вопрос¹. Свой ответ на него в начале XX в. предлагал Э. Гуссерль. Он говорил о том, что психология вправе развиваться в различных направлениях, физиологических в том числе, ведь ее поиски обусловлены самой природой человека, природой психических процессов. Но все эти поиски будут легитимны только тогда, когда психология будет в качестве фундамента иметь научную философию, и вот в этой связке, помимо предоставления сущностных знаний об области психического, философия и будет заботиться о соблюдении морального кодекса и этоса ученых в их познавательной деятельности, осуществляемой в области психологии [Гуссерль, 2013, с. 432-442]. Однако феноменологический проект оказался не реализован, и на сегодняшний день, по-видимому, единственной приемлемой альтернативой можно считать корректные дипломатичные интервенции со стороны философии в изыскания психологов. Эти обозревательные интервенции и не носящие облигаторный характер комментарии могут быть полезны как минимум в двух отношениях. Первое связано с актуализацией аналитической и критической рефлексии, которая может дать положительные результаты, как для самой психологии, так и для философии. Второе соображение, инспирированное практико-ориентированными тенденциями современной философии, указывает на потребность в наглядных примерах симультанного анализа поля психологии и поля философии для экспликации актуального положения последней, ее методологического инструментария, характера установления связей со смежными дисциплинами.

Концепция интенциональности: актуальное положение дел

Коротко очертив общую актуальность исследования, мы можем сконцентрироваться на конкретном экземпляре, избранном для симультанного анализа. В настоящей статье мы решили остановиться на феноменологической концепции интенциональности. Чем обусловлен наш выбор? Главным образом, удивительным положением этой концепции в рамках своей прародительницы – философии.

Несмотря на то, что интенциональность – это методологический и смысловой центр всей феноменологии Э. Гуссерля, ее концептуальное развитие, позволим себе оксюморон, давно приобрело консервативный характер. На это положение вещей еще в 1971 г. обратил

---

¹ В особенности с учетом того, что есть пограничные кондиции, которые сложно однозначно разместить по шеренгам философского или психологического фронта. Здесь можно указать в качестве примера Ж. Лакана и его профессиональный coming out: «Я вспоминаю, какое негодование со стороны братьев, умеющих при случае, чтобы кому-то было спокойнее, скрыться под личиной наигранной благожелательности, вызвал я однажды, сказав, что исцеление является в анализе *побочным эффектом* (здесь курсив наш – С.Б.). Им почудилось в этом презрение по отношению к страдающему человеку, за которого мы ответственны, – я же, на самом деле, рассуждал с точки зрения чисто методологической. Оправдание нашей деятельности и наш долг бесспорно состоят в том, чтобы положение субъекта улучшить. Однако в области, где мы работаем, именно понятие исцеления является, между тем, самым шатким. <...> Вот почему я не думаю, что отступаю от аналитического опыта хоть на йоту, когда напоминаю вам, что внутри этого последнего могут возникнуть самые разные вопросы и что приходится поэтому держаться определенной нити, которая гарантировала бы, по меньшей мере, что с собственным инструментом – *размерностью истины* – мы обращаться умеем» [Лакан, 2010, с. 72].

внимание М. Хайдеггер, прямо заявив, что «даже редкая феноменология застыла в догматизме» [Хайдеггер, 2012, с. 381]. Интенциональность в поле феноменологических исследований стала своего рода мавзолеем, напоминанием о чем-то трудном и важном, но не более. И хотя бы какую-то жизнь эта концепция стала обретать либо в междисциплинарных, либо в собственно психологических дискурсах и экскурсах.

Если говорить о междисциплинарных предприятиях, то можно привести в пример исследования С. Феррарелло. В общих чертах их можно свести к попытке на феноменологическом языке объяснить те конститутивные особенности психики, которые охватывают как сознательный, так и бессознательный ее домены. Напомним, что Гуссерль, несмотря на сложившийся стереотип согласно которому «... феноменология – это описание сознания и только сознания», признавал и бессознательные явления психики: «... что касается столь широко обсуждаемой сейчас проблемы “бессознательного” [“Unbewußte”] - сна без сновидений, обморока и всего прочего в таком же или подобном роде, что только можно отнести к этому титулу, – то при этом речь, во всяком случае, идет о происшествиях в предданном мире, и поэтому они, само собой, разумеется, попадают в трансцендентальную проблематику» [Гуссерль, 2013, с. 310]. Принимая это во внимание, Феррарелло в русле, так называемой, практической интенциональности рассматривает пассивные и активные синтезы сознания и ряд связанных с ними феноменов, так или иначе затронутых Гуссерлем в таких его работах, как «Анализ пассивных синтезов» (Hua II), «Феноменология бессознательного и пограничные проблемы рождения, сна и смерти» (Hua XLII), «Феноменологическая психология» (Hua IX) и многих других. В ходе этих научных поисков дается попытка объяснить феномены мотивации, воли, выбора, тех или иных эмоциональных реакций, в том числе затрагивающих проблему телесности и сексуальности [Ferrarello, 2011; 2016; 2019].

Другой пример междисциплинарного осмысления интенциональности будет носить полемичный характер и одновременно иллюстрировать проблему дискурсивного разрыва философии и психологии. В своих семинарах, посвященных теме тревоги, Жак Лакан говорит следующее: «... точка зрения эта, которая благодаря школе Гуссерля, выделившей интенциональность как особую функцию, получила в современной философии высшую степень развития, вводит нас в заблуждение относительно того, что следует именовать объектом желания. Ведь ее сторонники утверждают, что нет ноэзы, нет мысли, которая не была бы направлена на определенный предмет. И это, похоже, единственный путь, позволяющий идеализму вновь обрести путь к реальному. Но правомерно ли мыслить объект желания таким образом? Так ли в отношении желания обстоит дело? Обращаясь к уровню понимания, который разделяют все и на котором без интуиции не обойтись, я сразу задам вопрос – а действительно ли объект желания ожидает нас *впереди*? В этом как раз пресловутая иллюзия и состоит» [Лакан, 2010, с. 125]. Читают феноменологи Лакана или не читают – это риторический вопрос. Данными о каких-то дискуссиях мы не располагаем, не отрицая при этом, что они вполне могут иметь место. От себя мы хотели бы лишь высказать точку зрения, согласно которой Лакана можно считать если не чистым феноменологом, то интуитивно приближающимся к феноменологическому способу мышления автором. Поэтому, высоко оценивая его интеллектуальный вклад в дескриптивный анализ сознания и бессознательного, хотелось бы частично разрешить озадаченность Лакана в приведенной цитате относительно природы интенциональности

желания. Эта озадаченность сосредоточена в акцентуации категории «вперед». Однако интенциональности нет никакого «вперед». Направленность сознания на объект – это всего лишь неотъемлемая конститутивная включенность объекта в жизнь сознания. При этом «душевные переживания, по отдельности и как связное целое, не имеют в себе и для себя никакой реальной единой формы существования и последовательности, подобно реальной временно-пространственности (*Zeitraumlichkeit*). Сущностно принадлежащая им форма протекания, или текучего бытия, в единстве потока сознания не есть действительная форма, параллельная этой временно-пространственности. Образ потока весьма коварен» [Гуссерль, 2005, с. 306]. Возможно, эти соображения внесли бы какие-то коррективы в ход мыслей Лакана относительно феноменологического понимания причинности и связанных с ней феноменов. Пока же его выводы таковы: «... во избежание дальнейших недоразумений, сразу скажу, что по аналогии с интенциональностью ноэзы объект *a* ни в коем случае себе представлять нельзя. В направленности желания, которую с гуссерлевской интенциональностью путать не следует, объект этот выступает как его, желания, причина. Прибегая к только что мною использованной метафоре, можно сказать, что объект располагается у объекта желания *позади*» [Лакан, 2010, с. 126].

Итак, мы привели два примера, представленные работами Фераррело и Лакана², в которых интенциональность рассматривается междисциплинарно, но с тяготением к философии. Далее мы более подробно остановимся на концепции интенциональности, конструирование которой заточено на имплементацию преимущественно в психологической и психотерапевтической сферах.

Концепция интенциональности Р. Мэй

Ролло Мэй (1909–1994) – американский психолог и психотерапевт, один из главных теоретиков экзистенциальной психологии, направления, играющего ведущую роль на сегодняшний день наряду с гештальт-психологией, гуманистической, психоаналитической и когнитивно-поведенческой парадигмами. Исходя из названия, становятся очевидными «идеологическая» составляющая экзистенциальной психологии, а также ее основные тематические рубрики: свобода, тревога, добро и зло, любовь и ненависть, страх и другие модусы, отражающие проблемы человеческого существования (экзистенции). Здесь же нужно подчеркнуть, что данное направление достаточно конструктивно и диалогично относится к психоанализу. В той или иной степени принимаются ключевой тезис психоанализа о присутствии бессознательного и ряд вытекающих из этого тезиса последствий. Однако экзистенциальное направление идет дальше. Сам Р. Мэй дает такое определение: «... экзистенциальная психотерапия – это направление, которое хотя и основывается, с одной стороны, на научном анализе³, который многим обязан гению

---

² Не вдаваясь в подробную аргументацию того, каковы были фундаментальные ориентиры Ж. Лакана – философские или психологические (структуралистско-психоаналитические), – признаем квалификацию его как философа просто авторским мнением, которое может не совпадать с актуальным положением дел и устоявшимися оценками.

³ Понимание и трактовка «научности» для многих направлений психологии, как и для многих направлений современной философии, в том числе и для феноменологии, составляет самостоятельную и крайне сложную проблему [см.: Бердаус, 2021].

Фрейда, с другой – выводит представление и понимание человека на более широкий и глубокий уровень, человек здесь предстает как бытие. Оно [экзистенциальное направление] исходит из предположения о возможности существования науки о человеке, которая не делит его на части, не лишает его человеческих качеств в процессе исследования» [Мэй, 2017, с. 131].

О каких частях говорит Р. Мэй? В условном ключе ответить на этот вопрос можно возвращением к античному видению человека как средоточию трех начал: разумного, страстного и вегетативного. Если через призму этого разделения взглянуть на современные психологические и психотерапевтические попытки *обратиться* к человеку, то можно усмотреть пусть и несколько натянутые, но соответствия. К разумной части обращаются: психоанализ⁴, гештальт-психология, когнитивно-поведенческая психология и т. п. К страстной обращены различные виды арт-терапии. К вегетативной – телесно-ориентированная терапия. Другими словами, человек представляется как нечто располагающее тремя агрегатными состояниями, и, исходя из абсолютно непредсказуемого стечения обстоятельств, он может *отозваться* на переключение его в одно из указанных трех. Даже существование, так называемых, интегративных методов и стратегий по определению не предполагает цельного подхода, но лишь комбинированное воздействие на разные части, что подчеркивает незыблемость их теоретической и практической дезинтеграции. «Разобранный» по частям человек все чаще не в состоянии адекватно удерживать свою экзистенцию, т.е. органически переживать как целое то, что в Античности было представлено структурированным образом в большей степени исходя из аналитических соображений.

Для обращения этого дезинтегративного процесса вспять Р. Мэй предлагает обратиться к другой структуре, которая, на его взгляд, реанимирует целостное измерение человеческого опыта, которое «лежит не в джеймсовом анализе сознания и не во фрейдовском анализе бессознательного, а пересекает и включает в себя как сознательное, так и бессознательное, как знание, так и способность к волевому движению» [Мэй, 2016, с. 255]. Под этой структурой Р. Мэй и подразумевает интенциональность, а точнее ту ее интерпретацию, которую он дал в своей знаковой работе «Любовь и воля» (1969).

В ознакомительном ключе американский психолог предварительно рассказывает об истоках интенциональности. Он отмечает, что корни ее следует искать в философии древних: «Аристотель сказал: “то, что дано глазам [на нашем языке то, что дано в восприятии], являет нацеленность (intentio) души”. Цицерон говорит о душе как о “нацеленности (tension) тела”» [Там же, с. 258]. Затем, указав также на средневековые и нововременные предпосылки, он приходит к современности и останавливается на такой исходной для себя позиции: «... интенциональность начинается как эпистемология, способ познания реальности» [Там же, с. 259]. А уже из этой позиции начинает разворачиваться его собственная интерпретация интенциональности.

---

⁴ Разумеется, мы отдаем себе отчет о фундаментальной роли бессознательного для психоанализа, однако речь в данном абзаце идет о том, как можно работать с бессознательным, и даже точнее – как получить материал бессознательного. И здесь известна позиция Фрейда – только посредством обращения к разуму, речи, сознанию анализанта. Хотя интересно, что Фрейд – тонкий, эрудированный знаток искусства, «диагностировавший» эдипальные эскапады у гениальных художников Возрождения – не предлагал своим пациентам каких-нибудь арт-практик.

Для начала он обнаруживает своего рода точку бифуркации в развитии современного понимания интенциональности. Эту точку он обнаруживает достаточно нетривиально. Общеизвестно, что современное понимание интенциональности связано с именами Франца Brentano и его ученика Э. Гуссерля – основоположника феноменологии. Однако в этот контекст Р. Мэй вводит еще одного не менее известного ученика Brentano – Зигмунда Фрейда. Он говорит следующее: «... хотя Фрейд, насколько мне известно, никогда не упоминает Brentano в своих работах, понятно, что он был более чем просто анонимным слушателем его лекций <...> Интенциональность является неотъемлемой частью самих оснований фрейдовского подхода к свободным ассоциациям, сновидениям и фантазиям. Возможно, Фрейд не упоминает об этой концепции явно по той же причине, почему она упускается и в других направлениях нашей академической психологии; Фрейд хотел создать естественнонаучную форму психологии для своего психоанализа, а откровенно выраженная интенциональность – “недостающее звено” между разумом и телом – делает такую задачу бесконечно более сложной, если не невозможной» [Там же, с. 260].

Последние слова достаточно близко характеризуют попытку Э. Гуссерля выстроить свою феноменологическую психологию из концепции интенциональности. Этот проект оказался действительно достаточно сложным и для понимания, и для реализации. Но для нас важнее в вышеприведенной цитате ее совокупный смысл или, точнее сказать, интенция автора книги, которая заключается в попытке ухватить интенциональность как особенное свойство психики и при этом расшатать методологические основания работы с ним. Это свойство наиболее репрезентативно представлено в философии, феноменологии, но свою манифестацию, причем достаточно яркую, оно нашло там, где об интенциональности нельзя говорить, поэтому и не сказано – в психоанализе.

Отталкиваясь от такого положения дел, Р. Мэй поступает следующим образом. Он перенимает структурное понимание интенциональности у феноменологии, не входя при этом в методологические и трансценденталистские ограничения. Так, структуру интенциональности он представляет следующим образом: «... под интенциональностью я имею в виду структуру, которая придает смысл переживанию, ее не следует отождествлять с намерениями, это измерение, лежащее в их основе; это сама способность человека иметь намерения» [Там же, с. 256]. Еще один аспект заключается в том, что «интенциональность – <...> это структура смысла, которая делает возможным для нас, субъектов, каковыми мы являемся, видеть и понимать внешний мир как объективный, каковым он является. В интенциональности преодолевается дихотомия между субъектом и объектом» [Там же, с. 258]. Таким образом, мы видим сохранение именно функциональной, структурной специфики феноменологического понимания интенциональности, которая при этом полностью выведена из феноменологической установки. С точки зрения некоторых направлений современной феноменологии такая трактовка вполне приемлема. Например, Смит и Макинтайер, представители калифорнийской школы феноменологии, известной своим профрегеанским уклоном, дают такое определение: «... интенциональность – это свойство мысли или опыта, заключающееся в том, что они являются сознанием “чего-то” или сознанием “о”. Хотя “интенциональность” – это технический термин философии, нет ничего более знакомого любому человеку, чем то, что он обозначает: это характерная черта того, что обычно называется “быть сознательным” или “осознавать”. В силу того, что человек обладает сознанием, он находится в особом отношении к своему окружению: на нас

не просто влияют физические вещи, события, положения дел и другие люди; мы также осознаем все эти вещи, числа, предложения, наши собственные ментальные состояния и все остальное, что мы представляем нашему разуму. Этот относительный характер сознания и есть “интенциональность”» [Smith, McIntyre, 1982, р. XI]. В этом примере мы видим, как и в рамках философии осуществляются попытки выведения интенциональности из конститутивной замкнутости гуссерлевской феноменологии.

Следующим шагом, который сделал Р. Мэй в своей книге, можно считать подведение этой структурной модели интенциональности в психоаналитический дискурс, затрагивающий проблему соотношения сознательного и бессознательного. Перечислим основные тезисы: 1) «интенциональность <...> опускается ниже уровня непосредственной осознанности и включает спонтанные, соматические элементы и другие измерения, которые обычно называются “бессознательными”» [Мэй, 2016, с. 270]; 2) «интенциональность задает лежащую в основе желания и воли структуру. Говоря психоаналитически, интенциональность представляет структуру, в рамках которой происходит подавление и блокирование сознательных намерений» [Там же, с. 271].

Может сложиться впечатление, что описываемые нами шаги в рассуждениях и выводах Р. Мэя очень широки, и лишены более тонкой аргументации в вопросах интерференции психоаналитических и феноменологических идей. И, если судить по тексту работы «Любовь и воля», это впечатление вполне справедливо. Поэтому мы постараемся реконструировать некоторые связи, высказав определенного рода предположения. В целом, ощущение скоропостижности усмотрения интенциональности как структуры, задающей интерференцию сознательного и бессознательного, возможно связано с тем, что автором нигде не проговаривается ключевой и, на наш взгляд, очень интересный мотив о сближении природы интенциональности и понимания влечения у Фрейда. Не уходя в подробную реконструкцию, ограничимся лишь фрейдовским схематизмом: «... влечение – это раздражитель для психики» [Фрейд, 2006, с. 87]. А теперь взглянем на подступы к определению интенциональности у Р. Мэя, предложившего следующий пример. Ему необходимо найти небольшой дом и, варьируя свои намерения, которые он хочет реализовать в этом доме, он заключает, что в каждом из этих вариантов «раздражителем (здесь и далее курсив наш – С.Б.) является один и тот же дом», а он остается «одним и тем же человеком, отвечающим на *раздражитель*» [Мэй, 2016, с. 257]. Автору важно подчеркнуть включенность субъекта и объекта в процесс формирования смысла: «... интенциональность является мостиком между нами и объектом». Однако если принять это акцент на присутствии слова «раздражитель», то становится понятнее все дальнейшее изложение, где представлено соотношение интенциональности и восприятия, тела и воли, столь рельефно пронизанное классической структурой влечения по Фрейду, состоящей из напора, цели, объекта и источника влечения [Фрейд, 2006, с. 91]. И, возможно, если выводить разговор на более нейтральную почву, за пределы феноменологии и психоанализа, то смелая интуиция Р. Мэя о том, что «интенциональность предоставляет структуру, в рамках которой происходит подавление и блокирование сознательных намерений», может обрести чрезвычайно важные перспективы, как для современной философии, так и для психологии.

Заключение

Эту работу мы начали с методологической и контекстуальной озадаченности вопросом о порядке заимствования психологией тех или иных философских идей, а также вопросом о том, как философия со своей стороны должна относиться к судьбе своих детищ. Мы предположили, что на сегодняшний день наиболее адекватной стратегией может выступить нейтрально настроенная интервенция со стороны философии, сопровождаемая комментариями и предложениями. В качестве экземпляра такой интервенции в настоящей статье выступил анализ феноменологической концепции интенциональности. Наш выбор был мотивирован определенной стагнацией развития этой концепции в философии и предположением о более плодотворном ее разворачивании в русле психологии. Для более детального анализа мы обратились к работе представителя экзистенциальной психологии Р. Мэю. Его версия концепции интенциональности, представленная в работе «Любовь и воля», на наш взгляд, задействует имплицитные коннотации феноменологической трактовки интенциональности с теорией влечения З. Фрейда.

Обнаружение этих коннотаций и более глубокая рефлексия, как в ходе симультанного феноменологически-психоаналитического подхода, так и в ходе самостоятельного осмысления соответствующих идей Гуссерля и Фрейда, может иметь, на наш взгляд, обширный эвристический потенциал в области исследования сознания и бессознательного.

Список литературы / References

- Бердаус, С. В. (2021). Концепт *Kunstlehre* в феноменологии Гуссерля. *Respublica Literaria*. Т. 2. № 4. С. 16-26.
- Berdaus, S. V. (2021). The Concept of *Kunstlehre* in the Husserl's Phenomenology. *Respublica Literaria*. Vol. 2. no. 4. pp. 16-26. (In Russ.)
- Гуссерль, Э. (2013). *Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию*. Пер. с нем. Д. В. Кузницына. СПб.
- Husserl, E. (2013). *The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology: An Introduction to Phenomenological Philosophy*. Kuznitsyn, D. V. (transl.). St. Petersburg. (In Russ.)
- Гуссерль, Э. (2005). Амстердамские доклады. Гуссерль Э. *Избранные работы*. Сост. В. А. Куренной. М. С. 297-340.
- Husserl, E. (2013). Amsterdam Lectures. In Kurennoj, V. A. (ed.) *Husserl E. Selected Works*. Moscow. pp. 297-340. (In Russ.)
- Лакан, Ж. (2010). *Тревога* (Семинар, Книга X (1962/63)). Пер. А. Черноглазова. М.
- Lacan, J. (2010). *Anxiety*. (Seminar, Book X (1962/63)). Chernoglazov, A. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Мэй, Р. (2017). Истоки экзистенциального направления в психологии и его значение. *Теория и практика экзистенциальной психологии*. Под ред. С. Римского. М. С. 88-131.

May, R. (2017). The Origins and Significance of the Existential Movement in Psychology. In Rimskij, S. (ed.) *Theory and practice of existential psychology*. Moscow. pp. 88-131. (In Russ.)

Мэй, Р. (2016). *Любовь и воля*. Пер. О. О. Чистякова, А. П. Хомика. М.

May, R. (2016). *Love and Will*. Chistjakov, O. O., Homik, A. P. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Фрейд, З. (2006). Влечения и их судьбы. *Фрейд З. Психология бессознательного*. Пер. А. М. Боковинова. М. С. 79-109.

Freud, S. (2006). Instincts and their Vicissitudes. In *Freud S. Psychology of the Unconscious*. Bokovikov, A. M. (transl.). Moscow. pp. 79-109. (In Russ.)

Хайдеггер, М. (2012). *Цолликоновские семинары*. Пер. И. Г. Глухой. Вильнюс.

Heidegger, M. (2012). *Zollikon Seminars*. Gluhova, I. G. (transl.). Vilnius. (In Russ.)

Ferrarello, S. (2016). *Husserl's Ethics and Practical Intentionality*. London. N. Y.

Ferrarello, S. (2011). Practical Intentionality: A Balance Between Practical and Theoretical Acts. *Humana Mente*. Vol. 4(15). pp. 237-250.

Ferrarello, S. (2019). *The Phenomenology of Sex, Love, and Intimacy*. N. Y.

Smith, D.W, McIntyre, R. (1982). *Husserl and Intentionality: A Study of Mind, Meaning, and Language*. Dordrecht. Boston. Lancaster.

Сведения об авторе / Information about the author

Бердаус Светлана Владимировна – кандидат философских наук, младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: s.berdaus@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7067-421X>

Статья поступила в редакцию: 10.12.2021

После доработки: 10.02.2022

Принята к публикации: 21.02.2022

Berdaus Svetlana – Candidate of Philosophy, Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: s.berdaus@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7067-421X>

The paper was submitted: 10.12.2021

Received after reworking: 10.02.2022

Accepted for publication: 21.02.2022

УДК 1 (091)

«ДВОЙНЫЕ РЕЧИ» (DISSOI LOGOI). ЧАСТЬ 2*

К. С. Ковальчук

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)

k.kovalchuk@g.nsu.ru

Аннотация. В статье продолжают изучение и перевод примечательного софистического текста, получившего название «Двойные речи» (Dissoi logoi), с четвертой по девятой главы. Дошедшее до нас в качестве приложения к рукописям сочинений Секста Эмпирика, это собрание коротких трактатов призвано продемонстрировать софистический способ аргументации (в духе Протагора [Dillon, 2003]). В них рассматриваются различные подходы к таким понятиям, как истина и ложь, разум и безумие, и исследуются возможности аргументации за и против той или иной позиции.

Ключевые слова: софистика, аргументация, риторика, убеждение.

Для цитаты: Ковальчук, К. С. (2022). «Двойные речи» (Dissoi logoi). Часть 2. *Respublica Literaria*. 2022. Т. 3. № 1. С. 38-45. DOI:10.47850/RL.2022.3.1.38-45.

PAIRS OF ARGUMENTS (DISSOI LOGOI). PART 2*

X. S. Kovalchuk

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)

k.kovalchuk@g.nsu.ru

Abstract. The paper is a Russian translation of the next six chapters of a curious sophistic text, conventionally called the Pairs of Arguments (Dissoi logoi). Transmitted as an appendix to the works of Sextus Empiricus, this collection of short treaties seeks to show the sophistic (Protagorean) way of argumentation. They address such opposite notions as true and false, sane and insane, wise and foolish, and explore the possibilities of arguing pro and contra a given position.

Keywords: sophistry, argumentation, rhetoric, persuasion.

For citation: Kovalchuk, X. S. (2022). Pairs of Arguments (Dissoi logoi). Part 2. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 1. pp. 38-45. DOI:10.47850/RL.2022.3.1.38-45.

---

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-18-00128 «Античная эпистемология: элеаты, софисты, Платон в новых интерпретациях».

* The work was supported by the RSF, project № 19-18-00128 «Antique epistemology: the Eleatics, the Sophists. Plato in new interpretations»

Предварительные замечания

В статье приводится продолжение перевода софистического трактата «Двойные речи» [см.: Ковальчук, 2020].

Нельзя не согласиться с тем, что часть утверждений, касающихся «Двойных речей», выдержали проверку временем, тогда как некоторые другие нуждаются в корректировке. Например, стоит, вероятно, пересмотреть представление о том, что трактат должно датировать временем между V и VI вв. до н. э. (чем и обусловлено его присутствие у Дильса и Кранца в разделе «Досократики» и у Лакса и Моста в «Ранних греческих философах»). Очевидно, что автор трактата глубоко проникся как философской, так и литературной культурой прошлого, высоко ценил знание, в том числе, считая его необходимой основой истинной демократии, однако значительное сходство между Dissoi logoi и работами Платона и Исократов позволяет предположить, что автор находился под их влиянием, поэтому, основываясь на параллельных упоминаниях военных событий в работе Исократов «Ареопагитик» и вслед за недавним издателем трактата Себастьяно Молинелли [Molinelli, 2018], мы склонны предположить, что данное произведение стоит датировать 355–338 гг. до н. э.

Подробный анализ диалекта, на котором написан трактат, сейчас заставляет исследователей думать не о Сицилии или Южной Италии, как это было принято ранее, а о восточных регионах, поскольку это кажется более убедительным с лингвистической точки зрения.

Можно смело говорить о софистическом характере работы, а вот представлению о ней как о сборнике конспектов и лекций, а также ее дидактической цели противоречат стиль и внутреннее единство текста, так как уже в восьмой части автор демонстрирует ряд сложных навыков, в обретении которых могли бы быть заинтересованы его потенциальные клиенты, а девятая часть представляет собой набросок трактата о мнемонике, в потенциальные возможности которой автор, по-видимому, верит.

Перевод выполнен на основании недавнего издания А. Лакса и Г. Моста [Laks, Most, 2016], с учетом основательного издания Т. Робинсона [Robinson, 1979].

«Двойные речи» 4–9

4. Об истинном и ложном¹

[1] Об истинном (ἡ ἀλήθεια) и ложном (τὸ ψεῦδος)² тоже приводится пара аргументов, из которых один говорит, что ложная речь – это одно, а истинная – другое. Другой же, в свою очередь, говорит, что они, суть, одно и то же. [2] Я же здесь, конечно, придерживаюсь последнего, поскольку выражаются они [истина и ложь] одними и теми же словами. Затем

¹ Текст, несомненно, лакунарный, дополненный Робинзоном.

² Следует заметить, что ἡ ἀλήθεια перевести можно с помощью ряда других слов (правда, истина, действительность, подлинность, верность, прямота, искренность и т.д.), как и τὸ ψεῦδος (ложь, обман, ошибка, заблуждение, вымысел, фантазия, хитрость, уловка), так что при переводе выбор подходящего значения существенно зависит от контекста. Напротив, Лакс и Мост попытались передать эти два понятия одинаково, независимо от контекста, truth и false.

же, всякий раз, когда произносится речь, если дела обстоят так, как утверждалось в речи, то речь истинна, если же не так, то та же самая речь ложна. [3] Вот, например, обвиняют кого-то в ограблении храма: если это деяние произошло, то речь [обвинителя] истинна, а если не произошло, то ложна. И к речи обвиняемого применим тот же аргумент. И судьи считают одну и ту же речь и ложной, и истинной. [4] Поэтому скажи мы по очереди, сидя друг подле друга: «Я в тайны посвящен», то все мы скажем одно и то же, но лишь я один скажу правду, ибо я и есть [посвященный]. [5] Так что, одна и та же речь, когда она сопровождается ложью, является ложной, но когда истина сопровождает ее, она является истинной (подобно тому, как человек тоже является самим собой [одним и тем же]: будучи и мальчиком, и юношей, и зрелым, и стариком).

[6] Но также сказано, что ложная речь – это одно, а истинная – другое, и что они различаются как по имени <так и на деле>. Ибо если бы кто-нибудь спросил того, кто говорит, что одна и та же речь ложна и истинна, то его собственная речь – которая из них? Если «ложная», то ясно, что это две вещи; если же он выбрал «истинная», то эта речь также ложна. И даже если он когда-либо и сказал или засвидетельствовал (ἔξεμαρτύρησε) нечто истинное, то эти же [слова], следовательно, тоже будут ложными. И если некто знает, что определенный человек искренен, то он также знает, что этот человек обманывает. [7] И, основываясь на этом аргументе, они говорят, что если событие происходит, то речь истинна, а если не происходит, то ложна. Поэтому важно, в свою очередь, <спросить> [8] судей, о чем они судят; ведь сами они не присутствовали при этих событиях. [9] Они и сами согласятся с тем, что то, к чему примешивается ложное, ложное, а то, к чему примешивается истинное, истинное. Но это совершенно другое [...]

5.

[1] «Безумные и здравомыслящие, мудрые и невежественные говорят и делают одно и то же. [2] Поэтому они, во-первых, не только используют одни и те же имена: «земля», «человек», «лошадь», «огонь», но и все остальное. И делают они [одно и те же]: сидят, едят, пьют, лежат и так далее. [3] И конечно, одна и та же вещь одновременно больше и меньше, более³ и менее, тяжелее и легче. И так, вот почему все вещи являются подобными. [4] Талант тяжелее мины и легче двух талантов, стало быть, он и легче, и тяжелее [одновременно]. [5] И один и тот же человек и жив, и не жив, и поэтому [одно и то же] и есть, и его нет: ибо того, что есть здесь, нет в Ливии, а того, что есть в Ливии, нет на Кипре. Да и аргумент этот целиком применим [ко всему остальному]. Значит, вещи и есть, и нет». [6] Тогда люди, которые говорят, что безумные, мудрые и глупые сами совершают, делают и говорят одно и то же, и все остальное, что следует из этой речи, рассуждают неверно. [7] Ведь если бы их спросили, отличается ли безумие от здравомыслия, а мудрость от невежества, они бы ответили: «Да». [8] И исходя из того, что делает каждый [из вышеперечисленных], они согласятся с этим. Следовательно, неверно, что мудрые становятся безумными, а безумные – мудрыми, и все перемешивается. [9] И нужно задать вопрос, кто говорит это в данный момент, здравомыслящие или безумные. Ибо когда кто-нибудь спрашивает их, они полагают, что говорят одно и то же, но мудрые говорят это надлежащим образом, а безумные

---

³ πλέον – более, целее. ἔλασσον – менее, хуже, слабее. То есть в первом случае дается количественная характеристика, а во втором качественная.

– несвязно. [10] И когда говорят это, они, как кажется, привносят совсем немного, а точнее, «надлежащим» и «не надлежащим образом», словно это больше уже не одно и то же. [11] Но что касается меня, я думаю, что вещи меняются не путем добавления чего-то подобного, а скорее путем изменения ударения, как например, Глаῦκος («Главк»⁴) и γλαυκός («светлосиний»), Εάνθος («Ксанф»⁵) и ξανθός («рыжий»), Εοῦθος («Ксут»⁶) и ξουθος («темно-коричневый»). [12] Эти слова отличаются ударением, тогда как другие длительностью и краткостью связующих [гласных]. Τύρος («Тир»⁷) и τῦρός («сыр»), σάκος («щит») и σακός («ограда»); а еще одни – перемещением букв: κάρτος («сила») и κράτος («голова»), ὄνος («осел») и νόος («ум»). [13] Так как разница столь велика, даже если ничего не отнимать, то что же произойдет, если кто-то либо добавит, либо отнимет какую-то вещь? И я покажу, что получится. [14] Если кто-то отнимет единицу от десяти, то это уже не будет ни «десять», ни «один»; и все остальное так же. [15] Что же касается утверждения, что один и тот же человек и есть, и нет, то я спрашиваю: «Есть ли он в каком-то конкретном смысле или во всех смыслах?». Так что если некто утверждает, что «одного и того же человека нет», то он ошибется, если имеет в виду «во всех смыслах». Ведь всякая вещь в некотором смысле есть.

6.

[1] Приводится некий аргумент, который не является ни истинным, ни новым: а именно, что как мудрости, так и добродетели нельзя ни научить, ни научиться. Те, которые говорят это, обращаются к следующим доказательствам. [2] Невозможно, передавая что-то, самому оставаться обладателем этого. Это первое. [3] Другое состоит в том, что если бы этому можно было научить, то были бы признанные учителя [добродетели], как существуют учителя музыки. [4] Третье – те в Элладе, ставшие мудрыми людьми, пожалуй, сами бы учили своих детей и друзей. [5] Четвертое: уже случилось так, что некоторые, пришедшие за помощью к софистам, не получили от этого пользы. [6] Пятое – что многие из не имевших дела с софистами, тем не менее стали людьми, достойными упоминания. [7] Что касается меня, то я рассматриваю этот аргумент как крайне бестолковый. Ибо я знаю, что учителя учат грамоте потому, что сами преуспели в грамматике; подобным же образом кифаристы учат играть на кифаре. Против второго доказательства, что не существует признанных учителей, можно возразить так: чему же тогда учат софисты, если не мудрости и добродетели? [8] И кем были последователи Анаксагора и Пифагора? Третье: Поликлет⁸ учил своего сына делать статуи. [9] И если кто-то не учил, это не доказательство: если же кто-то учил, то это доказывает, что учить можно. [10] Четвертое, что некоторые люди не становятся мудрыми от общения с софистами. Но ведь многие люди так и не научились читать, несмотря на то,

⁴ Морское божество, согласно разным источникам, или рыбак, или моряк, или предсказатель. Согласно Диодору Сицилийскому (Историческая библиотека IV 48, 6-7), Главк появился близ корабля аргонатов по молитве Орфея и сопровождал корабль двое суток, предсказав им будущее, согласно Аполлонию Родосскому (Аргонавтика I 1300–1315) сообщил аргонатам, где они не должны искать Геракла.

⁵ Он же Скамандр, речной бог-покровитель Трои, или самый крупный город Ликии на берегу одноименной реки.

⁶ Согласно Геродоту, сын Геллена, муж Креусы, дочери Эрехтея, отец Ахея и Иона, миф, царь Пелопоннеса.

⁷ Приморский город в Финикии.

⁸ Поликлет из Аргоса, древнегреческий скульптор и теоретик искусства, работавший в Аргосе во 2-й половине V века до н. э.

что учились этому. [11] Существует ведь некая природная предрасположенность. Так, если кто-то стал сведущим человеком, и, не обучаясь у софистов, и если он одарен от природы, то он без труда постиг многое, научившись немногому у тех людей, которые обучали его грамоте. И среди них один [учится] больше, другой – меньше, один – у своего отца, другой – у своей матери. [12] И если найдутся не верящие в то, что мы учимся словам, которые полагают, что мы рождаемся с этим знанием, то пусть они поймут нижеследующее: если новорожденного младенца отправить к персам и воспитать там, то он вырастет глухим к эллинской речи, а говорить будет по-персидски; но если бы его привезли оттуда сюда, то он заговорил бы по-гречески. Именно таким образом мы учимся словам, и мы не знаем своих учителей. [13] Таким образом, изложил я свои аргументы, и у вас есть начало, конец и середина. Я не утверждаю, что [мудрости и добродетели] нельзя научить, но лишь то, что этих доводов мне недостаточно.

7.

[1] Также всякие демагоги говорят, будто должности следует распределять по жребию; но их мнение не самое лучшее. [2] Если же кто-нибудь спросил бы так утверждающего: «Почему же ты не предписываешь домашней прислуге работать по выпавшему жребию, чтобы пахари, а не повара, поварским искусством занимались, а повара – гнали волов, и всё остальное таким же образом? [3] Почему бы нам не собрать вместе медных и сапожных дел мастеров, плотников и золотых дел мастеров, и не заставить каждого заниматься тем ремеслом, которое выпало им по жребию, а не тем, которым они владеют?» [4] То, что то же случится и в музыкальных состязаниях, если соперников для состязания каждый раз будут выбирать по жребию, так что авлет⁹ при случае сыграет на кифаре, а кифаред сыграет на авле; и в бою лучник и гоплит будут верхом, а всадник станет лучником, словно все делают то, что не умеют и к чему не способны.

[5] И они говорят, что это хорошо и вполне демократично; но что касается меня, то я не думаю, что это хоть в малейшей степени демократично. Ибо в городах есть люди, ненавидящие народ, и если избраны они будут жребием, то разрушат наше сообщество (τὸν δᾱσον). [6] Необходимо, чтобы сообщество само, на основании собственных наблюдений, избрало всех тех, кто хорошо к нему расположен, и чтобы лишь подходящие люди становились стратегами, другие стали стражами законов, и остальные заняли подобающее им место.

8.

[1] Я думаю, что одному и тому же человеку и одному и тому же искусству присуще уметь вести беседу посредством кратких вопросов и ответов, знать истину вещей, уметь правильно представить чье-либо дело в суде и выступить перед собранием, владеть искусством произнесения речей и учить о природе всех вещей, как конце их, так и рождении.

---

⁹ Игрок на авлосе. Авлос, который по дореволюционной традиции русские переводчики с греческого переводят словом «флейта», «свирель», «дудка», что не совсем верно (примеры см. в «Частная и общественная жизнь греков» П. Гиро, глава 12) [Гаспаров, 1997, с. 9-28]. Такая же традиция отмечается в английских переводах с греческого вплоть до конца XX века. Прообразом современной флейты у греков может считаться сиринга. [Mathiesen, 1999, p. 223].

[2] Во-первых, разве не сможет человек, сведущий как о природе, так и о конце вещей, справедливо действовать в отношении всего? [3] Затем, человек, владеющий искусством произнесения речей, будет обязательно сведущ и в том, как правильно говорить обо всех вещах. [4] Ибо необходимо, чтобы человек, намеревающийся говорить правильно, говорил о тех вещах, о которых он знает. А он будет знать обо всех вещах. [5] Ибо он владеет искусством произнесения всех речей и, одновременно, все речи произносятся обо всех существующих вещах. [6] Необходимо, чтобы человек, намеревающийся говорить правильно, о чем бы он ни говорил ***¹⁰ правильно научить город делать благие дела и препятствовать свершению вредных дел. [7] Зная все это, он будет также сведущ и в том, что отличается от этого, ибо он будет знать каждую вещь: ведь эти вещи одинаковы для всех людей, а все остальное можно получить, если возникнет в этом необходимость. [8] Если он не умеет играть на авле, он всегда сможет сыграть на авлосе, если это будет необходимо¹¹. [9] А знающий, как обратиться к суду, обязательно должен знать, что справедливо; ибо судебное разбирательство как раз об этом. И зная это, он также будет знать о том, что ему противоположно и обо всем том, что ...¹² иного свойства. [10] Также важно, чтобы он знал все законы: стало быть, если он не знает вещей, то не будет знать и законов. [11] Ибо тот человек, который знает закон в музыке, также [знает] музыку, но тот, кто не [знает] музыки, не [знает] и ее закона. [12] <Конечно>, о том, кто знает истину о вещах, легко утверждать, что он знает и все вещи; [13] и кто умеет вести беседу посредством кратких вопросов и ответов, должен быть в силах ответить, когда его спрашивают, о каждой вещи. И поэтому необходимо, чтобы он знал всё.

9.

[1] Весьма великое и прекрасное открытие было сделано, а именно, открыто [искусство] запоминания¹³, и оно полезно в жизни для всего, как для философии, так и для ремесла. [2] <Во-первых>, если вы будете сосредоточены (просέχης τὸν νοῦν), то ваша мысль, проходя через [вещи], воспринимая их, будет лучше усваивать совокупность того, что вы узнали. [3] Во-вторых, надлежит заботиться об услышанном; ибо лишь многократно услышанное и произнесенное становится доступным твоей памяти. [4] В-третьих, свяжи услышанное с тем, что ты знаешь. Так, если нужно вспомнить Хрисиппа, свяжи это с χρυσός (золото) и ἵπλος (лошадь). [5] Точно так же, свяжи Пирилампа с πῦρ (огонь) и λάμπειν (светить). Эти примеры относятся к именам. [6] Что касается вещей, [делай] так: о мужественной доблести [мысль связывай] с Аресом и Ахиллом; о кузнечном деле – с Гефестом; о трусости – с Эпеем ...¹⁴

¹⁰ В этом месте у рукописей имеется лакуна в четыре-пять строк. Молинелли [Molinelli, 2018, p. 84] предлагает заполнить ее фразой: «<Знающий, как обратиться к собранию, должен также> правильно ...»

¹¹ Предложение может быть искажено; возможно, см. Платон, *Протагор* 327а-с.

¹² В этом месте у оригинала лакуна составляет около десяти букв.

¹³ То есть мнемотехника, которой действительно славились софисты, например, Гиппий.

¹⁴ Текст обрывается на этом месте.

Список литературы / Reference

Гаспаров, М. Л. (1997). Древнегреческая хоровая лирика. *Гаспаров М. Л. Избранные труды*. Т. 1. М. С. 9-28.

Gasparov, M. L. (1997). Ancient Greek Choral Lyrics. In *Gasparov, M. L. Selected Works*. Vol. 1. Moscow. pp. 9-28. (In Russ.)

Гиро, П. (1915). *Частная и общественная жизнь греков*. Пер. с последнего французского издания Н. И. Лихаревой. Петроград. Издание т-ва О. Н. Поповой.

Giro, P. (1915). *Private and Public Life of the Greeks*. Likhareva, N. I. (transl.). Petrograd. (In Russ.)

Ковальчук, К. С. (2020). «Двойные речи» (Dissoi logoi). *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. С. 70-78. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.70-78

Kovalchuk, X. S. (2020). Pairs of Arguments (Dissoi logoi). *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 2. pp. 70-78. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.70-78 (In Russ.)

Dillon, J., Gergel, T. (eds.) (2003). *The Greek Sophists*. London. Penguin.

Laks, A., Most, G. (transl. and eds.) (2016). *Early Greek Philosophy. Vol. IX: Sophists*. Cambridge. Harvard University Press.

Mathiesen, T. (1999). *Apollo's Lyre: Greek Music and Music Theory in Antiquity and the Middle Ages*. Lincoln. Nebr. and London. University of Nebraska Press.

Molinelli, S. (2018). Dissoi Logoi: A New Commented Edition. In *Durham University. Durham e-Theses* [Online]. Available at: <http://etheses.dur.ac.uk/12451/> (Accessed: 26.01. 2022)

Robinson, T. M. (transl. and ed.) (1979). *Contrasting Arguments: An Edition of the Dissoi Logoi*. New York. Arno Press.

Сведения об авторе / Information about the author

Ковальчук Ксения Сергеевна – аспирант Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: k.kovalchuk@g.nsu.ru

Статья поступила в редакцию: 14.12.2021

После доработки: 06.02.2022

Принята к публикации: 28.02.2022

Kovalchuk Xenia – graduate student of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: k.kovalchuk@g.nsu.ru

The paper was submitted: 14.12.2021

Received after reworking: 06.02.2022

Accepted for publication: 28.02.2022

УДК 1(091)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И НЕОПРАГМАТИЗМ*

А. В. Косарев

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
andrkw88@gmail.com

Аннотация. После крушения «Атлантической стены» и размывания границ между континентальной и аналитической философией произошел исторический поворот в аналитической философии, и вопреки ожиданию появления на философской сцене постаналитической философии ее место занял неопрагматизм, хотя эти термины по сути указывают на один и тот же феномен. Эта ситуация демонстрирует современное определение аналитической философии скорее как техники и инструментария, нежели как набора проблем, определяющих философское направление. Неопрагматизм, в свою очередь, более соответствовал сохранению гуманистических интеллектуальных традиций, удовлетворяя содержательные запросы, которые к началу XXI в. выходят на передний план, потеснив изощренный логический инструментарий и элитарный метод, непригодные для массового потребителя философских знаний, сформировавшегося в этот период.

Ключевые слова: аналитическая философия, исторический поворот, прагматизм, неопрагматизм, гуманизм.

Для цитирования: Косарев, А. В. (2022). Исторический поворот в аналитической философии и неопрагматизм. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 1. С. 46-53. DOI: 10.47850/RL.2022.3.1.46-53.

A HISTORICAL TURN IN ANALYTICAL PHILOSOPHY AND NEOPRAGMATISM*

A. V. Kosarev

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
andrkw88@gmail.com

Abstract. After the collapse of the “Atlantic Wall” and the breaking of the boundaries between continental and analytic philosophy, there has been a historical turn in analytic philosophy, and contrary to expectations of the emergence of post-analytic philosophy on the philosophical scene, neo-pragmatism took that place, although these terms indicate in a rough way the same phenomenon. This situation demonstrates the modern definition of analytical philosophy as a technique and toolkit rather than a set of problems that define a philosophical tradition. Neopragmatism, in turn, was more consistent with the maintenance of humanistic intellectual traditions, satisfying substantive needs, which by the beginning of the XXI century. come to the foreground, pushing back the sophisticated logical toolkit and the elitist method, unsuitable for the mass consumer of philosophical knowledge that was formed during this period.

Keywords: analytical philosophy, historical turn, pragmatism, neo-pragmatism, humanism.

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 19-011-00437 «Неопрагматизм в философии науки: релятивизм и риторический поворот».

* The reported study was funded by RFBR, project number 19-011-00437 «Neopragmatism in the philosophy of science: relativism and rethoric turn».

For citation: Kosarev, A. V. (2022). A Historical Turn in Analytical Philosophy and Neopragmatism. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 1. pp. 46-53. DOI: 10.47850/RL.2022.3.1.46-53.

Интерес к аналитической философии как к наиболее влиятельному направлению философии XX в. в последнее время приобрел два новых фокуса. Они неизбежно возникают в отношении к любой традиции, которая прошла свой зенит и претерпевает некоторые изменения. Первый ставится к будущему этой традиции, к тому, какой путь развития она изберет, если она вообще оказывается жизнеспособной в новых условиях, а второй – к ее прошлому, когда уже есть основания подвести итог и сказать, откуда пришла и чем была та или иная философская традиция. Десятки работ, публикуемые каждый год в последние десятилетия, посвященные истории различных периодов аналитической философии, непосредственно свидетельствуют о том, что такой кризисный момент самоопределения и определения в истории для нее наступил.

В момент пика популярности аналитической философии она резко и традиционно противопоставлялась континентальной философии. Сегодня это противопоставление стало уже достоянием истории. При этом история показала, что оба направления, при их непримиримой позиции друг к другу, обладали некоторой общностью, которая, возможно, и позволила им сблизиться впоследствии, а именно – значительные отклонения от норм традиционной философии [Preston, 2007, p. 1]. Можно выделить еще одну общую черту для обеих традиций, которая каким-то образом их объединяет – это отсутствие определяющих доктрин, и которую А.Престон считает специфической именно для аналитической философии и в целом «разрушительной проблемой для чего-то, что претендует на то, чтобы быть философской школой, движением или традицией» [Ibid., p. 2]. Сам Престон настаивает на иллюзорности аналитической философии в силу обозначенных факторов, посвятив обоснованию этого тезиса целую книгу [Ibid.]. Речь при этом идет не о том, что не существовало такого феномена, как аналитическая философия, а о том, что аналитическую философию нельзя назвать философской школой. По мысли А.Престона, «философская школа» всегда имеет некоторый уникальный набор философских взглядов или определяющих доктрин, тогда как аналитическая философия – это, прежде всего оригинальный инструментарий для анализа языка [Ibid., p. 2]. Кто-то может возразить, что можно сформулировать некий универсальный «лингвистический тезис», который и будет общей доктриной для аналитической философии, но, однако, и он не является чем-то специфичным для нее. По крайней мере, к 70-м гг., когда размывается и «лингвистический тезис», становится понятно, что ведущие аналитики никогда не понимали этот тезис сколько-нибудь единообразно, и в целом понятие аналитической философии оказывается нечетким [Ibid.].

Однако и континентальная философия обладает той же «нечеткостью доктрин», вернее сказать, их множественностью и смешанностью, и вероятно поэтому и можно задать только одну для обеих традиций характерную особенность, не-доктринальную, а скорее социологическую, к которой часто прибегают для описания этих традиций, - принадлежность к какому-либо региону, как деление на «англо-саксонскую» и «европейскую» философии. Этот ход также малопродуктивен, поскольку он не будет

в точности характеризовать ни специфику этих традиций, ни тем более направление их исследований, которые, как опять-таки показывает время, возможно, различались только по методу, а не по доктринам. Не исключено, что такое размывание границ аналитической философии привело к тому, что в эти границы смогли встроиться многие другие направления, которые, в конечном итоге, ни по духу, ни даже по методу уже не соответствовали изначальным интенциям аналитической философии, а тем, кто по-прежнему использует это понятие, приходится схватывать его интуитивно.

Задача написания истории аналитической философии сталкивается с двумя парадоксами, которые описывают аналитическую философию в ее отношениях с историей. Первый парадокс заключается в том, что для того, чтобы разобраться с тем, как устроена аналитическая философия, чем она была и в каком виде она существовала с 30-х до 60-х гг. – в период своего расцвета, требуется исторический взгляд на аналитическую традицию, при этом сама она в принципе отвергала саму возможность, а не просто продуктивность такой оценки. Настаивая на аисторическом или даже антиисторическом характере своей деятельности, аналитики как будто не расставили якоря, которые позволили бы будущей истории философии вписать их в структуру философского исторического процесса. В этом отношении очень характерны работы [Пассмор, 1998; Пассмор, 2002], которые можно охарактеризовать по схеме, аналогичной парадоксу Менона: если вы не погружены в аналитические дискуссии, вы мало что поймете в этих книгах, кроме разве хронологической последовательности имен, а если погружены, то они будут для вас малоинформативными. Аналитическая философия с ее техническим формальным языком отнюдь не была доступна каждому, напротив, она была крайне специализированной, можно сказать, элитарной областью, требующей постоянного совершенствования и гарантированного профессионализма ее приверженцев, поскольку «мимикрировать» под «своего» в таком дискурсе фактически невозможно. А потому чтение истории аналитической философии превращается в своего рода перелистывание страниц чужого семейного альбома: не будучи в родстве с этими людьми, вы никогда не узнаете кто они, откуда, чем занимались и зачем жили, особенно если прежние владельцы альбома не оставили под фотографиями ни одной подписи.

А. Макинтайр иллюстрирует отношение аналитиков к истории, вспоминая одну шутку О. У. В. Куайна: «Куайн шутил, что есть два типа людей, интересующихся философией: те, кто интересуются философией, и те, кто интересуются историей философии. ... [К]онтршутка такова: люди, интересующиеся философией сейчас, обречены стать теми, кем через сто лет будут интересоваться только те, кто интересуются историей философии» [Макинтайр, 2021, с. 123]. Можно перефразировать это высказывание так: если сегодня вы чужды истории, не удивляйтесь тому, что завтра о вас напишут другие. Как кажется, аналитическая философия не выдержала даже обозначенный Макинтайром условный столетний срок, а способ ее нынешнего существования скорее вводит в замешательство, чем объясняет что-то относительно ее целей, доктрин и границ. Именно поэтому возникают противоречивые оценки ее нынешнего существования: хотя аналитическая философия по-прежнему является одной из ключевых сил на философской арене, все чаще можно увидеть рассуждения о том, что она пребывает в кризисе, исчезла так же стремительно, как и набрала авторитет, или вовсе умерла раз и навсегда.

Второй парадокс заключается в том, что наследником аналитической философии стало направление, которое крайне бережно и щепетильно относилось как к истории, так и в целом к историческому процессу – американский прагматизм. Примечательно в этом отношении замечание представителя неопрагматизма Дж. Марголиса [Margolis, 2010, p. 36], что некоторые прагматистские доктрины, хотя и могли исходно рассматриваться как провокационные, теперь набирают популярность, и их нельзя продолжать игнорировать и подвергать гонениям, как это делалось ранее. Прежде всего, это историчность, релятивизм и инкультурация. Марголис признает, что опирается здесь на собственные предпочтения, но настаивает на том, что если не учитывать значение этих направлений для прагматизма (и философии в целом) и не придерживаться их, то прагматизм просто потеряет силу. Понятно, что все три доктрины никогда не только не входили в область интересов аналитической философии, но и наиболее резко отвергались и критиковались.

Трудно сказать, в какой момент произошло слияние традиционных американских мировоззренческих оснований, тесно спаянных с прагматизмом Пирса, Джеймса и Дьюи, и формального аналитического инструментария, завезенного на американский континент европейскими интеллектуалами в годы Второй мировой войны и стремительно завоевавшего популярность и авторитет. К середине XX в. уже мало кто в США испытывал иллюзии насчет возрождения прагматизма, и тем более удивительно, что его возрождение произошло силами самой аналитической философии.

Неизвестно, как сложилась бы ситуация в иных культурно-исторических обстоятельствах и каким бы было будущее аналитической философии, но в 80–90 гг. XX в., если выразиться фигурально, рухнула не только Берлинская стена, позволив коммуницировать в открытую и на равных основаниях идеалистическому и материалистическому направлениям, но и «Атлантическая стена» [Боррадори, 1998, с. 9], соединив аналитический и гуманистический, т. е. прагматистский дискурсы. Раскрывая понятие «Атлантической стены», Боррадори обозначает два взаимосвязанных явления. «Необратимая профессионализация философии», прежде всего аналитической, которая привела к тому, что, примкнув к естественным и точным наукам по методу, она, в силу этого, стала постепенно терять связь с общегуманитарным дискурсом. Аналитическая философия вышла на антигуманитарный курс и дискуссии с европейскими интеллектуалами поддерживали по большей части только литераторы [Там же, с. 18]. Именно в этот момент и пролегла стена между аналитической и континентальной философией, заблокировав проникновение каких-либо философских идей не аналитического толка из Европы в Америку.

Однако эти по большей части гуманистические идеи сохранялись в самом американском мировоззрении, воспитанном на прагматизме. Прагматизм с гуманизмом отождествляли еще первые прагматисты в лице Ф. К. С. Шиллера [Шиллер, 2003], который утверждал, что в центре интересов прагматизма находятся проблемы человеческой жизни и опыта и проблемы реального мира, с которым человек полагает, что находится в контакте. Прагматизм является формой релятивизма, поскольку гуманизм симпатизирует относительности, противопоставляя себя абсолютизму и натурализму, и разделяет

экспериментальную теорию значения, т. е. такую, которая признает верификацию опытом (экспериментом) или наблюдением, поскольку истина должна быть подвергнута проверке (этот тезис был исходно выдвинут Пирсом и Джеймсом и сформулирован как максима Пирса). Наконец, цель прагматизма формулируется как лишение абсолютистских претензий всякого смысла, поскольку истина и знания соотносятся с человеком и его жизнью, а не абсолютны или умозрительны. Фактически в этом тезисе фиксируется окончательная антиобъективистская направленность прагматизма. Трудно представить тезисы более диаметрально противоположные интересам аналитической философии, которая принципиально позиционировала себя как философию вне всяких социальных, исторических или политических потрясений.

Тем не менее, начиная с 80-х гг., представители поздней аналитической философии уличают друг друга в приверженности к прагматизму, а вместе с ним – к антиобъективизму и релятивизму. Инициатива исходила от Рорти. Как мы писали, приводя аргументы к тому, что спор о реализме между Рорти и Патнэмом привел в итоге к релятивистским позициям в неопрагматизме, «ни Рорти, ни другие ..., занимая “стихийную” неопрагматистскую позицию, не ставили себе задачи ни сколько-нибудь последовательно оправдывать прагматизм, ни каким-либо образом институционализировать его» [Косарев, 2020б, с. 82]. Тем не менее, сквозь общее отрицание своей принадлежности к прагматизму у многих аналитических философов хорошо просматриваются некоторые симпатии к этому направлению. Приведем в качестве примера позицию Д. Дэвидсона, который не только видит «определенное историческое движение от неокантианской немецкой философии к прагматизму ...», но и утверждает, что «единственной особенностью американского мышления является прагматизм. Но, – поясняет он, – я не столь привержен этому прагматизму в философии, как, скажем, Рорти. Хотя Рорти утверждает, что я прагматист» [Боррадори, 1998, с. 55]. Марголис называет Р. Рорти, Т. Куна и О. У. В. Куайна «концептуальными кузенами прагматизма» во введении к [Margolis, 2010, p. ix]. Если позиция аналитиков в отношении обозначения их интеллектуальных связей с прагматизмом более осторожная, то сторонники возрожденного, во многом благодаря усилиям Рорти, неопрагматизма (к которому часто относят и самого Рорти) гораздо более прямолинейны: многие концепции еще одного представителя неопрагматизма – Р. Бернштейна – в 80-е г. уже прямо формируются под влиянием континентальной философии (Гадамера, Хабермаса) [Косарев, 2020а], и Рорти во введении 1993 г. к работе У. Селларса «Эмпиризм и философия сознания» еще раз повторяет эту позицию: «... Свободный и легкий переход от философии языка и сознания, с одной стороны, к всемирно-историческому видению – с другой, заставляет вспомнить не только Мида и Дьюи, но также Гадамера и Хабермаса ... [П]ротогегельянство Селларса и Брэндома свидетельствуют о том, что подход к традиционным проблемам аналитической философии с точки зрения “социальных практик” в духе Селларса и Брэндома может восстановить связь этой философской традиции с так называемой континентальной традицией». И дальше: «Хочется верить, что когда-нибудь, в будущем, на этот уже набивший оскомину “аналитико-континентальный” разрыв будут смотреть как на неудачный и временный перерыв в общении ...» [Селларс, 2021, с. 29].

Результат взаимодействия прагматизма и аналитической философии представляется весьма амбивалентным. Можно сказать, что в результате такого слияния прагматизма и аналитики американская философия снова, как в годы процветания прагматизма, стала более доступной широким массам, но не стала при этом более простой, отдавая дань аналитической философии. Неопрагматисты взяли на себя роль популяризаторов некоторых достижений аналитиков, хотя сами аналитики предельно недовольны предлагаемыми интерпретациями, зачастую видя в них нечто, что иллюстрируется поговоркой «слышат звон». С одной стороны, можно подумать, что неопрагматисты профанировали аналитический дискурс, существенно упростив его и, тем самым, сделав его доступным «слабому мышлению» (weak thought), т. е., пользуясь пояснением термина у Дж. Боррадори, превратив его в далекие от научного самовыражения и более литературные европейские дискуссии [Боррадори, 1998, с. 11]. Неопрагматисты подмешали в элитарный мир строгой рациональности изрядную дозу «слабого мышления» в виде значимости коммуникативных практик для установления истин о мире (а не только истин предложений о мире), подчеркнув роль интерпретирующего сообщества в познании мира (а не только техник и инструментария), признания различий в концептуальных схемах, и в целом, настаивая на общей релятивизации знания. С другой стороны, популяризовав этот достаточно элитарный и закрытый дискурс, неопрагматисты спасли его от блужданий в лабиринте собственных узких, почти «сектантских» проблем лингвистического анализа, прекратив «схоластические препирательства [аналитиков. – А.К.] по поводу точной формулировки» [Фуллер, 2021, с. 57], и приостановив интенцию исследовать в мельчайших подробностях узкоспециализированные темы. С другой стороны, если понимать континентальную философию в согласии с определением С. Фуллера как традицию «дурных рассуждений, ложных филологических изысканий, эксцентричных историй, обскурантизма и гипербола», т. е. как «целый букет преступлений против истины» [Там же], то становится очевиден значительный потенциал аналитического подхода для не аналитических целей, который заключается в строгости, последовательности и точности формулировок и мышления, и который способен компенсировать недостаточную строгость континентальных подходов, и раскрывать его в таком качестве стали именно неопрагматисты. Крайне емкую формулировку обоих подходов дает С. Фуллер: «В вымысле вы не знаете, что живете в ложном мире, тогда как в гипотезе знаете, что не живете в ложном мире. В обоих случаях “истинный мир” не обладает никаким определенным эпистемическим статусом. Напротив, вы предполагаете “ложный мир” и в своем рассуждении исходите из него. С этой точки зрения континентальные философы – это поставщики вымыслов, а аналитические – гипотез» [Там же].

Общий результат этих процессов в американской философии, с учетом возрождения прагматистского наследия и сохранения критериологических аналитических принципов в исследованиях, очевидно, привел к появлению если не некоторой химеры, несущей в себе признаки обеих традиций, то, по крайней мере, к появлению нового направления в философии, которое в равной мере можно обозначить любым из терминов: и как «неопрагматизм», и как «пост-аналитическая философия». Однако, термин «постаналитика» не прижился, тогда как неопрагматизм надежно и прочно вошел в философский обиход. Означает ли это, что аналитика окончательно сдала свои позиции, а в вопросе сохранения интеллектуальных традиций Нового света прагматизм победил? Вероятно, все-таки

проблема заключается не в том, что аналитика не справилась с исторической миссией, а в том, что современный мир пришел в ту точку, где истина перестала быть золотым стандартом, уступив место *постправде*, и где доминирующим инструментом служит не логика, а риторика, где лингвистический поворот сменился риторическим, а объективизм – релятивизмом. Удел аналитической философии на американском континенте сегодня – это ее «истории» в самых разнообразных вариациях, тогда как философскую нишу заняли «слишком литературные» произведения неопрагматистов – Марголиса, Бернштейна, Брэндома и др. Для кого-то «исторический поворот» в аналитической философии может показаться крахом традиции, а для кого-то – началом новой эпохи: любителей решать изощренные проблемы узко специализированными формальными методами становится все меньше, но аналитическая традиция продолжает себя в подходах, которые полагают возможным применять строгие формальные методы к анализу самых разнообразных сфер философской жизни.

Список литературы / References

- Боррадори, Дж. (1998). *Американский философ: Беседы с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвлом, МакИнтайром, Куном*. М.
- Borradori, G. (1998). *The American Philosopher. Quine, Davidson, Putnam, Nozick, Danto, Rorty, Cavell, MacIntyre, and Kuhn*. Moscow. (In Russ.)
- Косарев, А. В. (2020a). Второй этап творчества Р. Бернштейна как критический неопрагматизм. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 55. С. 118-126.
- Kosarev, A. V. (2020a). The Second Period of Richard Bernstein's Work as Critical Neopragmatism. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. no. 55. pp. 118-126. (In Russ.)
- Косарев, А. В. (2020б). Основания релятивизма Дж. Марголиса в споре Р. Рорти и Х. Патнэма. *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. С. 79-87.
- Kosarev, A. V. (2020b) Foundations of Relativism by J. Margolis in the Polemic of R. Rorty and H. Putnam. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 2. pp. 79-87. (In Russ.)
- Макинтайр, А. (2021). Отношение философии к своему прошлому. *Философия и ее история. Дискуссии*. Новосибирск. С. 103-135.
- Macintyre, A. (2021). Philosophy's Relationship to its Past. *Philosophy and its Past. Discussions*. Novosibirsk. pp. 103-135. (In Russ.)
- Пассмор, Дж. (2002). *Современные философы*. Пер. с англ. Л. Б. Макеевой. М.
- Passmore, J. (2002). *Recent Philosophers*. Makeeva, L. B. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Пассмор, Дж. (1998). *Сто лет философии*. Пер. с англ. И. В. Борисовой, Л. Б. Макеевой, А. М. Руткевича. М.

Passmore, J. (1998). *A Hundred Years of Philosophy*. Borisova, I. V., Makeeva, L. B., Rutkevich, A. M. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Селларс, У. (2021). *Эмпиризм и философия сознания*. Введение Р. Рорти. Комментарии Р. Брэндома. Пер. с англ. Г. С. Рогоняна. Научн. ред. Л. Б. Макеева. СПб.

Sellars, W. (2021). *Empirism and Philosophy of Mind*. Rorty, R. (introd.). Brandom, R. (comment.). Rogonyan, G. S. (transl.). Makeeva, L. B. (ed.). St. Petersburg. (In Russ.)

Фуллер, С. (2021). *Постправда: Знание как борьба за власть*. М.

Fuller, S. (2021). *Post-Truth: Knowledge as a Power Game*. Moscow. (In Russ.)

Шиллер, Ф. (2003). Гуманизм и гуманизмы. Шиллер Ф. *Наши человеческие истины*. М. С. 74-89.

Schiller, F. C. S. (2003). Humanism and Humanisms. *Schiller F. C. S. Our Human Truths*. Moscow. pp. 74-89. (In Russ.)

Margolis, J. (2010). *Pragmatism's Advantage: American and European Philosophy at the End of the Twentieth Century*. Stanford.

Preston, A. (2007). *Analytic Philosophy. The History of Illusion*. London. New York.

Сведения об авторе / Information about the author

Косарев Андрей Викторович – кандидат философских наук, старший преподаватель отдела подготовки кадров в аспирантуре Института философии и права Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: andrkw88@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 17.11.2021

После доработки: 13.01.2022

Принята к публикации: 21.02.2022

Kosarev Andrew – Candidate of Philosophy, Senior Lecturer, Postgraduate Training Department at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: andrkw88@gmail.com

The paper was submitted: 17.11.2021

Received after reworking: 13.01.2022

Accepted for publication: 21.02.2022

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.728

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ОТ ИДЕИ К ПОВСЕДНЕВНОЙ ПРАКТИКЕ ЖИТЕЛЕЙ г. ВЛАДИВОСТОК

А. Ю. Ардальянова, А. Е. Земцова, И. В. Купряшкин
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)
ardalyanova.ayu@dvfu.ru; zemtcova.ae@dvfu.ru; kupryashkin.iv@dvfu.ru

Аннотация. В статье описываются результаты исследования, проведенного авторами с целью выявления и обоснования основных возможностей и ограничений цифровых трансформаций в развитии городов через анализ концепции «Умный город» и оценку мнений горожан относительно необходимости и значимости внедрения цифровых решений в их повседневные практики (на примере г. Владивосток). Эмпирические методы представлены вторичным анализом социологических данных, эмпирической базой для которого стали исследования Всероссийского центра исследования общественного мнения (ВЦИОМ), Приморского научно-исследовательского центра социологии. Представлены результаты интервью с жителями г. Владивосток (N=15).

Ключевые слова: цифровизация, умный город, повседневные практики, цифровые практики горожан.

Для цитирования: Ардальянова, А. Ю., Земцова, А. Е., Купряшкин, И. В. (2022). Цифровизация городского пространства: от идеи к повседневной практике жителей г. Владивосток. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 1. С. 54-66. DOI: 10.47850/RL.2022.3.1.54-66.

DIGITALIZATION OF URBAN SPACE: FROM IDEA TO EVERYDAY PRACTICE OF VLADIVOSTOK RESIDENTS

A. Yu. Ardalyanova, A. E. Zemtsova, I. V. Kupryashkin
Far Eastern Federal University (Vladivostok)
ardalyanova.ayu@dvfu.ru; zemtcova.ae@dvfu.ru; kupryashkin.iv@dvfu.ru

Abstract. The article describes the results of a study conducted by the authors in order to identify and justify the main opportunities and limitations of digital transformations in urban development through the analysis of the "Smart City" concept and assessment of the opinions of citizens regarding the need for and importance of introducing digital solutions into their daily practices (on the example of the city of Vladivostok). Empirical methods are represented by a secondary analysis of sociological data, the empirical basis for which was the research of the Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), the Primorsky Research Center of Sociology. The results of interviews with residents of the city of Vladivostok (N=15) are presented.

Keywords: digitalization, smart city, everyday practices, digital practices of citizens.

For citation: Ardalyanova, A. Yu., Zemtsova, A. E., Kupryashkin, I. V. (2022). Digitalization of Urban Space: From Idea to Everyday Practice of Vladivostok Residents. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 1. pp. 54-66. DOI: 10.47850/RL.2022.3.1.54-66.

На современном этапе развития общества стремительный, экспоненциальный рост численности населения привел к расширению и радикальной трансформации городов. В мире происходит процесс переосмысления управления городским развитием, все большее количество городов переходит к концепции развития под названием «Умный город» или Smart City (от английского *smart city* – умный город).

Исследование данной проблематики лежит на стыке двух направлений социологического знания – это исследования города и городской среды и исследование информационного общества. Проблемы «умного» города широко представлены в российских социологических, экономических и технологических изданиях, на страницах которых обсуждается потенциал российских городов, описываются отдельные проекты, анализируются социальные представления об «умном» городе, рассматриваются проблемы доверия к технологиям [см. подробнее: Ганин, 2014; Рыбина, 2015; Василенко и др., 2018; Митягин и др., 2019; Козлова, 2021; Проскураков, 2021]. Зарубежная практика исследования концепции «Умный город» также представлена работами различных авторов, которые рассматривают изменение качества и стиля жизни в смарт-преобразованном городе [см. подробнее: Gil-Garcia et al., 2016; Barns, 2017; Camboim et al., 2019]; уделяют внимание изучению проблем устойчивого развития городов [см. подробнее: D'Amico et al., 2020; Treude, 2021; Repette et al., 2021].

Следует отметить, что ни в российской, ни в зарубежной исследовательской практике нет какой-либо отсылки к единой дефиниции понятия «умный» в отношении города. Концепция на сегодняшний день не имеет четко определенных границ, она включает в себя разноплановые структурные компоненты, в совокупности определяющие ее сущность. Среди них наиболее значимыми являются развитая городская инфраструктура, масштабное использование ИКТ и инноваций, ориентация на формирование и использование новых знаний, снижение экологической нагрузки на территорию. При этом объединяющими условиями структурных компонентов являются процессы цифровизации и информатизации социально-экономического пространства современного города.

Рабочее определение для настоящего исследования сформулировано следующим образом: *умный город – комплексный подход к использованию информационных технологий на основе анализа данных для предоставления услуг по управлению природными, энергетическими и городскими ресурсами, цель которого обеспечить устойчивое, благополучное и всестороннее будущее для граждан и экономики в целом.* Таким образом, в этом определении нами подчеркивается роль интеллектуальных технологий в развитии городской среды для повышения уровня жизни и благополучия общества.

В России есть несколько городов, которые претендуют на статус «умных», среди них Москва, Санкт-Петербург, Казань, Сколково, Иннополис и др. Москва регулярно появляется в различных международных рейтингах городов и, несомненно, является лидером нашей страны во внедрении «умных» технологий. Анализируя программы цифровизации в г. Москва, исследователи отмечают, что в рамках реализации проекта «Умный город – 2030» и таких программ, как «Московская электронная школа», «Единая медицинская информационно-аналитическая система», «Московский инвестор», «Наш город», «Мой район», «умные» камеры и пр., основной приоритет отдается отраслевой цифровизации, созданию вариативных инструментов, объединению их в суперсервисы на единой ИТ-платформе [Зотов и др, 2020, с. 16]. Таким образом, очевидно, что г. Москва стремится стать одним из мировых цифровых лидеров и уверенно движется в заданном

направлении, но Москва – это еще не вся Россия. Правительство страны предлагает смелые решения: одно из них, например, эксперимент Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ по замене бумажных паспортов мобильным приложением «Мобильный идентификатор». Однако иметь цифровой аналог привычного для всех документа, удостоверяющего личность, хотели бы далеко не все жители нашей страны. Социологические данные свидетельствуют о том, что существуют определенные риски реализации этого решения, связанные с готовностью населения к подобным изменениям, что можно обозначить как асимметрию ожиданий. Так, по результатам опроса об отношении россиян к обозначенной идее, проведенного Всероссийским центром исследования общественного мнения (далее ВЦИОМ), более половины опрошенных (59 %) на данный момент не готовы оформить электронный паспорт. Ключевая причина – опасения в низкой стойкости «цифры» хакерству и незаконным вмешательствам. Россияне в целом опасаются дальнейшего продвижения в развитии интеллектуальных технологий, биометрии и цифрового профиля: менее половины населения страны безусловно поддерживают внедрение искусственного интеллекта в процесс государственного управления, более трети – сомневаются в прозрачности и этичности подобных решений. В целом опасения относительно роста контроля в связи с применением новых технологий являются наиболее распространенными. В совокупности это не позволяет говорить о полной готовности населения адаптировать новые технологии и свидетельствует о неоднозначных ожиданиях их внедрения: данные факторы могут ограничить масштабы технологических преобразований и привести к негативным реакциям со стороны общества и снижению доверия к официальным институтам [Электронные паспорта ..., 2019].

Недоверие россиян к технологиям продемонстрировала и ситуация, связанная с введением по стране QR-кодов. Как отмечает глава ВЦИОМ В. В. Федоров в одном из интервью на официальном сайте центра: «Если экспансия QR-кодов будет продолжаться, планомерно, с объяснениями, с доводами, недовольство, конечно, будет, но революции не будет» [Глава ВЦИОМ: «Введение QR-кодов вызовет недовольство, но не революцию», 2021]. По данным соответствующего, проведенного в декабре 2021 г. опроса, 42 % опрошенных россиян сделали прививку, а половина (51 %) получили QR-код. При этом из тех, кто уже получил QR-код, только 5 % сталкивались со сложностями, но почти половина опрошенных (49 %) затруднились ответить на этот вопрос [Пандемия коронавируса ..., 2021]. Исходя из этих данных, мы видим, что россияне не могут произвести оценку технологии на уровне ее практического повседневного применения.

Однако, подобное неоднозначное отношение россиян к цифровым технологиям – это не единственная проблемная область реализации концепции «Умный город» в российской специфике. Среди основных препятствий реализации данной концепции можно выделить некоторые ограничения, в том числе дефицит ресурсов для решения задач развития города: отсутствие времени и квалифицированных кадров, проблемы цифрового неравенства регионов, стандартов и нормативно-правовой базы, высокий текущий износ существующих энергетических и информационных систем, этические проблемы и много другое.

Между тем Россия находится на этапе осмысления положительного и отрицательного опыта, экспериментирует с применением разноплановых стратегий реализации концепции «Умный город». Общей чертой зарождающихся и развивающихся интеллектуальных городов в России является интеграция управленческих и технологических решений. Система

объединяет инициативы различных субъектов, выстраивает взаимосвязи и стремится свести вместе как можно больше источников информации. Однако такая модель характеризуется низкой вовлеченностью горожан и городских сообществ в процессы трансформации городов. Преобразования происходят в отрыве от конечных пользователей, а следовательно, не воспринимаются ими или воспринимаются негативно. При том, что действительно «умным» город делают люди. Поэтому важный шаг в процессе цифровизации городского пространства – это переход от идеи создания единой интегрированной системы услуг, сервисов, к модели предоставления именно тех услуг, которые востребованы жителями, к стратегии «отклика», которая подразумевает четкое выявление основных проблем города или региона и выработку конкретных предложений по их решению с помощью smart-технологий. Считается, что удачное стратегическое планирование должно базироваться на диалоге между жителями и властными структурами, а также серьезных социологических исследованиях. Исходя из этого, важнейшим аспектом реализации концепции «Умный город» в России является формирование спроса на инновации внутри городской среды со стороны гражданского сообщества, местных властей, муниципальных предприятий, местного бизнеса и населения. Кроме того, критически важно учитывать социальную готовность при внедрении инновационных решений, иначе граждане просто откажутся пользоваться ими, то есть это предполагает высокий уровень информированности граждан о современных информационных технологиях и возможностях их приложения к различным сферам городского хозяйства. Важны осознание гражданами ключевых городских проблем, выгод и перспектив проектов «умный город» для их решения, а также выделение основных участников реализации подобных проектов в городе или регионе.

В связи с вышесказанным в исследовательское поле попадает г. Владивосток – столица Приморского края и Дальневосточного федерального округа, цифровизация которого – противоречивый процесс. С одной стороны, национальная программа по развитию Дальнего Востока прямо ставит акцент на реализацию амбициозных проектов, способных обеспечить не только опережающее развитие по отношению к другим регионами России, но и конкурентоспособность Дальнего Востока в сравнении со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. При этом власти отмечают, что именно цифровые технологии являются тем катализатором развития, который обеспечит кратный рост эффективности и улучшения жизни. В этом контексте Владивосток в скором будущем станет центром цифровых инноваций в регионе. С другой стороны, система муниципального управления уже в который раз не выдерживает давления общественности и пристального внимания правоохранительных органов, представителей региональной и федеральной власти. В 2021 г. очередной мэр Владивостока ушел в отставку. Таким образом, город переживает стадию переосмысления существующих городских процессов. Развитие цифровых технологий предоставляет дополнительные возможности участия в управлении городом для обычных жителей посредством электронного взаимодействия горожан и представителей власти. Потому важно изучить готовность горожан к применению таких технологий.

Мониторинг общественного мнения в городе в отношении городской среды осуществляется различными способами. Прежде всего, это работа классических социологических организаций, таких, как, например, Приморский научно-исследовательский центр социологии. За период с 2020 г. по настоящее время сотрудники

центра изучали мнение жителей Приморья и Владивостока по таким проблемам, как отношение к новым стандартам мобильной связи (5G), опасность использования публичного Wi-Fi и др.

В целом результаты исследований в отношении цифровой среды, как в отношении технологий в целом, не утешительные: так, более трети опрошенных считают сеть 5G опасной для здоровья человека (33,8 %) [см. подробнее: 33,8 % приморцев опасаются сети 5G, 2020], а у почти половины респондентов опасения вызывает даже микроволновая печь [См. подробнее: 42,4 % респондентов считают микроволновую печь опасной для человека, 2020]. В ходе другого исследования было выяснено, что 65 % участников опроса никогда не пользуются Wi-Fi в общественных местах, можно было бы предположить, что эти люди справедливо опасаются злоумышленников, которые могут получить доступ к персональным данным пользователя, подключившись к той же точке доступа, а также перенаправлять пользователей на фишинговые ресурсы или сайты с вредоносным программным обеспечением, но скорее это связано с отсутствием необходимости в общественном интернете, особенно у жителей отдаленных регионов [См. подробнее: 35 % приморцев пользуются бесплатной сетью Wi-Fi ..., 2020]. Низкий уровень интернет-грамотности демонстрируют и данные опроса о предпочтениях приморцев относительно программного обеспечения: так, 49,4 % жителей края и вовсе не скачивают ПО в интернете; из тех, кому программное обеспечение все же необходимо, чуть меньше половины (22,6 % от общего числа опрошенных), используют лицензионную продукцию с официальных сайтов; остальные же предпочитают «пиратскую продукцию», либо не задумываются об этом вовсе [см. подробнее: Только 22,6 % приморцев скачивают программы с официальных сайтов, 2020]. Из более позитивных тенденций можно отметить одобрение жителями региона электрического транспорта: так, о желании приобрести электромобиль говорят 48,6 % участников опроса (если бы у них была возможность, они бы уже сейчас приобрели новый электромобиль), а 78,1 % респондентов считают, что необходимо развивать выпуск транспортных средств, изначально работающих на электроэнергии. Основным преимуществом использования электромобилей, по мнению респондентов, является экономия финансовых средств на заправке (59 %) [См. подробнее: Альтернативные виды топлива для автомобилей ..., 2021].

Таким образом, анализируя настроения жителей Владивостока, можно сделать вывод о том, что концепция «Умный город» только-только начинает свое становление. Отдельные элементы уже развиваются в транспортной сфере. Тем не менее, уже сейчас органы городского управления рассматривают множество возможностей по улучшению качества жизни населения в процессе технологизации и других сфер городского хозяйства. Встает вопрос о социальной готовности Владивостока к повсеместному внедрению цифровых систем, для ответа на который необходимо разобраться, насколько горожане уже сейчас интегрированы в цифровую среду в личной, профессиональной и общественной сферах, готовы ли участвовать в развитии города, насколько высок их уровень цифровой осведомленности? Проблема настоящего исследования заключается в противоречии между ориентацией и усилиями органов муниципальной власти по внедрению «умных» решений в городское пространство и готовностью самих горожан к реализации этих решений на уровне повседневной жизни. Другими словами, в поле нашего внимания попадают практики применения цифровых технологий жителями Владивостока в городском пространстве.

Для более глубокой проработки и изучения практик применения цифровых технологий в городском пространстве была выбрана качественная стратегия социологического исследования с применением метода интервью (N=15). Основным критерием отбора информантов стало проживание в городе Владивостоке более 5 лет.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что жители Владивостока в целом интегрированы в цифровую среду. Все информанты используют цифровые решения в своей личной, профессиональной и общественной жизни. Горожане «практически весь день» используют свой смартфон (минимальное время использования телефона за сутки составило 7 часов), отмечают, что в течение дня пользуются и другими гаджетами для работы, учебы и развлечений – ноутбуком, планшетом, приставкой, смарт-телевизором (в основном это молодые информанты). Второй по популярности «умный» гаджет, интегрированный в повседневную жизнь, – это смарт-часы (или смарт-браслет), используемый в основном для измерения пульса и шагов.

Описания практик применения цифровых технологий в городском пространстве жителей и их представления об «умном» городе можно условно разделить на три группы: «умный» – значит автоматизированный, «умный» – значит малозатратный, «умный» – значит удобный.

В случае первой группы речь идет о повсеместном внедрении отдельных технологичных решений, позволяющих автоматизировать многие процессы, в том числе использование датчиков и сканеров, позволяющих предоставлять услуги по требованию. Особая важность придается ценности технологии для отдельного индивида, также помечается, что одним из основных параметров такого высокотехнологичного города должна являться экологичность среды (установки по очищению воздуха, воды): *«подходишь к остановке – подъезжает автобус», «подходишь к двери – она открывается», «подходишь к эскалатору – он едет», «свет загорается тогда, когда подходит человек, потом выключается», «... при начале загрязнения начинается очищение воздуха», «все работает без участия человека и кнопок».* При этом горожане не готовы использовать абсолютно автономные устройства в повседневной жизни: *«меня пугает все, что я не могу как-то напрямую контролировать»; «в автомобиль с искусственным интеллектом я бы не сел».* Жители Владивостока также отмечают, что обеспокоены вмешательством в частную жизнь: *«это все для того, чтобы установить тотальный контроль, загнать под слезку»; «к цифровому следу я отношусь негативно»; «я не уверена в безопасности хранения и использования моих данных»; «к биометрии отношусь крайне негативно»; «меня не устраивает вмешательство в мое личное пространство».* При этом какие-либо способы защиты своих данных информантами названы не были.

В случае второй группы представлений об «умном» городе жители ориентируются на минимизацию используемых ресурсов. В своих высказываниях они делают акцент на возможность экономить: *«если расплачиваться картой, то дешевле проезд в транспорте»; «электромобиль – это экономия».* Также отмечается возможность развивать творческие способности жителей за счет освобождения от городских забот, экономить пространство, энергию, сохранять природу: *«использование экологически чистой энергии (ветряки, солнечные батареи)»; «застройка жилых районов с учетом особенностей местности», «когда есть место паркам и зеленым насаждениям», «город, в котором люди живут, а не выживают».*

В третью группу представлений об «умном» городе как об удобном вошли высказывания о человеко-ориентированном проектировании городских пространств, учете желаний людей в организации движения общественного транспорта, реализации проектов, направленных на реальное решение существующих проблем при использовании новейших технологий: *«удобный в передвижении и жизни»; «без пробок»; «без долгих очередей»; «мусорный бак наполнился, его сразу убрали, чтобы не ходить вокруг свалки»; «движение транспорта точно по расписанию»; «чтобы одни и те же проблемы не решались из года в год».*

Жители г. Владивосток отмечают важность диалога между государством и горожанами в вопросах городского управления и внедрения новых технологий. Отметим, что с социологических позиций кажется очевидным, что люди должны принимать участие в принятии решений. Тут можно сослаться на удачные практики, внедренные в европейских и азиатских странах, когда граждане действительно вовлечены в процесс принятия решений и имеют возможность распоряжаться частью бюджета муниципалитета, подчеркнуть пользу этого опыта для самих горожан, которые ощущают причастность к принятию решений, чувствуют собственную ответственность за результат (что значительно снижает напряжение и претензии в сторону административных структур), испытывают удовлетворение от того, что их идеи были признаны ценными и внедрены в городскую среду.

Однако что думают сами жители? Хотят ли они участвовать в жизни города? А главное, чувствуют ли уже сейчас? В интервью жителям Владивостока задавались вопросы о том, знают ли они о порталах, предназначенных для коммуникации с муниципалитетом, посещают ли официальные веб-порталы или социальные сети городской администрации, оставляют ли отзывы или рекомендации, следят ли за жизнью города и, главное, хотели ли бы оказывать влияние на решения, принимаемые администрацией в городском управлении.

Большая часть информантов ответили, что не слышали о подобных платформах взаимодействия, хотя они есть, например, платформа «Сделай Приморье лучше» [Сделай Приморье лучше, 2022], остальные слышали, но ни разу не пользовались:

«Я на него однажды наткнулась и даже скачала приложение, но ничего дальше не сделала. Хотела пофотать нашу дорогу, но поняла, что забыла об этом за месяц» (женщина, 20 лет).

В качестве интернет канала для диалога с властями был назван портал «Госуслуги». В основном данный портал жители используют в личных целях (запись к врачу, получение загранпаспорта или водительского удостоверения, регистрация автомобиля). Однако реальная практика его применения для коммуникации с органами местной власти описана лишь одним информантом, использовавшим геоинформационную систему ЖКХ, которая напрямую связана с порталом «Госуслуги»:

«... каждая управляющая компания в конце года должна вывешивать отчет о том, что она сделала для вашего дома, за наш дом уже 3 года не было. И я написала заявление и разослала во все инстанции со словами “прошу наказать и вывесить отчет”, я хочу посмотреть» (женщина, 44 года).

Веб-порталы городской администрации посещаются ситуативно, например, для поиска необходимых льгот или просмотра статистики. Жители предпочитают следить за жизнью

города из таких медиаисточников, как VL.RU, PrimaMedia, также некоторые отметили, что подписаны на аккаунт губернатора Приморского края О. Н. Кожемяко в социальной сети Instagram.

Тем не менее были информанты, которые регулярно посещают сайты, чтобы «посмотреть какие есть дела», «где можно поучаствовать». На основе их высказываний были выявлены проблемы, тормозящие привлечение горожан к обсуждению городских вопросов.

Во-первых, сомнения в том, что с их мнением действительно будут считаться и страх введения негативных санкций, сомнения в своей собственной компетентности в области принимаемых решений:

«Я боюсь, что меня там либо оскорбят, пошлют или заблокируют, или сделают так, чтобы я больше не распространяла свое непопулярное мнение, дающее советы о работе администрации, либо меня бы просто никто не услышал, не увидел, и я бы просто потратила время и энергию» (женщина, 20 лет);

«Ну мне было бы интересно впахнуть свое мнение куда-то, будет приятно, если с ним посчитаются. Но сложно сказать, чье решение будет лучше» (женщина, 27 лет).

Во-вторых, сдерживает взаимодействие уже имеющийся негативный опыт и бюрократические преграды в данном вопросе:

«Мой отзыв удалили с сайта администрации. Там очень серьезный момент фильтрации. Потом, когда была возможность, мы пытались оставить отзыв в инстаграме губернатора, но у нас не получилось» (женщина, 44 года);

«Конечно бы я хотела. Но не думаю, что это осуществимо, потому что какими мы бы не были продвинутыми и сколько бы молодых не работало в администрации, все равно есть женщины и мужики, которые своим консерватизмом все обламывают» (женщина, 20 лет);

В-третьих, для многих взаимодействие с городским управлением является непривычным, либо неудобным:

«Хотела бы принимать участие в общественных слушаниях и обсуждениях, но онлайн. Я не буду ходить там, где народ трется» (женщина, 44 года);

«Я бы людям хотел в глаза смотреть, когда что-то критикую или предлагаю, а не записки писать, которые все равно никто не читает» (мужчина, 67 лет).

На контрасте с упомянутыми сложностями, а также реальным положением дел, выступают ответы на вопрос о желании жителей оказывать влияние на решения, принимаемые администрацией в области городского развития:

«Я же житель, я вижу это изнутри. Поэтому хотелось бы хоть какое-то влияние иметь» (мужчина, 20 лет).

Таким образом, по тем или иным причинам (от полного равнодушия до ощущения бессилия) проинтервьюированные жители Владивостока практически не принимают участия в решении городских вопросов. Однако в теории они готовы к конструктивному диалогу с администрацией, если будут устранены вышперечисленные сложности. Отметим, что наиболее интересными темами для горожан являются – организация движения транспорта, застройка, благоустройство, распределение городского бюджета.

Анализируя тон бесед и продуцируя смыслы, объяснения и интерпретации каждого респондента, мы можем подойти к определенному выводу. На данном этапе общественное пространство г. Владивосток имеет достаточно низкую готовность к реализации концепции

«Умный город», включая технологическую, инфраструктурную, управленческую, экономическую и морально-этическую (интеллектуальную). Основные барьеры при освоении цифровых технологий связаны именно с опасениями применения «умных» решений в повседневности. Прослеживается общий уровень недоверия к передовым технологиям, предполагающим использование искусственного интеллекта, либо к тем, для применения которых необходим доступ к персональным данным. Знакомые, привычные и устойчивые практики, с которыми жители Владивостока сталкиваются ежедневно (например, бесконтактная оплата, городские сервисы для смартфонов, интернет-серфинг) становятся частью образа жизни, не вызывают трудностей у пользователей и потенциально могут быть задействованы в городском управлении. Особый интерес проявляется к диалогу горожан с местной администрацией в принятии решений относительно цифровизации и улучшения городского пространства в целом.

Список литературы / References

Альтернативные виды топлива для автомобилей: на что приморцы готовы заменить бензин? (2021). [Электронный ресурс]. *Приморский научно-исследовательский центр социологии*: [веб-сайт]. URL: <https://primnic.ru/analitika/obshchestvo/alternativnye-vidy-topliva-dlya-avtomobiley-na-chto-primortsy-gotovy-zamenit-benzin/> (дата обращения: 08.01.2022).

Alternative fuels for cars: what are Primorye residents ready to replace gasoline with? (2021). [Online]. *Primorsky Research Center for Sociology*. Available at: <https://primnic.ru/analitika/obshchestvo/alternativnye-vidy-topliva-dlya-avtomobiley-na-chto-primortsy-gotovy-zamenit-benzin/> (Accessed: 08 January 2022). (In Russ.)

Василенко, И. А., Егорова, А. Н., Люлько, А. Н., Василенко, Е. В. (2018). «Умный город» XXI века: возможности и риски смарт технологий в городском ребрендинге. М. Международные отношения. 256 с.

Vasilenko, I. A., Egorova, A. N., Lyulko, A. N., Vasilenko, E. V. (2018). “Smart city” of the XXI century: opportunities and risks of smart technologies in urban rebranding. Moscow. 256 p. (In Russ.)

Ганин, О. Б., Ганин, И. О. (2014) «Умный город»: перспективы и тенденции развития. *Ars Administrandi. Искусство управления*. № 1. С. 124-135.

Ganin, O. B., Ganin, I. O. (2014) “Smart city”: prospects and development trends. *Ars Administrandi*. no. 1. pp. 124-135. (In Russ.)

Глава ВЦИОМ: «Введение QR-кодов вызовет недовольство, но не революцию». (2021). [Электронный ресурс]. *Всероссийский центр исследования общественного мнения*: [веб-сайт]. URL: <https://wciom.ru/sobytie/glava-vciom-vvedenie-qr-kodov-vyzovet-nedovolstvo-no-ne-revoljuciju> (дата обращения: 08.01.2022).

Head of VCIOM: “The introduction of QR codes will cause discontent, but not a revolution”. (2021). [Online]. *Russian Public Opinion Research Center*. Available at: <https://wciom.ru/sobytie/glava-vciom-vvedenie-qr-kodov-vyzovet-nedovolstvo-no-ne-revoljuciju> (Accessed: 08 January 2022). (In Russ.)

Зотов, В. Б., Терехова, К. О., Царапов, М. Н. (2020). Анализ программ цифровизации в городе Москве. *Муниципальная академия*. № 4. С. 8-17.

Zotov, V. B., Terekhova, K. O., Tsarapov, M. N. (2020). Analysis of digitalization programs in the city of Moscow. *Municipal Academy*. no. 4. pp. 8-17. (In Russ.)

Козлова, Ю. В., Савченко, И. А. (2021). Умный город: проблема цифрового доверия. *Russian Economic Bulletin*. Т. 4. № 5. С. 23-27.

Kozlova, Yu. V., Savchenko, I. A. (2021). Smart city: the problem of digital trust. *Russian Economic Bulletin*. Vol. 4. no. 5. pp. 23-27. (In Russ.)

Митягин, С. А., Соболевский, С. Л., Дрожжин, А. И. и др. (2019). Цифровая модель города: принципы и подходы к реализации. *International Journal of Open Information Technologies*. Т. 7. № 12. С. 94-103.

Mityagin, S. A., Sobolevsky, S. L., Drozhzhin, A. I. et al. (2019). Digital model of the city: principles and approaches to implementation. *International Journal of Open Information Technologies*. Vol. 7. no. 12. pp. 94-103. (In Russ.)

Пандемия коронавируса: опасения, охват вакцинацией, QR-коды. (2021). [Электронный ресурс]. *Всероссийский центр исследования общественного мнения*: [веб-сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pandemija-koronavirusa-opaseniya-okhvat-vakcinacii-qr-kody> (дата обращения: 08.01.2022).

Coronavirus Pandemic: Concerns, Vaccination Coverage, QR Codes. (2021). [Online]. *Russian Public Opinion Research Center*. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pandemija-koronavirusa-opaseniya-okhvat-vakcinacii-qr-kody> (Accessed: 08 January 2022). (In Russ.)

Проскуряков, Р. А. (2021). «Умный город» и его прототипы: социальные представления (итоги социологического анализа). *Коммуникология*. Т. 9. № 3. С. 105-114. DOI 10.21453/2311-3065-2021-9-3-105-114

Proskuryakov, R. A. (2021). "Smart city" and its prototypes: social representations (results of sociological analysis). *Communicology*. Vol. 9. no. 3. pp. 105-114. DOI 10.21453/2311-3065-2021-9-3-105-114. (In Russ.)

Рыбина, Е. Г. (2015). Организационные и экономические методы развития «умных городов». *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. № 10(82). С. 43.

Rybina, E. G. (2015). Organizational and economic methods of development of "smart cities". *Management of economic systems: electronic scientific journal*. no. 10(82). p. 43. (In Russ.)

Сделай Приморье лучше. (2022). [Электронный ресурс]. URL: <https://25prim.ru/#> (дата обращения: 08.01.2022).

Make Primorye better. (2022). [Online]. Available at: <https://25prim.ru/#> (Accessed: 08 January 2022). (In Russ.)

Только 22,6 % приморцев скачивают программы с официальных сайтов. (2020). [Электронный ресурс]. *Приморский научно-исследовательский центр социологии*: [веб-сайт]. URL: <https://primnic.ru/analitika/obshchestvo/tolko-22-6-primortsev-skachivayut-programmy-s-ofitsialnykh-saytov/> (дата обращения: 08.01.2022).

Only 22,6 % of Primorye residents download programs from official websites. (2020). [Online]. *Primorsky Research Center for Sociology*. Available at: <https://primnic.ru/analitika/obshchestvo/tolko-22-6-primortsev-skachivayut-programmy-s-ofitsialnykh-saytov/> (Accessed: 08 January 2022). (In Russ.)

Электронные паспорта: вопрос доверия. (2019). [Электронный ресурс]. *Всероссийский центр исследования общественного мнения*: [веб-сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/elektronnye-pasporta-vopros-doveriya> (дата обращения: 08.01.2022).

Electronic Passports: A Matter of Trust. (2019). [Online]. *Russian Public Opinion Research Center*. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/elektronnye-pasporta-vopros-doveriya> (Accessed: 08 January 2022). (In Russ.).

33,8 % приморцев опасаются сети 5G. (2020). [Электронный ресурс]. *Приморский научно-исследовательский центр социологии*: [веб-сайт]. URL: <https://primnic.ru/analitika/obshchestvo/33-8-primortsev-opasayutsya-seti-5g/> (дата обращения: 08.01.2022).

33,8 % of Primorye residents are afraid of the 5G network. (2020). [Online]. *Primorsky Research Center for Sociology*. Available at: <https://primnic.ru/analitika/obshchestvo/33-8-primortsev-opasayutsya-seti-5g/> (Accessed: 08 January 2022). (In Russ.)

35 % приморцев пользуются бесплатной сетью Wi-Fi, несмотря на ее опасность. (2020). [Электронный ресурс]. *Приморский научно-исследовательский центр социологии*: [веб-сайт]. URL: <https://primnic.ru/analitika/obshchestvo/35-primortsev-polzuyutsya-besplatnoy-setyu-wi-fi-nesmotrya-na-eye-opasnost/> (дата обращения: 08.01.2022).

35 % of Primorye residents use free Wi-Fi, despite its danger. (2020). [Online]. *Primorsky Research Center for Sociology*. Available at: <https://primnic.ru/analitika/obshchestvo/35-primortsev-polzuyutsya-besplatnoy-setyu-wi-fi-nesmotrya-na-eye-opasnost/> (Accessed: 08 January 2022). (In Russ.)

42,4 % респондентов считают микроволновую печь опасной для человека. (2020). [Электронный ресурс]. *Приморский научно-исследовательский центр социологии*: [веб-сайт]. URL: <https://primnic.ru/analitika/obshchestvo/42-4-respndentov-schitayut-mikrovolnovuyu-pech-opasnoy-dlya-cheloveka/> (дата обращения: 08.01.2022).

42,4 % of respondents consider the microwave oven dangerous for humans. (2020). [Online]. *Primorsky Research Center for Sociology*. Available at: <https://primnic.ru/analitika/obshchestvo/42-4-respndentov-schitayut-mikrovolnovuyu-pech-opasnoy-dlya-cheloveka/> (Accessed: 08 January 2022). (In Russ.).

Barns, S., Cosgrave, E., Acuto, M., McNeill, D. (2017). Digital Infrastructures and Urban Governance. *Urban Policy and Research*. Vol. 1. no. 35. pp. 20-31. DOI: 10.1080/08111146.2016.1235032

D'Amico, G., L'Abbate, P., Liao, W., Yigitcanlar, T., Ioppolo, G. (2020). Understanding Sensor Cities: Insights from Technology Giant Company Driven Smart Urbanism Practices. *Sensors*. Vol. 20. no. 16. p. 4391. DOI: 10.3390/s20164391

Camboim, G. F., Zawislak, P. A., Pufal, N. A. (2019). Driving Elements to Make Cities Smarter: Evidences from European Projects. *Technological Forecasting & Social Change*. no. 142. pp. 154-167. DOI: 10.1016/j.techfore.2018.09.014

Gil-Garcia, J. R., Zhang, J., Puron-Cid, G. (2016). Conceptualizing Smartness in Government: An Integrative and Multi-Dimensional View. *Government Information Quarterly*. Vol. 33. Iss. 3. pp. 524-534. DOI: 10.1016/j.giq.2016.03.002

Repetto, P., Sabatini-Marques, J., Yigitcanlar, T., Sell, D., Costa, E. (2021). The Evolution of City-as-a-Platform: Smart Urban Development Governance with Collective Knowledge-Based Platform Urbanism. *Land*. [Online]. no. 10(1). p. 33. DOI: 10.3390/land10010033

Treude, M. (2021). Sustainable Smart City—Opening a Black Box. *Sustainability*. no. 13. p. 769. <https://doi.org/10.3390/su13020769>

Сведения об авторах / Information about the authors

Ардальянова Анна Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, e-mail: ardalyanova.ayu@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3019-9626>

Земцова Анна Евгеньевна – ведущий специалист Департамента развития научно-исследовательской деятельности и научных коммуникаций Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, e-mail: zemtcova.ae@dvfu.ru

Купряшкин Илья Владимирович – кандидат философских наук, директор Департамента развития научно-исследовательской деятельности и научных коммуникаций Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, e-mail: kupryashkin.iv@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5415-4724>

Статья поступила в редакцию: 15.02.2022

После доработки: 07.03.2022

Принята к публикации: 21.03.2022

Ardalyanova Anna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Social Sciences, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, 10, Ajax, Russky Island, Vladivostok, e-mail: ardalyanova.ayu@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3019-9626>

Zemtsova Anna Evgenyevna – Leading Specialist of the Department for the Development of Research Activities and Scientific Communications, Far Eastern Federal University, 10, Ajax, Russky Island, Vladivostok, e-mail: zemtcova.ae@dvfu.ru

Kupryashkin Ilya Vladimirovich – Candidate of Philosophy, Director of the Department for the Development of Research Activities and Scientific Communications, Far Eastern Federal University, 10, Ajax, Russky Island, Vladivostok, e-mail: kupryashkin.iv@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5415-4724>

The paper was submitted: 15.02.2022

Received after reworking: 07.03.2022

Accepted for publication: 21.03.2022

УДК 314.724

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТОЛИЦЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: УЕХАТЬ НЕЛЬЗЯ ОСТАТЬСЯ (ГДЕ ПОСТАВИМ ЗАПЯТУЮ?)*

А. В. Винокурова

Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)
vinokurova77@mail.ru

А. И. Яковлев

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)
aytalyakovlev@mail.ru

Аннотация. В работе поднимаются вопросы, связанные с динамикой миграционных процессов и реализацией миграционных стратегий жителей региональных столиц Дальнего Востока. Эмпирическую базу исследования составили материалы официальной статистики, а также результаты социологического исследования с опорой на качественные методы (экспертные интервью и фокус-группы). Полевые материалы были собраны авторами в ходе экспедиций, предпринятых в летне-осенний и осенне-зимний период 2021 г. В большинстве рассматриваемых нами дальневосточных столиц имеет место отрицательная миграционная динамика. Внутри субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО) заметен «переток» населения из сельских территорий в региональные столицы. Но приток сельских мигрантов и мигрантов из других населенных пунктов не всегда перекрывает по численности миграционный отток населения из региональных административных центров ДФО в другие субъекты РФ. Таким образом, присутствует восходящая миграционная мобильность: при наличии ресурсов люди уезжают туда, где имеется больше возможностей в плане улучшения материального благосостояния, трудоустройства, профессиональной самореализации, доступа к образовательным, медицинским услугам, объектам социокультурного назначения.

Ключевые слова: Дальний Восток, административные центры ДФО, миграционные процессы, уровень и качество жизни, социальное благополучие, региональное развитие.

Для цитирования: Винокурова, А. В., Яковлев, А. И. (2022). Региональные столицы Дальнего Востока: уехать нельзя остаться (Где поставим запятую?). *Respublica Literaria*. Т. 3. № 1. С. 67-80. DOI: 10.47850/RL.2022.3.1.67-80.

THE REGIONAL CAPITALS OF THE FAR EAST: GO AWAY CAN NOT BE STAY (WHERE SHOULD WE PUT A COMMA?)*

A. V. Vinokurova

Far Eastern Federal University (Vladivostok)
vinokurova77@mail.ru

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31377 «Дальний Восток: уехать «куда» или «откуда».

* The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 21-011-31377 «Far East: go «where» or «where from».

A. I. Yakovlev

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk)
aytalyakovlev@mail.ru

Abstract. The paper presents the main aspects related to the dynamics of migration processes and the implementation of migration strategies for residents of the regional capitals of the Far East. The empirical base of the study was the materials of official statistics and results of a sociological study based on qualitative methods (expert interviews and focus groups). Field materials were collected by the authors during expeditions undertaken in the summer-autumn and autumn-winter of 2021. In most of the Far Eastern capitals we are considering, there is a negative migration trend. Within the subjects of the Far Eastern Federal District (FEFD), a «flow» of the population from rural areas to regional capitals is noticeable. But the rural migrants and migrants from other settlements does not always block the migration outflow of the population from the regional administrative centers of the Far Eastern Federal District to other subjects of the Russian Federation. Thus, there is upward migration mobility: if resources are available, people leave for places where there are more opportunities in terms of improving material well-being, employment, professional self-realization, access to educational, medical services, and socio-cultural facilities.

Keywords: Far East, administrative centers of the Far Eastern Federal District, migration processes, level and quality of life, social well-being, regional development.

For citation: Vinokurova, A. V., Yakovlev, A. I. (2022). The Regional Capitals of the Far East: Go Away Can Not be Stay (Where Should We Put a Comma?). *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 1. pp. 67-80. DOI: 10.47850/RL.2022.3.1.67-80

Сегодня жизнь российских регионов затруднена целым рядом социально-экономических, эпидемиологических и экологических тенденций, которые влияют на уровень и качество жизни людей, стимулируют миграционные настроения, в частности, отток молодежи из отдельных регионов страны, которые кажутся все менее привлекательными для развития. Все это характерно и для российского Дальнего Востока, причем не только для периферийных территорий, каковыми являются, например, многие сельские поселения, но и для региональных столиц субъектов ДФО.

Властями как регионального, так и федерального уровня, предпринимаются различные меры, направленные на улучшение социально-экономической ситуации в дальневосточных регионах и их территориальных образованиях (городских округах, муниципальных районах и т. п.). Повсеместное распространение в субъектах Дальневосточного федерального округа получили законодательные акты, способствующие повышению уровня и качества жизни населения [см. подробнее, напр.: Федеральный закон от 13.07.2015 № 212-ФЗ; Федеральный закон от 01.05.2016 № 119-ФЗ; Постановление правительства РФ от 07.12.2019 № 1609].

Но вот насколько указанные меры решают задачи, связанные с улучшением демографической и миграционной ситуации, социально-экономическим и территориальным развитием – этот вопрос остается открытым и неоднозначным.

Значительная часть регионального социально-экономического и демографического потенциала (и Дальний Восток здесь не является исключением) концентрируется в городах.

Города (в зависимости от численности населения в них) могут быть отнесены к различным типам, которые выделяются в официальной статистике и градостроительной практике:

- малые города, где численность населения колеблется в пределах до 50 тыс. человек;
- средние города, в которых насчитывается от 50 до 100 тыс. жителей;
- большие города с численностью населения 100–250 тыс. человек;
- крупные города, имеющие численность населения от 250 до 500 тыс. человек;
- крупнейшие города, в которых численность населения составляет 500 тыс. жителей

и более;

– города-миллионники с численностью населения 1 млн. человек и более [см. подробнее: Система муниципального управления, 2007].

Как отмечает И. В. Смирнов, важнейшую роль в региональных системах расселения играют города с численностью населения не менее 50–100 тыс. чел., им отводится роль межрайонных (окружных) центров. Если говорить о городах Дальнего Востока, то такой многолюдностью обладают практически все столицы субъектов ДФО (за исключением Анадыря – административного центра Чукотского автономного округа), в основном, они относятся к категории крупных и крупнейших городов (за исключением Биробиджана и Магадана, которые могут быть отнесены к средним городам). Также в дальневосточных регионах имеется несколько городов краевого подчинения с численностью населения более 100 тыс. чел., которые, согласно представленной классификации, относятся к большим городам.

Основные численные показатели административных центров и больших городов Дальнего Востока можно представить следующим образом (см. табл. 1).

Сведения, представленные в таблице 1, наглядно демонстрируют, что демографическая ситуация в городах Дальнего Востока характеризуется неоднородностью. Устойчивая положительная динамика в плане роста численности населения наблюдается только в Якутске. В большинстве же дальневосточных городов численность населения неуклонно снижается. Это справедливо как в отношении административных центров (Анадырь, Биробиджан, Магадан, Петропавловск-Камчатский, Хабаровск, Владивосток), так и городов регионального подчинения (Комсомольск-на-Амуре, Артем, Находка). Также можно выделить категорию дальневосточных региональных столиц, где имеет место неустойчивый рост численности населения. Так, за пятилетний период (2017–2021 гг.) численность населения Улан-Удэ, Читы, Благовещенска в целом возросла. Но в интервале 2020–2021 гг. наблюдается отрицательная динамика, т. е. за прошедший год численность населения в указанных городах сократилась.

Таблица 1

**Численность городского населения Дальневосточного федерального округа
в 2012–2021 гг. (на начало года; чел.)***

Регион	Город	Год (на начало года; чел.)				
		2017	2018	2019	2020	2021
Республика Бурятия	Улан-Удэ	431 992	434 869	435 496	439 128	437 514
Республика Саха (Якутия)	Якутск	307 911	311 760	318 768	322 987	330 615
Забайкальский край	Чита	347 088	349 005	349 983	351 784	350 861
Камчатский край	Петропавловск-Камчатский	180 454	181 216	181 181	179 586	179 367
Приморский край	Владивосток	633 414	633 102	633 144	634 665	628 623
	Уссурийск	196 863	197 875	198 983	199 341	198 341
	Находка	152 294	150 167	148 280	145 961	143 444
	Артем	116 284	116 193	115 991	115 137	114 288
Хабаровский край	Хабаровск	616 242	618 150	617 473	616 372	610 305
	Комсомольск-на-Амуре	249 810	248 254	246 607	244 768	241 072
Амурская область	Благовещенск	224 419	225 091	225 810	226 385	225 757
Магаданская область	Магадан	99 626	99 683	98 671	98 913	98 666
Сахалинская область	Южно-Сахалинск	194 882	198 973	200 854	200 636	200 235
Еврейская автономная область	Биробиджан	74 095	73 624	73 129	71 843	70 433
Чукотский автономный округ	Анадырь	15 468	15 604	15 849	15 819	15 240

Исходя из этого, далее нами были отобраны региональные столицы субъектов Дальневосточного федерального округа, имеющие позитивную демографическую динамику, – Якутск; характеризующиеся негативными демографическими трендами – Владивосток, Хабаровск, Биробиджан; обладающие неустойчивой демографической динамикой – Благовещенск, Чита, Улан-Удэ. Эмпирическую базу нашего исследования составили материалы официальной статистики, а также результаты социологического

* Указана численность населения в административных центрах субъектов ДФО, а также в городах регионов Дальнего Востока с числом жителей более 100 тыс. чел.

Составлено авторами на основе: [Динамика численности населения Еврейской автономной области, 2021; Динамика численности населения Магаданской области, 2021; Динамика численности населения Хабаровского края, 2021; Динамика численности населения Чукотского автономного округа, 2021; Оценка численности городского и сельского населения Амурской области, 2021; Численность населения Забайкальского края, 2021; Численность населения Камчатского края, 2021; Численность населения Приморского края, 2021; Численность населения Республики Бурятия, 2021; Численность населения Республики Саха (Якутия), 2021; Численность населения Сахалинской области, 2021].

исследования с опорой на качественные методы (экспертные интервью и фокус-группы). В качестве экспертов выступили представители регионального академического, вузовского сообщества, занимающиеся миграционной проблематикой, а также представители региональных органов власти, журналисты региональных средств массовой информации (СМИ), бизнесмены, гражданские активисты и руководители региональных некоммерческих организаций (НКО). Фокус-группы были проведены со студентами дальневосточных вузов: Дальневосточного федерального университета (Владивосток), Северо-Восточного федерального университета (Якутск), Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск), Приамурского государственного университета (Биробиджан), Благовещенского государственного педагогического университета (Благовещенск), Забайкальского государственного университета (Чита), Бурятского государственного университета (Улан-Удэ). В общей сложности было проведено 47 экспертных интервью (n=47) и 7 фокус-групп. Полевые материалы были собраны авторами в ходе экспедиций, предпринятых в осенне-летний и осенне-зимний период 2021 г.

В первую очередь, рост/убыль численности как городского населения в целом, так и региональных столиц в частности обусловлены миграционными процессами. Указанный тезис в различной трактовке и с различным обоснованием представлен в работах многих российских и зарубежных авторов [см. подробнее: Vaishar, Pavlu, 2018; Flaga, Wesolowska, 2018; Рязанцев и др., 2019; Бляхер, Григоричев, 2020; Бреславский, 2020; Мотрич, Зубков, 2021]. Мы разделяем данную точку зрения и для начала представим динамику миграционных процессов в административных центрах ДФО, в которых нами проводился сбор полевых материалов, опираясь на официальные статистические сведения (см. табл. 2).

Таблица 2

**Миграционный прирост населения в административных центрах субъектов ДФО
в 2017–2020 гг. (чел.)***

Регион	Город	Год (чел.)			
		2017	2018	2019	2020
Республика Бурятия	Улан-Удэ	+848	-1184	-1604	+599
Республика Саха (Якутия)	Якутск	+665	+801	+2226	+645
Забайкальский край	Чита	+807	+306	+1282	-668
Приморский край	Владивосток	+200	+478	+190	-1326
Хабаровский край	Хабаровск	+1407	+808	+638	-2189
Амурская область	Благовещенск	-805	+705	+297	+823
Еврейская автономная область	Биробиджан	-526	-426	-1155	-987

* Данные представлены по городам: Владивосток, Хабаровск, Биробиджан, Благовещенск, Чита, Улан-Удэ, Якутск.

Составлено авторами на основе: [Миграционный прирост населения, 2021].

Как видно из таблицы 2, миграционная динамика в столичных дальневосточных городах также характеризуется неоднородностью. Наибольшее число миграций приходится именно на внутрорегиональные перемещения, соответственно, положительный миграционный прирост в административных центрах ДФО обеспечивается в основном за счет сельско-городской миграции, происходит стягивание сельского населения и населения других периферийных поселений в региональные столицы. По оценкам наших экспертов данный тренд наиболее ярко проявляется в Якутске, а в последнее время и в Улан-Удэ. В Улан-Удэ не только за счет внутрорегиональной, но и за счет межрегиональной миграции. *«Вот вы думаете, что все из Читы в Москву да на юга едут? Едут, конечно, и многие едут... Но больше всего людей уезжает в Улан-Удэ... В основном, из Агинского (Агинский район Забайкальского края, ранее Агинский Бурятский автономный округ – прим. авторов) и других близлежащих районов»* (ИЗ4, муж., 37 лет, чиновник, Чита). Полагаем, что в каком-то смысле, Улан-Удэ становится центром «бурятского мира».

Также одной из категорий, обеспечивающей положительный миграционный прирост в региональных столицах Дальнего Востока, являются мигрирующие с целью получения образования. В ходе проведения нами фокус-групп было выявлено, что, например, подавляющее большинство студентов Северо-Восточного федерального университета – это либо уроженцы Якутска, либо приезжие из улусов. Аналогичная ситуация была зафиксирована в Чите и в Биробиджане, как правило, по словам участников фокус-групп, в основном *«... Здесь учатся те, кто сам отсюда, либо приехали из поселков...»*, *«... А куда еще было ехать? Хорошо, что хоть в Читку смог поступить...»*, *«... С моими баллами выбор был небольшой, думала поступать в Благовещенске или в Биробиджане, мой поселок как бы между этими двумя городами, но решили в Биробиджан, так как сюда все же было ближе...»*.

Во Владивостоке несколько иная картина: *«ДВФУ (Дальневосточный федеральный университет – прим. авторов) – это все же кузница кадров не для Владивостока и даже не совсем для Приморья, а для Дальнего Востока и Сибири. Очень много ребят поступает из глубинки, с периферии, хорошие ребята... Едут отовсюду, и из приморских сел, и с Сахалина, и с Камчатки, из Иркутской области... А вот коренные владивостокицы сразу предпочитают штурмовать Москву и Питер, уж если там не получится, то тогда к нам идут, но многие поступают в московские и питерские вузы с первого раза...»* (И5, жен., 43 года, преподаватель, Владивосток). В общем, такая стратегия характерна не только для абитуриентов-владивостокцев, но и для хабаровчан, и для жителей других дальневосточных столиц.

Таким образом, одной из самых мобильных и стимулирующих миграцию (как в дальневосточные столицы, так и из них) социальных групп выступает молодежь. В данном отношении наиболее распространены несколько стратегий. Одна из них связана с «двойственным исходом», т. е. молодежь уезжает из своих родных населенных пунктов (поселков, городских поселений и пр.) с целью поступления в дальневосточные вузы. Также определенная часть молодых людей, как правило, это коренные жители дальневосточных столиц, стремится закрепиться в вузах других российских регионов, в первую очередь, Центрального федерального округа (в основном, московские вузы) и Северо-Западного федерального округа (в основном, вузы Санкт-Петербурга). В подтверждение данного тезиса приведем результаты исследования НИУ ВШЭ [см. подробнее: «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России, 2019]. Оценка востребованности

университетов региона выпускниками проводилась на основе сравнения потоков выпускников школ и студентов, зачисленных на первый курс очной формы обучения в вузы региона сразу после окончания школы. Необходимо учитывать, что не все выпускники школ продолжают свое обучение в высших учебных заведениях: многие идут в учреждения среднего профессионального образования, выходят на рынок труда, отправляются в армию и т. д. В то же время, как отмечается в указанном исследовании, если численность принятых на первый курс студентов превышает численность выпускников школ региона, то регион можно считать условно востребованным среди абитуриентов. Соответственно, если численность студентов первого курса меньше численности выпускников школ, то регион является в недостаточной степени востребованным для абитуриентов. Наибольшее значение показателя востребованности имеют вузы Санкт-Петербурга – 2,65 в 2017 г. Данный показатель для университетов Москвы и Московской области существенно ниже – 1,44 в 2017 г. Но это гораздо выше, чем, например, в Республике Бурятия, Якутии, Забайкальском крае и Еврейской автономной области. Показатель востребованности вузов выпускниками школ в отмеченных субъектах ДФО составил в 2017 г. 0,58; 0,51; 0,44 и 0,38 соответственно [см. подробнее: «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России, 2019].

Дополним, что по данным портала «Виртуальное население России», Москва ожидаемо принимает большее число студентов, в том числе и с Дальнего Востока, чем Санкт-Петербург. Но если пересчитать число прибывающих на душу населения принимающего города (для этого дополнительно используются данные официальной статистики), то окажется, что на каждого петербуржца приходится больше приезжих студентов из многих регионов страны (особенно дальневосточных и северных), чем на каждого москвича. В частности, на миллион москвичей приходится 23 магаданца (здесь везде учитываются только те, кто учился в московских вузах), 93 уроженца Приморского края, 70 – Якутии. На миллион петербуржцев – уже 71 магаданец, 165 уроженцев Приморья, 103 – Якутии [см. подробнее: Откуда берутся студенты, 2017].

Еще одна стратегия, реализуемая молодыми людьми уже после окончания высших и средних специальных дальневосточных учебных заведений, во многом связана либо с продолжением образования в магистратуре в ведущих вузах России, либо со стремлением к достижению профессионального успеха, материального благополучия, повышению качества жизни в целом. Дополним, что среди молодежи, проживающей в Республике Саха (Якутия), распространены настроения, связанные с возвратной миграцией. Обучение в столичных вузах, вузах центральной России и других регионов РФ, зарубежных стран рассматривается как определенный жизненный этап, как время, направленное на получение профессиональных знаний, опыта, компетенций, которые в дальнейшем можно будет применить именно в своем родном регионе.

Не менее популярными являются практики, сочетающие в себе жизнь за пределами столиц Дальнего Востока и работу здесь же. В своих нарративах участники проведенных нами фокус-групп отмечали, что «... на Дальнем Востоке есть возможность хорошо зарабатывать ... А вот жить лучше в других местах...». Такие практики достаточно популярны, например, среди предпринимательского сообщества Забайкальского края. Наши информанты описывали ряд кейсов, когда владелец бизнеса меняет место жительства и переезжает в более благоприятный по климатическим условиям регион, например,

Краснодарский край. При этом бизнес не продает, не закрывает, а назначает управляющего, а сам осуществляет удаленное руководство своим предприятием, приезжая несколько раз в год для решения текущих и перспективных бизнес-вопросов. Приведем несколько показательных цитат.

«... Ну вот как люди делают... Если все нормально, и бизнес уже давно, то можно уехать погреть кости куда-нибудь на юга... Вон в Краснодаре, в Анапе уже целые кварталы заселены забайкальцами... А что, назначил здесь толкового управляющего, и дело с концом... Он здесь все смотрит, делает, согласовывает, а хозяин может так с проверкой наезжать...» (И32, жен., 48 лет, предприниматель, Чита).

«... Конечно, хорошо бы бизнес перевести туда, куда переезжаешь на пмж... Но не всегда так с ходу сделаешь... Много проблем, финансовая подушка безопасности нужна... Поэтому здесь дело не закрывают... А что? Пусть будет... Главное, найти толкового зама, работника, кто будет в твое отсутствие все вопросы решать, платить человеку надо хорошо... В целом, солдат спит, служба идет (смеется)... Не так, конечно, но смысл именно такой, пока ты там, в столицах обретаешься, люди здесь работают, но отвечать-то все равно в итоге за все собственнику...» (И37, муж., 39 лет, предприниматель, Чита).

Не менее популярны сюжеты, описывающие практики работы вахтовым методом. Такой жизненный сценарий весьма характерен для семей работников торгового и рыбодобывающего флота, для занятых на разработке месторождений полезных ископаемых, строительстве инфраструктурных объектов, для работников горно-обогатительных комбинатов и т. п. Зачастую жители Дальнего Востока, продолжая работать вахтовым методом в Приморье, Якутии, Хабаровском крае, Забайкалье и других ресурсодобывающих регионах, часто перевозят семью в другие российские регионы, где, по их мнению, лучше медицинская, образовательная, социокультурная инфраструктура и открывается больше перспектив и возможностей для подрастающих детей. Основными центрами притяжения в плане реализации таких миграционных стратегий для дальневосточников, в том числе и для жителей административных центров ДФО, выступают традиционные и для жителей других российских регионов, стремящихся сменить место жительства, направления: Москва и Подмосковье, Санкт-Петербург и близлежащие территории, Краснодарский край (в первую очередь, города и другие населенные пункты Черноморского и Азовского побережья), Калининград.

Еще одной активной в миграционном отношении в столицах Дальнего Востока социальной общностью выступают представители специфических профессиональных групп, в первую очередь, «силовики»: сотрудники органов Министерства внутренних дел (МВД), Федеральной службы безопасности (ФСБ), Министерства юстиции (Минюст), военнослужащие и пр. По достижении представителями указанных групп возможности получения пенсии за выслугу лет для них актуализируется мотивация для переезда в другие, более благоприятные, в том числе и по климатическим условиям, регионы РФ. Мотивы переезда чаще всего связаны с лучшим качеством жизни по сравнению с субъектами Дальнего Востока: «мягкий климат», «более низкие цены», «все близко», «проще учить детей», «легче в плане доступа к медицинской помощи» – так чаще всего в своих интервью наши респонденты характеризуют главные плюсы, связанные с переездом из административных центров Дальневосточного федерального округа в другие российские города. «... Ну что сказать... Много наших знакомых из военных пенсию получили и уехали...

А какая разница, где на военную пенсию жить? Она у них очень даже приличная... Но говорят, что в Краснодаре лучше, там хотя бы теплее...» (И24, жен., 47 лет, научный сотрудник, Биробиджан). «... Вот моя дочь уехала из Благовещенска в Питер и даже не обернулась... И нет здесь ничего такого, чтобы заставило ее вернуться обратно... А вы мне назовите хоть одного бывшего председателя обкома, горкома, бывшего губернатора или мэра, кто бы остался здесь... Один Белоногов лег в амурскую землю, все остальные в свое время ушли на повышение, кто в Москву, кто еще куда, уехали, кто-то там похоронен, кто-то донныне здравствует, работает... Но видите что? Никто не остался... А если руководители – временщики, положительного примера не подают, что мы хотим от обычных людей? Тоже не удержишь, захотят – уедут, были бы силы, ресурсы, здоровье...» (И44, муж. 53 года, журналист, Благовещенск).

В целом, можно заключить, что, во-первых, в большинстве рассматриваемых нами дальневосточных столиц имеет место отрицательная миграционная динамика, это особенно характерно для Владивостока, Хабаровска, Биробиджана, Читы. Положительные темпы миграционного прироста демонстрирует Якутск, в последнее время аналогичные тенденции наметились в Улан-Удэ. Во-вторых, внутри самих субъектов ДФО заметен «переток» населения из сельских территорий в региональные столицы. Но, как мы отметили выше, численность населения в ряде административных центров Дальневосточного федерального округа не растет за счет миграционного притока. Следовательно, приток сельских мигрантов и мигрантов из других населенных пунктов в региональные столицы не перекрывает миграционный отток населения из региональных административных центров в другие субъекты РФ.

Таким образом, присутствует восходящая миграционная мобильность: при наличии ресурсов люди уезжают туда, где имеется больше возможностей в плане улучшения материального благосостояния, трудоустройства, профессиональной самореализации, доступа к образовательным, медицинским услугам, объектам социокультурного назначения и пр.

Список литературы / References

Бляхер, Л. Е., Григоричев, К. В. (2020). Внутренняя миграция как политическая проблема, или Как и почему уезжают жители Дальнего Востока России. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. Журнал политической философии и социологии политики*. № 1(96). С. 74-97. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-96-1-74-97

Bliakher, L. E., Grigoriev, K. V. (2020). Internal Migration as a Political Problem, or Why and How Residents of the Russian Far East Move Out. *Politeia: Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics*. no. 1(96). pp. 74-97. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-96-1-74-97 (In Russ.)

Бреславский, А. С. (2020). Процессы урбанизации в Республике Саха (Якутия): динамика ключевых параметров (1989–2018). *Урбанистика*. № 1. С. 68-81. DOI: 10.7256/2310-8673.2020.1.32402

Breslavskii, A. S. (2020). Urbanization Processes in the Sakha Republic (Yakutia): The Dynamics of Key Parameters (1989-2018). *Urban Studies*. no. 1. pp. 68-81. DOI: 10.7256/2310-8673.2020.1.32402 (In Russ.).

Динамика численности населения Еврейской автономной области по районам. (2021). [Электронный ресурс]. *Управление Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу*: [веб-сайт]. URL: <https://habstat.gks.ru/folder/23595> (дата обращения: 26.01.2022).

Dynamics of the population of the Jewish Autonomous Region by districts. (2021). *Department of the Federal State Statistics Service for the Khabarovsk Territory, Magadan Region, Jewish Autonomous Region and Chukotka Autonomous Okrug*. [Online]. Available at: <https://habstat.gks.ru/folder/23595> (Accessed: 26 January 2022). (In Russ.)

Динамика численности населения Магаданской области. (2021). [Электронный ресурс]. *Управление Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу*: [веб-сайт]. URL: <https://habstat.gks.ru/folder/23590> (дата обращения: 26.01.2022).

Dynamics of the population of the Magadan region. (2021). *Department of the Federal State Statistics Service for the Khabarovsk Territory, Magadan Region, Jewish Autonomous Region and Chukotka Autonomous Okrug*. [Online]. Available at: <https://habstat.gks.ru/folder/23590> (Accessed: 26 January 2022). (In Russ.)

Динамика численности населения Хабаровского края по районам. (2021). [Электронный ресурс]. *Управление Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу*: [веб-сайт]. URL: <https://habstat.gks.ru/folder/20717> (дата обращения: 26.01.2022).

Dynamics of the population of the Khabarovsk Territory by districts. (2021). *Department of the Federal State Statistics Service for the Khabarovsk Territory, Magadan Region, Jewish Autonomous Region and Chukotka Autonomous Okrug*. [Online]. Available at: <https://habstat.gks.ru/folder/20717> (Accessed: 26 January 2022). (In Russ.)

Динамика численности населения Чукотского автономного округа по районам. (2021). [Электронный ресурс]. *Управление Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу*: [веб-сайт]. URL: <https://habstat.gks.ru/folder/23596> (дата обращения: 26.01.2022).

Dynamics of the population of the Chukotka Autonomous Area by districts. (2021). *Department of the Federal State Statistics Service for the Khabarovsk Territory, Magadan Region, Jewish Autonomous Region and Chukotka Autonomous Okrug*. [Online]. Available at: <https://habstat.gks.ru/folder/23596> (Accessed: 26 January 2022). (In Russ.)

Миграционный прирост населения по городам с числом жителей от 100 тыс. человек и более. (2021). [Электронный ресурс]. *Федеральная служба государственной статистики*: [веб-сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 28.01.2022).

Migration population growth by cities with a population of 100 thousand or more. (2021). *Federal State Statistics Service*. [Online]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (Accessed: 28 January 2022). (In Russ.)

Мотрич, Е. Л., Зубков, В. В. (2021). Миграционные процессы в современном демографическом развитии Дальневосточного федерального округа: состояние и проблемы. *Социальная политика и социология*. Т. 20. № 1(138). С. 149-159. DOI: 10.17922/2071-3665-2021-20-1-149-159

Motrich, E. L., Zubkov, V. V. (2021). Migration Processes in the Modern Demographic Development of the Far Eastern Federal District: State and Problems. *Social Policy and Sociology*. Vol. 20. No 1(138). pp. 149-159. DOI: 10.17922/2071-3665-2021-20-1-149-159 (In Russ.)

«От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России: современная аналитика образования. (2019). М. НИУ ВШЭ.

«From the Volga to the Yenisei ...»: Educational Migration of Youth in Russia: Modern Analytics of Education. (2019). Moscow. (In Russ.)

Откуда берутся студенты. (2017). [Электронный ресурс]. *Виртуальное население России*: [интерактивный атлас]. URL: <http://webcensus.ru/vmap/%d0%b3%d0%b4%d0%b5-%d0%bf%d0%be%d0%bb%d1%83%d1%87%d0%b0%d1%8e%d1%82-%d1%82%d0%b5%d1%85%d0%bd%d0%b8%d1%87%d0%b5%d1%81%d0%ba%d0%be%d0%b5%d0%b3%d1%83%d0%bc%d0%b0%d0%bd%d0%b8%d1%82%d0%b0%d1%80%d0%bd/> (дата обращения: 01.03.2022).

Where do students come from. (2017). [Online]. Available at: <http://webcensus.ru/vmap/%d0%b3%d0%b4%d0%b5-%d0%bf%d0%be%d0%bb%d1%83%d1%87%d0%b0%d1%8e%d1%82-%d1%82%d0%b5%d1%85%d0%bd%d0%b8%d1%87%d0%b5%d1%81%d0%ba%d0%be%d0%b5%d0%b3%d1%83%d0%bc%d0%b0%d0%bd%d0%b8%d1%82%d0%b0%d1%80%d0%bd/> (Accessed: 01 March 2022). (In Russ.)

Оценка численности городского и сельского населения Амурской области. (2021). [Электронный ресурс]. *Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Амурской области*: [веб-сайт]. URL: https://amurstat.gks.ru/main_indicators (дата обращения: 27.01.2022).

Estimation of the urban and rural population of the Amur Region. (2021). *Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Amur Region* [Online]. Available at: https://amurstat.gks.ru/main_indicators (Accessed: 27 January 2022). (In Russ.)

Постановление Правительства РФ «Об утверждении условий программы «Дальневосточная ипотека» от 07 декабря 2019 года № 1609. [Электронный ресурс]. *КонсультантПлюс* [веб-сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339796/cb57458203bdcdebdc65d5197069fcc94e0f87e5/ (дата обращения: 04.02.2022).

Decree of the Government of the Russian Federation «On approval of the terms of the Far Eastern Mortgage Program» dated 07 December 07 2019 no. 1609. [Online]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339796/cb57458203bdcdebdc65d5197069fcc94e0f87e5/ (Accessed: 04 February 2022). (In Russ.)

Рязанцев, С. В., Фомин, М. В., Безвербный, В. А. (2019). Пространство Сибири и Дальнего Востока России: геополитические и экономические аспекты развития. *Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки*. № 1-2. С. 5-23. DOI: 10.26653/2076-4685-2019-1-2-01

Ryazantsev, S. V., Fomin, M. V., Bezverbny, V. A. (2019). The Space of Siberia & the Far East of Russia: Problems & Prospects of Development. *Scientific Review. Series 2. Human Sciences*. no. 1-2. pp. 5-23. DOI: 10.26653/2076-4685-2019-1-2-01. (In Russ.)

Система муниципального управления. (2007). Под ред. В. Б. Зотова. СПб. Лидер.

Zotov, V. B. (ed.) *Municipal Government System*. (2007). St. Petersburg. (In Russ.)

Смирнов, И. П. (2019). *Средние города Центральной России*. Тверь. Тверской государственный университет.

Smirnov, I. P. (2019). *Medium-Sized Cities of Central Russia*. Tver. (In Russ.)

Федеральный закон «О свободном порте Владивосток» от 13.07.2015 года № 212-ФЗ. [Электронный ресурс]. *КонсультантПлюс*: [веб-сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ (дата обращения: 06.02.2022).

Federal Law «On the Free Port of Vladivostok» dated 13 July 2015 no. 212-FZ. [Online]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ (Accessed: 06 February 2022). (In Russ.)

Федеральный закон «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 01 мая 2016 года № 119-ФЗ. [Электронный ресурс]. *КонсультантПлюс*: [веб-сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (дата обращения: 06.02.2022).

Federal Law «On the peculiarities of providing citizens with land plots that are in state or municipal ownership and located on the territories of the constituent entities of the Russian Federation that are part of the Far Eastern Federal District, and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» dated 01 May 2016 no. 119- FZ. [Online]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (Accessed: 06 February 2022). (In Russ.)

Численность населения Забайкальского края в разрезе муниципальных образований. (2021). [Электронный ресурс]. *Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю*: [веб-сайт]. URL: <https://chita.gks.ru/population> (дата обращения: 26.01.2022).

Population of the Trans-Baikal Territory by municipalities. (2021). *Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Trans-Baikal Territory*. [Online]. Available at: <https://chita.gks.ru/population> (Accessed: 26 January 2022). (In Russ.)

Численность населения Камчатского края в разрезе муниципальных образований. (2021). [Электронный ресурс]. *Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Камчатскому краю*: [веб-сайт]. URL: <https://kamstat.gks.ru/population> (дата обращения: 26.01.2022).

Population of the Kamchatka Territory by municipalities. (2021). *Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Kamchatka Territory*. [Online]. Available at: <https://kamstat.gks.ru/population> (Accessed: 26 January 2022). (In Russ.)

Численность населения Приморского края в разрезе городских округов и муниципальных районов. (2021). [Электронный ресурс]. *Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю*: [веб-сайт]. URL: <https://primstat.gks.ru/folder/27118> (дата обращения: 26.01.2022).

Population of the Primorye Territory by municipalities. (2021). *Territorial body of the Federal State Statistics Service for Primorsky Krai*. [Online]. Available at: <https://primstat.gks.ru/folder/27118> (Accessed: 26 January 2022). (In Russ.)

Численность населения Республики Бурятия по городским округам и муниципальным образованиям. (2021). [Электронный ресурс]. *Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия*: [веб-сайт]. URL: <https://burstat.gks.ru/demo> (дата обращения: 26.01.2022).

Population of the Republic of Buryatia by municipalities. (2021). *Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Buryatia*. [Online]. Available at: <https://burstat.gks.ru/demo> (Accessed: 26 January 2022). (In Russ.)

Численность населения Республики Саха (Якутия) по муниципальным образованиям. (2021). [Электронный ресурс]. *Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия)*: [веб-сайт]. URL: <https://sakha.gks.ru/folder/32348> (дата обращения: 26.01.2022).

Population of the Republic of Sakha (Yakutia) by municipalities. (2021). *Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Sakha (Yakutia)*. [Online]. Available at: <https://sakha.gks.ru/folder/32348> (Accessed: 26 January 2022). (In Russ.)

Численность населения Сахалинской области в разрезе муниципальных образований. (2021). [Электронный ресурс]. *Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Сахалинской области*: [веб-сайт]. URL: https://sakhalinstat.gks.ru/main_indicators (дата обращения: 26.01.2022).

Population of the Sakhalin Region by municipalities. (2021). *Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Sakhalin Region*. [Online]. Available at: https://sakhalinstat.gks.ru/main_indicators (Accessed: 26 January 2022). (In Russ.)

Vaishar, A., Pavlu, A. (2018). Outmigration Intentions of Secondary School Students from a Rural Micro-Region in the Czech Inner Periphery: A Case Study of the Bystrice nad Pernštejnem Area in the Vysočina Region. *AUS GEOGRAPHICA*. Vol. 53. Iss. 1. pp. 49-58. DOI: <https://doi.org/10.14712/23361980.2018.5>

Flaga, M., Wesolowska, M. (2018). Demographic and Social Degradation in the Lubelskie Voivodeship as a Peripheral Area of East Poland. *Bulletin of Geography*. Vol. 41. pp. 7-27. DOI: <https://doi.org/10.2478/bog-2018-0023>

Сведения об авторах / Information about the authors

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, e-mail: vinokurova77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6415-4680>

Яковлев Айтал Игоревич – кандидат исторических наук, доцент Исторического факультета Северо-Восточного Федерального университета имени М. К. Аммосова, г. Якутск, ул. Белинского, 58, e-mail: aytalyakovlev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3233-780X>

Статья поступила в редакцию: 15.02.2022

После доработки: 28.02.2022

Принята к публикации: 15.03.2022

Vinokurova Anna – Candidate of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Social Sciences, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russky Island, Ajax bay, 10, e-mail: vinokurova77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6415-4680>

Yakovlev Aital – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Historical Faculty, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Belinsky St., 58, e-mail: aytalyakovlev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3233-780X>

The paper was submitted: 15.02.2022

Received after reworking: 28.02.2022

Accepted for publication: 15.03.2022

ОБЗОР

УДК 81

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

И. Н. Трошкина

Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории (г. Абакан)
i.troschkina2012@yandex.ru

Аннотация. В период с 28 октября по 13 декабря в городе Абакане (Республика Хакасия) состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Традиции и инновации в реализации государственной языковой политики Российской Федерации в сфере образования и науки регионов Сибири и Дальнего Востока». Научное мероприятие проходило в рамках региональных мероприятий, посвященных Году науки и технологий в Российской Федерации, Году хакасского героического эпоса в Республике Хакасия, 30-летию Республики Хакасия. Целью Всероссийской конференции являлось привлечение внимания научной и профессиональной общественности Сибирского, Дальневосточного и иных федеральных округов к актуальным вопросам реализации государственной языковой политики в регионах Российской Федерации, повышение качества преподавания и изучения родных языков народов Сибири и Дальнего Востока. В конференции приняли участие более 200 специалистов из 12 регионов страны. Работа проходила в рамках 5 дискуссионных площадок. Мероприятие отразило актуальность языкового образования, преподавания и изучения родных языков народов Сибири и Дальнего Востока, актуализировало значимые проблемы этнокультурной, этноязыковой направленности.

Ключевые слова: Всероссийская конференция, межрегиональное языковое сотрудничество, языковая политика, языковое образование, хакасский язык.

Для цитирования: Трошкина, И. Н. (2022). Традиции и инновации в реализации государственной языковой политики Российской Федерации в сфере образования и науки. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 1. С. 81-91. DOI: 10.47850/RL.2022.3.1.81-91.

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE IMPLEMENTATION OF THE STATE LANGUAGE POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF EDUCATION AND SCIENCE

I. N. Troshkina

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History (Abakan)
i.troschkina2012@yandex.ru

Abstract. In the period from October 28 to December 13 in the city of Abakan (Republic of Khakassia) The All-Russian scientific and practical conference “Traditions and innovations in the implementation of the state language policy of the Russian Federation in the field of education and science of the regions of Siberia and the Far East” was held. The scientific event was held within the framework of regional events dedicated to: the Year of Science and

Technology in the Russian Federation, the Year of the Khakass Heroic Epic in the Republic of Khakassia, the 30th anniversary of the Republic of Khakassia. The purpose of the All-Russian Conference was to attract the attention of the scientific and professional community of the Siberian, Far Eastern and other federal districts to the topical issues of the implementation of the state language policy in the regions of the Russian Federation, improving the quality of teaching and learning the native languages of the peoples of Siberia and the Far East. The conference was attended by more than 200 specialists from 12 regions of the Russian Federation. The work took place within the framework of 5 discussion platforms. The event showed the great importance of language education, teaching and learning of the native languages of the peoples of Siberia and the Far East, actualized significant problems of ethno-cultural, ethno-linguistic orientation.

Keywords: Russian Conference, interregional language cooperation, language policy, language education, Khakass language.

For citation: Troshkina, I. N. (2022). Traditions and Innovations in the Implementation of the State Language Policy of the Russian Federation in the Field of Education and Science. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 1. pp. 81-91. DOI: 10.47850/RL.2022.3.1.81-91.

Республика Хакасия с 28 октября по 13 декабря 2021 г. стала местом проведения Всероссийской научно-практической конференции «Традиции и инновации в реализации государственной языковой политики Российской Федерации в сфере образования и науки регионов Сибири и Дальнего Востока», проходившей в рамках таких региональных мероприятий, как Год науки и технологий в Российской Федерации, Год хакасского героического эпоса в Республике Хакасия и праздничных мероприятий, приуроченных к 30-летию данного субъекта РФ.

Организатором конференции выступило Министерство образования и науки Республики Хакасия при поддержке Хакасского научно-исследовательского институт языка, литературы и истории, Хакасского института развития образования и повышения квалификации, Хакасской национальной гимназии-интерната им. Н. Ф. Катанова и Хакасского книжного издательства им. В. М. Торосова. Хакасия стала местом проведения данной конференции в связи с тем, что 2021 г. в регионе был объявлен Годом хакасского эпоса. Целью серии мероприятий, приуроченных к дате стала поддержка и развитие нематериального культурного наследия, в т. ч. и родных языков. Кроме того, 30 лет назад Республика стала самостоятельным субъектом РФ, что открыло новые возможности в области образования, сохранения языков и историко-культурных ценностей Хакасии. Данные мероприятия явились продолжением серии научных событий в регионе, приуроченных к проведению в 2021 г. в нашей стране Года науки и технологий.

В работе конференции приняли участие работники образовательных организаций, сотрудники институтов развития образования и повышения квалификации и научных институтов, специалисты муниципальных и региональных органов управления в сфере образования и культуры, методических центров, эксперты и общественность, сотрудники полиграфических предприятий, представители семи сельских муниципальных образований Хакасии (Алтайский, Аскизский, Бейский, Богградский, Орджоникидзевский, Таштыпский, Ширинский районы).

Общее количество участников конференции составило более 200 человек из 12 регионов Российской Федерации, в т. ч. 5 республик. В работе мероприятия приняли участие более 20 экспертов из ведущих Управлений образования регионов Российской Федерации 12 городов (Горно-Алтайска, Барнаула, Дудинки, Кемерово, Красноярска,

Кызыла, Москвы, Новосибирска, Омска, Томска, Улан-Удэ, Хабаровска, Якутска); более 100 ученых из 14 городов (Абакана, Бийска, Горно-Алтайска, Дудинки, Кемерово, Красноярска, Кызыла, Минусинска, Москвы, Новокузнецка, Новосибирска, Саяногорска, Улан-Удэ, Южно-Сахалинска), представлявшие 12 научных центров: Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В. М. Шукшина, Бурятский республиканский институт образовательной политики, Институт философии и права СО РАН, Институт востоковедения РАН, Кемеровский государственный институт культуры, Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Тувинский государственный университет, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Хакасский технический институт – филиал Сибирского федерального университета, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Был издан сборник материалов Региональной конференции «Актуальные вопросы социально-экономического и культурного развития Республики Хакасия (1991–2021)», посвященной 30-летию образования республики (рис. 1).

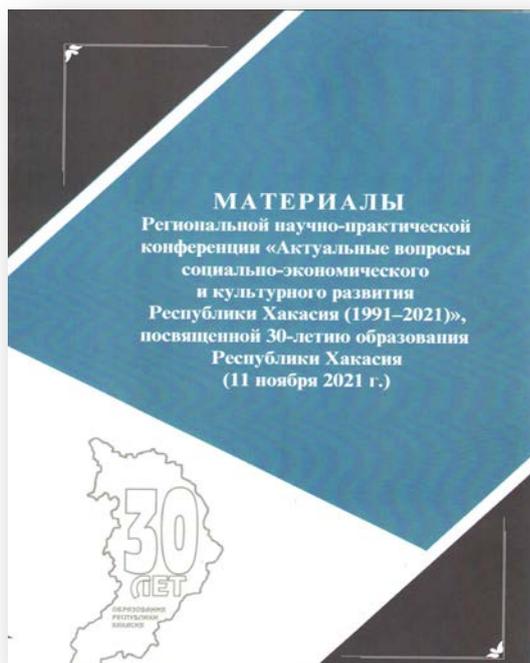

Рис. 1 (фото). Сборник тезисов докладов конференции
Fig. 1 (photo). Collection of abstracts of the Conference works

В рамках конференции были организованы 5 дискуссионных площадок:

– Межрегиональные педагогические чтения «Реализация компетентного подхода в учебно-методических комплексах, реализующих региональное и этнокультурное содержание», посвященные 95-летию выхода первых учебников на хакасском языке (с 28 по 29 октября 2021 г.);

– Республиканская конференция «Региональные издательские проекты: история и современность», посвященная 90-летию Хакасского книжного издательства им. В. М. Торосова (29 октября 2021 г.);

– Региональная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы социально-экономического и культурного развития Республики Хакасия (1991–2021)», посвященная 30-летию образования Республики Хакасия (11 ноября 2021 г.);

– Региональный круглый стол «Родной язык – вектор развития. Повышение качества преподавания и изучения родных языков: инновационные проекты, достижения, образовательные продукты» (17 ноября 2021 г.);

– Заседание Рабочей группы по родным языкам народов Сибири и Дальнего Востока (1 и 6 декабря 2021 г.).

В форматах пленарного и секционных заседаний конференции было заслушано более 100 докладов, участники обменялись опытом внедрения образовательных практик и результатами научных исследований в области гуманитарных наук по актуальным вопросам языкового образования, функционирования родных языков, культурного наследия регионов.

Социально-экономические и культурные изменения ставят перед обществом и системой образования задачу оценки существующего опыта развития регионов и актуализируют необходимость поиска новых практик и механизмов решения проблем. Поэтому смысловым ориентиром в раскрытии темы конференции являлись изменения условий и направлений языкового строительства регионов в современный период.

В рамках первой дискуссионной площадки с 28 по 29 октября 2021 г. прошли Межрегиональные педагогические чтения «Реализация компетентностного подхода в учебно-методических комплексах, реализующих региональное и этнокультурное содержание», посвященные 95-летию выхода первых учебников на хакасском языке, где обсуждались актуальные вопросы разработки и использования учебно-методических комплексов по родному языку и родной литературе народов Российской Федерации.

В работе педагогических чтений приняли участие более 90 человек, в т. ч. выступили с докладами 29 участников из 14 учреждений, представлявшие 4 региона Российской Федерации (Республики Алтай, Тыва, Хакасия, Сахалинская область). Среди докладчиков были педагоги, авторы-составители учебно-методических комплексов по родным языку и литературе народов РФ, преподаватели и научные сотрудники региональных институтов развития образования и повышения квалификации СФО, высшего профессионального образования по направлению подготовки «Педагогическое образование».

Докладчики актуализировали основные проблемы обновления содержания образования: невысокий уровень мотивации к изучению родного языка; недостаточную коммуникативную компетенцию обучающихся на хакасском языке, что является основной причиной некачественного выполнения различных заданий, а в итоге и низкого качества обучения по предмету; низкий уровень использования технологий развития функциональной грамотности в разработанных учебно-методических комплексах по реализации регионального и этнокультурного содержания; недостаточный уровень использования методики приобщения обучающихся к исследовательской и проектной деятельности; несоответствие материально-технической базы образовательных учреждений

требованиям стандарта и современного мира; необходимость реализации системно-деятельностного подхода как методологической основы обновленных ФГОС общего образования, которая не получила абсолютного распространения в образовательной деятельности педагогов.

Вторая дискуссионная площадка, которой стала Республиканская конференция «Региональные издательские проекты: история и современность», посвященная 90-летию Хакасского книжного издательства им. В. М. Торосова, работала 29 октября 2021 г. Участники дискуссии актуализировали вопросы выявления, обобщения и распространения лучших практик учебно-методических комплексов по родным языку и литературе; расширение сотрудничества в области сохранения и развития родных языков; привлечения широкой общественности к актуальным вопросам разработки и использования учебно-методических комплексов по родным языку и литературе народов Республики Хакасия.

В мероприятии приняли участие более 40 человек из 17 учреждений 2 регионов. Среди докладчиков – представители образовательных, культурных и общественных организаций региона, научные сотрудники региональных институтов, в т. ч. специалисты УО, методисты, авторы-составители учебно-методических комплексов по родным языку и литературе Хакасии и Алтая, а также представители муниципальных образований Хакасии – Алтайского, Аскизского, Бейского, Боградского, Ширинского районов.

Основными вопросами для обсуждения на конференции являлись: реализация компетентностного подхода в программах и учебных пособиях по хакасскому языку и литературе; современные концепции языкового и литературного образования; учебные пособия по родным языку и литературе в условиях модернизации образования РФ; вопросы теории и практики разработки учебно-методических комплексов с этнокультурным содержанием; новые требования к учебникам и новый порядок экспертизы и др.

Докладчиками акцентировалось внимание на необходимости обновления учебников по родному языку и литературе в соответствии с ФГОС. В результате обсуждения они пришли к единому мнению, что современные учебники на хакасском языке должны быть самодостаточными, познавательными, красивыми, яркими, привлекательными, развивающими художественный вкус и желание постоянно обращаться к ним.

Третья дискуссионная площадка – Региональная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы социально-экономического и культурного развития Республики Хакасия (1991–2021)», посвященная 30-летию образования Республики Хакасия, работала 11 ноября 2021 г. Целью площадки являлось обсуждение актуальных вопросов родного языка, историко-культурных особенностей региона, а также современных социально-экономических процессов. Региональная конференция была направлена на создание платформы для научно-практического и межкультурного диалога по актуальным вопросам состояния и развития Республики Хакасия и сопредельных территорий.

В работе конференции приняли участие более 80 человек, среди которых представители исполнительной и законодательной власти Республики Хакасия, учреждений образования и культуры, общественных организаций, ученые из 9 научных организаций Российской Федерации. На четырех секциях было заслушано более 50 докладов, участники конференции затронули вопросы экономического и социального развития регионов, культурного наследия, истории, родных языков.

Первая секция работала в рамках общей проблематики – обеспечение сбалансированного устойчивого социально-экономического развития регионов. Значительная часть докладов была посвящена вопросам социального развития. Докладчики актуализировали вопросы, связанные с социальными проблемами моногородов; кадровым обеспечением Хакасии; социальной и профессиональной ориентацией молодежи; цифровым неравенством регионов; проблемами изучения семейных ценностей; ролью общественных организаций и сельских муниципальных образований в развитии территории; проблемами развития личных подсобных хозяйств региона; становлением и развитием социального института защиты прав и законных интересов детей в Республике Хакасия. Активное обсуждение вызвали доклады по социальной и профессиональной ориентации молодежи, здоровью населения моногородов Хакасии.

Доклады второй секции были посвящены вопросам истории Хакасии и ее сопредельных территорий. Были раскрыты актуальные темы, связанные с историей становления и развития национального образования в регионе в дореволюционный период; организацией и проведением культурно-досуговых мероприятий в Хакасии в 1930-е гг.; историей традиционного праздника Чыл пазы; истоками советской государственности хакасов (И. В. Тогдин); развитием физкультуры и спорта; развитием производственной системы «колхозы-МТС» в послевоенные годы; властью и обществом в Хакасии в 1950-х гг., а также генеалогическими исследованиями в Республике. Кроме этого были представлены материалы о продрозверстке в Енисейской губернии в 1917 г.; экономических процессах в Республике Алтай в 1992 г.; национальной политике в Сибири (1880-е гг.) по материалам сибирской прессы, а также истории традиционной медицины алтайцев и корейцев.

Третья секция работала в рамках общей проблематики сохранения и развития нематериальной культуры народов Саяно-Алтайского региона. Значительная часть докладов была посвящена вопросам этнокультурного развития в современных условиях. Были озвучены актуальные вопросы, касающиеся законодательного регулирования сохранения материального и нематериального культурного наследия (на примере Республики Тыва); сохранения и развития этнической культуры народов Республики Хакасия; роли дошкольных организаций в знакомстве воспитанников с хакасской народной культурой; преемственности традиций в современных семьях; сохранения и изучения фольклорного наследия народов Саяно-Алтая; развития художественного образования среди молодежи. Активное обсуждение вызвали доклады по современному состоянию обрядовой культуры коренных народов Саяно-Алтая.

На четвертой секции, работавшей в рамках общей темы изучения родных языков, была актуализирована проблематика функционирования, сохранения и развития языков коренных народов Южной Сибири. В докладах были озвучены вопросы, касающиеся грамматических и лексических особенностей хакасского и алтайского языков, проблемы их функционирования и изучения в школе и научных организациях; семантика наименований клинковых предметов в хакасском языке; вопросы образования корневых морфем в хакасском языке; табуированная лексика в хакасском языке; эврисемия слова улуҕ ‘большой’ в хакасском языке и особенности его перевода на русский язык; лексико-семантические особенности устной разговорной речи носителей качинского диалекта хакасского языка; названия хакасских блюд в онлайн-СМИ; игры и соревнования

на хакасской свадьбе; вопросы изучения геометрических понятий на хакасском языке в начальной школе; семантические и структурно-словообразовательные особенности топонимов с. Кулады Онгудайского района Республики Алтай; проблемы адаптации алтайских топонимов в русскую топонимическую систему Республики Алтай.

В целом, участники научной дискуссии отметили, что в современном обществе все более возрастает роль и значение этнокультурных исследований, в т. ч. языковедческого направления, обратили внимание на значимость исторического этапа в жизни общества, роль общественных организаций в решении вопросов социально-экономического и культурного развития Хакасии. Конференция показала большую значимость постсоветского этапа государственного национального строительства, который открыл новые возможности в образовании, сохранении языков и историко-культурных ценностей, социальном развитии.

Четвертой дискуссионной площадкой стал Региональный круглый стол «Родной язык – вектор развития. Повышение качества преподавания и изучения родных языков: инновационные проекты, достижения, образовательные продукты». Он работал 17 ноября 2021 г. Мероприятие было направлено на создание платформы научно-практического, межкультурного диалога по актуальным вопросам преподавания родного языка в Республике Хакасия и сопредельных территориях. Участники площадки обменялись опытом и результатами реализации государственной языковой политики Российской Федерации в сфере образования.

В работе площадки приняли участие более 20 человек из 2 регионов Российской Федерации, представлявшие учреждения образования и культуры, а также общественные организации.

Педагоги представили различные технологии обучения хакасскому и шорскому языкам в урочной и внеурочной деятельности. Представленные формы и методы работы способствуют формированию познавательной мотивации к изучению культурного наследия, истории и родных языков у обучающихся.

Пятая дискуссионная площадка – заседание Рабочей группы по родным языкам народов Сибири и Дальнего Востока при экспертно-консультационном совете Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение» по образованию и науке – работала 1 и 6 декабря 2021 г.

В заседании Рабочей группы приняли участие ее члены, представители Управления образования и науки регионов России, центров по поддержке изучения национальных языков и развития образования. Количество участников дискуссии составило более 20 человек из 12 субъектов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов (Алтайский край, Кемеровская область-Кузбасс, Красноярский край, Омская область, Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Республика Тыва, Республика Хакасия, Сахалинская область, Томская область, Хабаровский край и др.).

Тематика докладов участников заседания Рабочей группы включала следующие направления: научное и научно-методическое сопровождение развития этнокультурного (национального) образования; повышение качества преподавания и изучения родных языков народов Сибири и Дальнего Востока в контексте самореализации, выявления и поддержки талантов; повышение роли русского языка как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения.

В докладах были озвучены актуальные вопросы по сохранению родного языка в условиях многоязычия: опыт Республики Саха (Якутия); полипарадигмальный подход к разработке содержания этноязыкового образования; традиции и инновации в реализации государственной языковой политики Российской Федерации в сфере образования и науки регионов Сибири и Дальнего Востока. В рамках последней проблематики прозвучали доклады на темы, связанные с сохранением и изучением родных языков в образовательной экосистеме Красноярского края; опытом реализации государственной программы «Развитие государственных языков Республики Тыва на 2021–2024 гг.»; состоянием, проблемами и перспективами родных языков в системе образования Республики Бурятия; этнокультурной составляющей содержания образования в Республике Алтай; реализацией государственной языковой политики Российской Федерации в Алтайском крае; деятельностью Центра русского языка для обучения детей инофонов и их родителей в Томской области и др.

Участники заседания – члены Рабочей группы – отметили, что Министерством просвещения Российской Федерации принимаются системные меры по сохранению и развитию этноязыкового многообразия в образовательных системах России: обеспечиваются обязательность изучения предметных областей «Родной язык и литературное чтение на родном языке», «Родной язык и родная литература» как составляющих федеральных государственных образовательных стандартов всех ступеней общего образования; бесплатное прохождение экспертизы учебников по родным языкам с целью включения в федеральный перечень учебников; разработка, утверждение и исполнение плана мероприятий по реализации Концепции преподавания родных языков народов Российской Федерации и др.

В выступлениях участников заседания высоко оценена деятельность региональных органов, осуществляющих государственное управление в сфере образования, по созданию условий для преподавания и изучения родных языков в регионах Сибири и Дальнего Востока. Члены Рабочей группы подчеркнули роль и значение преподавания и изучения родных языков для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций. Участники заседания обсудили цели и задачи деятельности Рабочей группы, проект Положения о Рабочей группе, рассмотрели план работы на 2022 г.

Члены Рабочей группы отметили, что в области преподавания и изучения родных языков народов России имеются общие актуальные проблемы, требующие совместного обсуждения и решения:

– противоречивость отдельных нормативно-правовых положений, обеспечивающих реализацию прав граждан на получение образования на родном языке и изучение родного языка из числа языков народов Российской Федерации;

– наличие организационных трудностей при реализации права родителей (законных представителей) обучающихся на свободный выбор изучения родных языков их детьми в образовательных организациях с поликультурным контингентом, в том числе в связи с преимущественным приемом детей в образовательные организации, закрепленные за конкретными территориями муниципального района, городского округа;

– недостаточность практики создания и функционирования нетиповых образовательных организаций (этнокультурных образовательных организаций) и реализации полномочий учредителя по закреплению конкретной территории за такими образовательными организациями;

- слабое применение научного подхода к разработке учебников и учебных пособий по родным языкам как государственным языкам республик, в том числе для детей некоренной национальности;

– ограниченность социальных функций родных языков, оказывающая существенное влияние на передачу родных языков родителями (законными представителями) своим детям и на сохранение языков в главной ячейке общества – семье;

– снижение мотивации к изучению родных языков их носителями в условиях глобализации, ассимиляционных процессов, нацеленности общества на достижение успешности, которое возможно без знания родных языков;

– недостаточность стимулирующих мер при поступлении выпускников национальных школ (классов) в образовательные организации высшего образования;

– отсутствие родных языков в федеральном перечне учебных предметов как подлежащих государственной итоговой аттестации и др.

Участники заседания акцентировали внимание на том, что в регионах Сибири и Дальнего Востока накоплен богатый положительный опыт реализации этнокультурного (национального) образования, этнокультурного воспитания обучающихся, воспитанников, требующий обобщения и систематизации в контексте выявления, самореализации и поддержки талантов.

Заключительное заседание Всероссийской конференции состоялось 13 декабря 2021 г. в Хакасском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории. Были подведены итоги серии мероприятий, организованных Министерством образования и науки Республики Хакасия при поддержке Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Хакасского института развития образования и повышения квалификации, Хакасской национальной гимназии-интерната им. Н. Ф. Катанова, Хакасского книжного издательства им. В. М. Торосова, экспертно-консультационного совета Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов РФ «Сибирское соглашение» по образованию и науке; проанализированы практики реализации государственной языковой политики РФ в регионах Сибири и Дальнего Востока.

В заседании принимали участие представители основных организаций Хакасии (рис. 2), в сферу интересов которых входит этноязыковое образование, представители научного сообщества национальных регионов Сибири и Дальнего Востока, члены экспертно-консультационного совета Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов РФ «Сибирское соглашение» по образованию и науке.

С приветственным словом выступила Доможакова Ольга Васильевна – начальник отдела науки и национального образования Министерства образования и науки Республики Хакасия, далее мероприятие поддержали члены экспертно-консультационного совета Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов РФ «Сибирское соглашение» по образованию и науке, представив анализ практик реализации государственной языковой политики РФ в регионах Сибири и Дальнего Востока: Габышева Феодосия Васильевна – председатель постоянного комитета Государственного Собрания

(Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) по науке, образованию, культуре, СМИ и делам общественных организаций, доктор педагогических наук, профессор, сопредседатель рабочей группы; Ооржак Юрий Октаевич – заместитель Министра образования и науки Республики Тыва. Далее выступили руководители научно-практических площадок конференции: Толмашова Надежда Яковлевна, Иптышев Андрей Викторович, Майнагашева Нина Семеновна, Сагатаева Марина Николаевна, Доможакова Ольга Васильевна.

Всего в работе итогового заседания приняло участие более 30 человек. Основным результатом работы конференции стала разработка портфеля приоритетных проектов (резолуций), реализация которых обеспечит устойчивое развитие системы языкового образования и науки в регионах России и будет содействовать достижению показателей национальных целей РФ до 2030 г.

Докладчики и эксперты мероприятия сошлись во мнении, что конференция является одной из наиболее действенных форм межрегионального сотрудничества в области преподавания и изучения родных языков, обмена лучшими образцами управленческих механизмов в области реализации государственной языковой политики РФ на региональном уровне. Рекомендуется ежегодное проведение аналогичных научных мероприятий.

Рис. 2 (фото). Члены итогового заседания конференции
Fig. 2 (photo). Members of the final meeting of the conference

Итогом работы конференции стал проект ее резолюции и издание сборника материалов Региональной конференции «Актуальные вопросы социально-экономического и культурного развития Республики Хакасия (1991–2021)», посвященной 30-летию образования республики, включающий в себя доклады участников Всероссийской научно-практической конференции «Традиции и инновации в реализации государственной

языковой политики Российской Федерации в сфере образования и науки регионов Сибири и Дальнего Востока». В сборник вошли более 50 научных докладов; резолюция конференции содержит предложения по улучшению языкового образования, научных исследований в данной области и регулярности проведения научно-практических мероприятий по данной проблематике в национальных регионах России.

Конференция внесла значимый вклад в дальнейшее развитие языкового образования, повышения качества преподавания и изучения родных языков народов Сибири и Дальнего Востока, актуализировала значимые проблемы этнокультурной, этноязыковой направленности. Был сформирован портфель приоритетных проектов, реализация которых обеспечит устойчивое развитие системы языкового образования регионов Российской Федерации.

Сведения об авторе / Information about the Author

Трошкина Ирина Николаевна – кандидат философских наук, заведующий сектором экономики и социологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23, e-mail: i.troschkina2012@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1650-0590>

Статья поступила в редакцию: 02.02.2022

После доработки: 20.02.2022

Принята к публикации: 28.02.2022

Troshkina Irina – Candidate of Philosophy, Head of the Department of Economics and Sociology at Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Abakan, Shchetinkin Str., 23, e-mail: i.troschkina2012@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1650-0590>

The paper was submitted: 02.02.2022

Received after reworking: 20.02.2022

Accepted for publication: 28.02.2022

УДК 101

**ОПРЕДЕЛЯЯ ВЕКТОРЫ И ОСМЫСЛЯЯ ТРАЕКТОРИИ:
КОНФЕРЕНЦИЯ, ПРИУРОЧЕННАЯ К 80-ЛЕТИЮ В.В. ЦЕЛИЩЕВА**

А. В. Хлебалин

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
sasha_khl@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой освещение основных направлений работы и тематики дискуссий международной конференции «Аналитическая философия: траектории истории и векторы развития», посвященной 80-летию научного руководителя ИФПР СО РАН В. В. Целищева.

Ключевые слова: аналитическая философия, философия логики, философия математики, история аналитической философии.

Для цитирования: Хлебалин, А. В. (2022). Определяя векторы и осмысляя траектории: конференция, приуроченная к 80-летию В.В. Целищева. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 1. С. 92-100. DOI: 10.47850/RL.2022.3.1.92-100.

**DETERMINING VECTORS AND CONSIDERING TRAJECTORIES:
CONFERENCE DEDICATED TO THE 80TH ANNIVERSARY OF V. V. TSELISHCHEV**

A. V. Khlebalin

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
sasha_khl@mail.ru

Abstract. The article is a coverage of the main areas of work and topics of discussion of the international conference "Analytical Philosophy: Trajectories of History and Vectors of Development", dedicated to the 80th anniversary of the scientific director of the Institute of Philosophy and Law of the Russian Academy of Sciences V. V. Tselishchev.

Keywords: analytic philosophy, philosophy of logic, philosophy of mathematics, history of analytic philosophy.

For citation: Khlebalin, A. V. (2022). Determining Vectors and Considering Trajectories: Conference Dedicated to the 80th Anniversary of V. V. Tselishchev. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 1. pp. 92-100. DOI: 10.47850/RL.2022.3.1.92-100.

Юбилейные даты традиционно играют роль если не «точек отсчета», то точек деления, опираясь на которые вычленяют на пройденном пути этапы и пытаются наметить направления дальнейшего развития. Это в равной степени справедливо и по отношению к человеку, и по отношению к дисциплине, школе или целым отраслям знания. 25–26 марта текущего года на базе «Точки кипения» Новосибирского Академпарка состоялась конференция «Аналитическая философия: траектории истории и векторы развития»,

приуроченная к 80-летию научного руководителя Института философии и права СО РАН Виталия Валентиновича Целищева. На наш взгляд, только что сказанное применимо и к содержанию конференции, и к юбилею.

Тематика секций и содержание докладов участников конференции оказались резонирующими по отношению к научной карьере юбиляра и отразили специфически новую черту состояния современной аналитической философии. Здесь мы имеем в виду так называемый «исторический поворот» в аналитической философии, который все больше становится заметным на протяжении последних десятилетий. Его возникновение и закрепление в аналитической традиции было встречено с некоторым удивлением на фоне широко известного «антиисторического» принципа, которого придерживались многие яркие фигуры аналитического движения. Несмотря на то, что заподозрить Дж. Э. Мура, Б. Рассела или П. Строссона в небрежении историей было сложно, даже далеко за пределами академической аналитической философии возобладала и стала широко известна иная тенденция, связанная, в лучшем случае, с ироничным отношением к значимости исторических изысканий для аналитической философии. Мы имеем в виду, например, ставшее попросту модным поветрием подражание Л. Витгенштейну, который бравировал тем, что он, видимо, единственный, кто в Кембридже не читал Аристотеля и не собирается этим заниматься; или без особых дополнительных аргументов сделанное замечание М. Даммита о том, что в наше время философия, наконец, готова стать нормальной самостоятельной дисциплиной. Эти явления отделяет полвека. И сделаны они были людьми, до сих пор определяющими состояние проблематики аналитической философии. Не желая вступать в слишком обширную дискуссию о том, насколько имидж антиисторичности аналитической философии соответствует действительности, и какую роль он играет в истории ее развития, отметим только один из ее аспектов, на наш взгляд, наиболее интересный. Это обращение к собственной истории.

Я. Хинтикка был одним из первых ведущих представителей аналитической философии, кто обратил внимание на то, что представление о собственной истории в аналитической традиции быстро стало клишированным и во многом мифологизированным. Это не было обвинением. Более того, Я. Хинтикка отмечает, что это вполне понятное положение дел: невероятно стремительный процесс получения блестящих результатов в области поиска оснований математики, применения логико-философских средств и результатов при решении философских проблем и само по себе бурное развитие математической логики в довоенный период породили если не эйфорию, то вполне понятное стремление к получению все новых и новых результатов. Важное дело по интерпретации и оценке этой лавины результатов представлялось таким, которое может быть отложено на фоне очевидных блестящих перспектив. В такой атмосфере впервые возникшие интерпретации могли быть восприняты как вполне исчерпывающие и достаточные, что быстро привело к возникновению определенного «канона». Сам Я. Хинтикка указывает в качестве типичного примера логику первого порядка, точнее, ту ее формулировку, которую она приобрела в знаменитой книге Гильберта и Аккермана, когда, казалось бы, незначительная особенность в представлении этого фрагмента логики вводит зависимость кванторов, что в результате оказало огромное влияние как на развитие самой логики, так и на ее применение в решении философских проблем. Свою программу IF-логики как подлинной, освобожденной от неестественных ограничений, формулировки логики первого порядка он основывает как освобождение от исторически случайных ограничений.

В чем-то аналогичные программы мы сейчас видим в исследованиях истории аналитической философии рубежа веков и первых десятилетий XX в. Так, публикация архива Б. Рассела Университетом МакМастера совершенно иначе представляет каноническую картину развития идей Рассела в области философской логики и оснований математики. Публикация архива и работы Г. Ландини обнаруживают невероятно богатую и фактически неизвестную в своих принципиально важных поворотных моментах историю развития мысли Рассела, очень сложную историю его взаимоотношений с Л. Витгенштейном, свидетельствующую о том, что известный отзыв Рассела о философии «позднего» Витгенштейна – «... по-моему, мистер Витгенштейн просто устал от серьезных проблем» – объясняется не только напряженностью личных отношений. Известное изречение Г. Крайзеля о том, что «в ранних работах Рассела все уже есть», в свете этих публикаций перестает быть очередным загадочным заявлением в устах известного мастера озадачивающих заявлений, превращаясь в констатацию факта. Аналогично мы наблюдаем начало проекта публикации собрания сочинений Р. Карнапа: уже только оглавления планируемых к изданию томов открывают нам невероятно сложную картину развития мысли Р. Карнапа, бесконечно далекую от плоского, чуть ли не карикатурного, образа «представителя провалившейся теории неопозитивизма», какой часто кочует по страницам стандартных изложений философии XX в.

Не только отдельные мыслители, сыгравшие ключевую роль в развитии аналитической философии, оказались в последнее десятилетие в центре внимания. Переосмысление целых этапов в истории становления аналитической философии также предлагает нам гораздо более подробную, тонкую и сложную картину интеллектуального развития европейской мысли, в которой переплетение научных и философских концепций и проектов, социальных, культурных, институционально-образовательных изменений породили удивительно богатую интеллектуальную культуру «модерна», конфигурации которой в математике и философии имели свои особенности, сыгравшие большую роль в истории становления аналитической философии и первых десятилетий ее развития. Назовем здесь только несколько имен, которым мы обязаны этим «переоткрытием»: П. Манкозу, Х. Ферреро, Дж. Грей.

Ограничим этим наше перечисление сюжетов в переосмыслении устоявшейся интерпретации истории ранней аналитической традиции, в существенной степени определяющих состояние современных дискуссий в аналитической философии. Ограничение это объясняется не только затянувшимся введением, но и тем, что именно перечисленные сюжеты нашли отражение в творчестве юбиляра. Прежде всего, это исследование истории развития логико-философских идей Б. Рассела на всем протяжении разработки им программы логицизма. Сама история, казалось бы, хорошо изученной программы приобретает новые нюансы, обнаруживая ранее неизвестные, концептуально богатые траектории развития идей Рассела. Переводами В. В. Целищева впервые были представлены в отечественной литературе и результаты перечисленных выше концептуальных изменений в осмыслении истории аналитической традиции. Так, в книге М. Фридмана «Философия на перепутье: Карнап, Кассирер и Хайдеггер» [Фридман, 2021] освещен и подробно исследован как общеинтеллектуальный, так и сугубо философский фон, обстоятельства и причины объявления «раскола» европейской философии на аналитическую и континентальную ветви. В книге В. Тасича «Математика и корни постмодернистской философии» [Тасич, 2022] представлена интерпретация развития постмодернистской философии не как философского и идеологического разрыва с эпохой модерна, а как

последовательное радикальное развитие фрагментов концепции оснований математики «золотого века» в развитии математической логики. Перевод буквально эпохальной книги А. Коффы «Семантическая традиция от Канта до Карнапа: к Венскому вокзалу» [Коффа, 2019] ввел в отечественную философскую литературу, не имеющую аналогов реконструкцию развития логико-семантической традиции, вплоть до эпохи расцвета логического позитивизма. Перевод книги Дж. Флойда «Недавние темы в истории ранней аналитической философии» [Флойд, 2022] представляет собой важный вклад в развитие современной историографии аналитической философии, предлагая более глубокое понимание влияния Фреге, Рассела и «раннего» Витгенштейна на формирование современных исследовательских программ. Перевод книги одного из ведущих историков математики Дж. Грея «Призрак Платона. Модернистская традиция математики» [Грей, 2021] раскрывает невероятно подробную, концептуально богатую историю одного из ключевых этапов развития в истории математики, который оказал непосредственное влияние на процесс становления аналитической философии. Этот перечень – нужно отметить, что он далеко не полный, – переводов В. В. Целищева за последние годы как раз и вводит в русскоязычную философскую литературу отмеченные выше проблемы и направления современной историографии аналитической философии.

Темы переосмысления истории и перспектив развития аналитической философии доминировали в работе прошедшей конференции. Структура конференции включала две секции: «Философия дедуктивных наук» и «Метафизика, эпистемология и философия языка», а также круглые столы «История аналитической философии, философия науки и техники», «Философия сознания», «Этика и философия права», на которых были представлены 50 докладов. В связи с тем, что формат конференции был смешанным и включал как очное, так и online присутствие, это позволило организаторам более свободно обращаться со временем и не прерывать дискуссии, а участникам – принять участие в работе разных секций и круглых столов.

В ходе работы самой многочисленной секции «Философия дедуктивных наук» было представлено семнадцать докладов, в которых обсуждались проблемы философской логики и философии математики. Доминирующими оказались темы, связанные с соотношением формального аппарата и концептуального содержания математического доказательства. Эта одна из классических проблем философии математики в последние десятилетия приобрела особенную остроту в связи с бурным ростом компьютерной математики, результаты которой требуют существенного развития логико-эпистемологических и программно-вычислительных средств верификации и оценки. В целом ряде публикаций В. В. Целищев рассмотрел основные аспекты проблемы соотношения формального аппарата и концептуального содержания математического доказательства, в том числе противопоставляя эпистемологические каноны концептуальной и формальной математики. Одним из вызвавших наиболее жаркую дискуссию стал доклад А. В. Родина «В. В. Целищев об эпистемологии математических доказательств», в котором автор проанализировал современные математические программы, предлагающие средства преодоления эпистемологического разрыва формальной и концептуальной математики: «В XXI веке были сделаны важные теоретические шаги, направленные на сокращение разрыва между формальным и содержательным доказательствами, имеющими эпистемическую нагрузку. В области философской логики я отношу к таким шагам активно и успешно развивающуюся в настоящее время исследовательскую программу разработки теоретико-доказательной

семантики логических исчислений, инициированную Правицем и Шредером-Хайстером, к которой примыкают исследования в области логики обоснования Артемова и Фиттинга. В области использования компьютеров для проверки сложных математических доказательств, которая предполагает их предварительную формализацию, прогресс также обеспечивается новыми теоретическими результатами, а не только практическими решениями и прагматическими компромиссами. В качестве яркого примера, демонстрирующего этот факт, достаточно указать на концепцию унивалентных оснований математики, предложенную Воеводским около 2010-го года» [Родин, 2022, с. 85].

Переосмысление истории классических направлений поиска оснований математики занимает одно из центральных положений в современной философии математики. Целый ряд попыток возрождения логицизма, среди которых наиболее дискуссионным выступает т. н. «шотландский неологицизм» Б. Хэйла и К. Райта, исследования истории логицизма, вплоть до идей Р. Дедекинда, обнаруживают гораздо более концептуально сложную историю, чем традиционная версия происхождения классических программ как реакции исключительно на теоретико-множественные парадоксы. Наряду с неологицизмом одной из наиболее интересных и быстро развивающихся программ философии математики является структурализм. Обсуждение всех перечисленных направлений и их центральных тем присутствовало в дискуссии, вызванной докладом Л. Д. Ламберова «Затруднения структуралистской философии математики» [Ламберов, 2022], посвященным, казалось бы, весьма «узкой» теме – «дилемме Бенаццерафа», являющейся одним из концептуальных источников современного структурализма. Докладчик продемонстрировал применимость аргументации П. Бенаццерафа к самой его позиции, указывая на возникающие проблемы для самой номиналистической направленности элиминативного структурализма.

Переосмысление философской значимости классических результатов математической логики и оправданности ее традиционных интерпретаций в последние годы стало заметным явлением в философской логике. Широко отмечаемое в нынешнем году 90-летие знаменитой теоремы Гёделя о неполноте ознаменовалось проведением целой серии невероятно масштабных конференций. Одним из все более заметных направлений обсуждения, казалось бы, хорошо известного и освященного традицией результата, является проблематизация интерпретации теоремы Гёделя как опровержение возможности реализации программы Гильберта и неявных концептуальных допущений в доказательствах теорем о неполноте. В творчестве юбиляра эта тематика представлена целым рядом статей об интенциональных аспектах доказательств теорем о неполноте. Обсуждение перечисленных проблем было сконцентрировано обсуждением доклада А. В. Бессонова «On the Independence of Gödel's Incompleteness Theorems» [Bessonov, 2022], в котором ставится вопрос о независимости/зависимости результатов от гёделевского представления доказательства в связи с использованием им предиката доказуемости.

В рамках работы секции обсуждались и другие актуальные темы современной философской логики: природы и границы аксиоматизации эпистемологических концепций, соотношения классической и неклассических логик, природы абстрактных объектов математики, развития теоретико-игрового подхода в неклассических логиках. Материалы докладов, вызвавших эти дискуссии, можно найти в сборнике материалов конференции.

Другим важным направлением работы конференции было осмысление истории аналитической философии. Эта тема, играющая большую роль в научной работе юбиляра, была представлена целым рядом докладов, вызвавших живой интерес участников

конференции. Так, в докладе В. А. Бажанова «О политических предпосылках становления аналитической философии в США» [Бажанов, 2022] были подробно проанализированы политические факторы и аспекты трансформации логического эмпиризма в форму аналитической философии в США. Автор представил этот процесс как многоаспектный и многоступенчатый, связанный с потерей единой платформы видных представителей Венского кружка, эмигрировавших в Америку, смертью некоторых его важных представителей и атмосферой периода Маккартизма, фактически подавившей возможность публичного выражения левых социально-политических идей. К. Д. Скрипник в своем докладе «Венский кружок и движение сигнифики в Нидерландах: встречи, темы, споры» [Скрипник, 2022] осветил практически неизвестный сюжет в развитии логического эмпиризма в Нидерландах. Оживленное обсуждение вызвал доклад М. Н. Вольф «Уилфрид Селларс как историк философии» [Вольф, 2022], в котором на примере анализа историко-философских идей У. Селларса ставились более общие вопросы эволюции историко-философских позиций аналитической философии.

В ходе работы конференции обсуждался очень широкий ряд вопросов, касающихся перспектив аналитической метафизики, философии языка и философии сознания, этической и философско-правовой тематик, развивающихся в современной аналитической философии. Тот факт, что мы их только перечислили, никоим образом не может служить основанием считать их малозначимыми или менее интересными, чем те, о которых сказано было немногим больше. Сколько-нибудь приемлемое освещение всей полноты тематик и содержания представленных докладов потребовало бы не формата обзорной статьи, а полновесного комментария к сборнику опубликованных материалов конференции. За подробной характеристикой лучше обратиться к самому изданию или электронному варианту, размещенному на странице Института философии и права СО РАН (philosophy.nsc.ru).

Царившая на конференции атмосфера отражала резонанс наиболее бурно обсуждаемых тем в современной мировой аналитической философии, проблем, раскрываемых в научной работе юбиляра В. В. Целищева, и интересов участников конференции. Не в последнюю очередь этот эффект возник благодаря удивительно широкой «географии» участников: Томск, Санкт-Петербург, Вена, Ульяновск, Екатеринбург, Самара, Вологда и др. Быстрота, с которой дискуссии, казалось бы, по частным вопросам успевали перерасти в обсуждение принципиально важных общих тем, сохраняя содержательность и предметность анализа, позволяет судить о значительном и неподдельном интересе к тематике конференции в отечественной философии, значительном потенциале ее развития. Нам остается надеяться на то, что юбилейная конференция даст начало созданию одной из постоянно действующих площадок развития аналитической философии не только в сибирском регионе.

Список литературы / References

Бажанов, В. А. (2022). О политических предпосылках становления аналитической философии в США. *Аналитическая философия: траектории истории и векторы развития*. Материалы международной конференции, посвященной 80-летию научного руководителя ИФПР СО РАН В. В. Целищева (г. Новосибирск, 25-26 февраля 2022 г.). Новосибирск. С. 128-131.

Bazhanov, V. A. (2022). The Political Background of Analytical Philosophy Emergence in the USA. In *Analytical Philosophy: Trajectories of History and Vectors of Development*. Materials of the international conference, dedicated to the 80th anniversary of the scientific director of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science V. V. Tselishchev. Novosibirsk. pp. 128-131. (In Russ.)

Bessonov, A. V. (2022). On the Independence of Gödel's Incompleteness Theorems. In *Analytical Philosophy: Trajectories of History and Vectors of Development*. Materials of the international conference, dedicated to the 80th anniversary of the scientific director of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science V. V. Tselishchev. Novosibirsk. pp. 5-9.

Вольф, М. Н. (2022). Уилфрид Селларс как историк философии. *Аналитическая философия: траектории истории и векторы развития*. Материалы международной конференции, посвященной 80-летию научного руководителя ИФПР СО РАН В. В. Целищева (г. Новосибирск, 25-26 февраля 2022 г.). Новосибирск. С. 88-91.

Volf, M. N. (2022). Wilfried Sellars and His History of Analytic Philosophy. In *Analytical Philosophy: Trajectories of History and Vectors of Development*. Materials of the international conference, dedicated to the 80th anniversary of the scientific director of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science V. V. Tselishchev. Novosibirsk. pp. 88-91. (In Russ.)

Грей, Дж. (2021). *Призрак Платона: Модернистская трансформация математики*. М.

Gray, J. (2021). *Plato's Ghost: The Modernist Transformation of Mathematics*. Moscow. (In Russ.)

Коффа, А. (2019). *Семантическая традиция от Канта до Карнапа: к Венскому вокзалу*. М.

Coffa, A. (2019). *The Semantic Tradition from Kant to Carnap: To the Vienna Station*. Moscow. (In Russ.)

Ламберов, Л. Д. (2022). Затруднения в структуралистской философии математики. *Аналитическая философия: траектории истории и векторы развития*. Материалы международной конференции, посвященной 80-летию научного руководителя ИФПР СО РАН В. В. Целищева (г. Новосибирск, 25-26 февраля 2022 г.). Новосибирск. С. 29-37.

Lamberov, L. D. (2022). The Conundrums of Structuralist Philosophy of Mathematics. In *Analytical Philosophy: Trajectories of History and Vectors of Development*. Materials of the international conference, dedicated to the 80th anniversary of the scientific director of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science V. V. Tselishchev. Novosibirsk. pp. 29-37. (In Russ.)

Родин, А. В. (2022). Виталий Валентинович Целищев об эпистемологии математических доказательств. *Аналитическая философия: траектории истории и векторы развития*. Материалы международной конференции, посвященной 80-летию научного руководителя ИФПР СО РАН В. В. Целищева (г. Новосибирск, 25-26 февраля 2022 г.). Новосибирск. С. 84-87.

Rodin, A. V. (2022). Vitaliy Valentinovich Tselishchev on Epistemology of Mathematical Proofs. In *Analytical Philosophy: Trajectories of History and Vectors of Development*. Materials of the international conference, dedicated to the 80th anniversary of the scientific director of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science V. V. Tselishchev. Novosibirsk. pp. 84-87. (In Russ.)

Скрипник, К. Д. (2022). Венский кружок и движение сигнифики в Нидерландах: встречи, темы, споры. *Аналитическая философия: траектории истории и векторы развития*. Материалы международной конференции, посвященной 80-летию научного руководителя ИФПР СО РАН В. В. Целищева (г. Новосибирск, 25-26 февраля 2022 г.). Новосибирск. С. 137-144.

Skrupnik, K. D. (2022). The Vienna Circle and signific movement in the Netherlands: encounters, topics, discussions. In *Analytical Philosophy: Trajectories of History and Vectors of Development*. Materials of the international conference, dedicated to the 80th anniversary of the scientific director of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science V. V. Tselishchev. Novosibirsk. pp. 137-144. (In Russ.)

Тасич, В. (2022). *Математика и корни постмодернистской философии*. М.

Tasic, V. (2022). *Mathematics and the Roots of Postmodern Thought*. Moscow. (In Russ.)

Флойд, Дж. (2022). *Недавние темы в истории ранней аналитической философии*. М.

Floyd, J. (2022). *Recent Themes in the History of Early Analytic Philosophy*. Moscow. (In Russ.)

Фридман, М. (2021). *Философия на перепутье: Карнап, Кассирер и Хайдеггер*. М.

Friedman, M. A. (2021). *Parting of the Ways: Carnap, Cassirer and Heidegger*. Moscow. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Хлебалин Александр Валерьевич – кандидат философских наук, зам. директора по научной работе Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: sasha_khl@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3536-3974>.

Статья поступила в редакцию: 15.02.2022

После доработки: 01.03.2022

Принята к публикации: 20.03.2022

Khlebalin Aleksandr – Candidate of Philosophy, Deputy Director for Research of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: sasha_khl@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3536-3974>.

The paper was submitted: 15.02.2022

Received after reworking: 01.03.2022

Accepted for publication: 20.03.2022